

Кэтрин Уэбб
Незаконнорожденная

«Азбука-Аттикус»

2013

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Уэбб К.

Незаконнорожденная / К. Уэбб — «Азбука-Аттикус», 2013

ISBN 978-5-389-08515-2

Дурные приметы в день свадьбы Рейчел не обманули: ее мечты о семейном счастье очень скоро рухнули. Ей открылись неизвестные страницы из жизни ее мужа, преуспевающего торговца вином Ричарда Уикса. Оказалось, что за пылкой влюбленностью Ричарда стоят совсем иные чувства... Рейчел вовлечена в чужую игру, но отведенную ей роль она понимает не сразу. Время в романе движется словно по заколдованному кругу, из 1820-х к началу 1800-х годов. Автор погружает нас в атмосферу маленького английского городка на берегу реки Эйвон, за тихими фасадами которого кипят страсти, рушатся судьбы, умирает и рождается любовь. Впервые на русском языке!

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-08515-2

© Уэбб К., 2013
© Азбука-Аттикус, 2013

Содержание

1803	6
1821	8
1803	24
1821	28
1803	48
1821	53
1805	81
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Кэтрин Уэбб

Незаконнорожденная

*Тяжелая участь всех женщин, увы!
Всегда мы зависимы, угнетены;
Родители строжат, пока нет мужей,
И в браке – в цепях до конца наших дней.*

«Участь женщины», народная английская песня, XVIII в.

*Как двух стволов соседних ветки,
Двоих соединила страсть;
И двух сердец сплетенье крепко,
Лишь вместе суждено упасть.
Друг с другом вы наедине,
И нет меж вами места мне.
Что ж, я расти теперь готов
Шиповником вокруг стволов.*

Katherine Webb

THE MISBEGOTTEN

Copyright © Katherine Webb 2013

First published in 2013 by Orion Books, London

All rights reserved

© М. Тарасов, перевод, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2016

Издательство АЗБУКА®

1803

Тот день, когда она пришла со стороны болота, выдался ужасно холодным. Северный ветер, пронизывая до костей, дул непрерывно с самого утра. Тонкий ледок, покрывающий влажную почву, проламывался под босыми ногами. Девочка медленно брела к фермерскому дому. Она шла с западной стороны, и рядом неспешно несла воды набухшая река, а за спиной светило низкое солнце – мрачное, молочно-белое, похожее на бельмо невидящего глаза. Из дома вышла девушка и направилась через двор к курятнику. Она не сразу заметила девочку, потому что куталась в шаль и смотрела вверх, наблюдая за большой стаей скворцов, летевшей к раскидистому каштану, чтобы устроиться там на ночлег. Птицы следовали в одном направлении, напоминая странное существо, похожее на клуб дыма. Они без умолку галдели, словно на что-то жалуясь друг другу, и вскоре исчезли среди голых ветвей.

Девочка приоткрыла ворота и вошла во двор. Когда девушка наконец увидела ее и окликнула, от неожиданности девочка споткнулась. Бедняжка не разобрала слов, но сам их звук напугал ее. Покачнувшись, она остановилась. Фермерский дом, выстроенный из светлого камня, был большой и просторный. Из его труб тянулись струйки дыма, из окон нижнего этажа лился мягкий желтоватый свет, пятна которого ложились на влажную глинистую землю. Он неудержимо притягивал к себе девочку, словно та была мотыльком. Свет обещал тепло, пристанище, а возможно, и еду. Она снова нетвердыми маленькими шажками двинулась к дому. Тот стоял на возвышении, и путь к нему лежал по крутому склону, так что, преодолевая подъем, девочка шла зигзагами, то и дело оступаясь. Казалось, ей оставалось лишь протянуть руку, чтобы окунуть ее в золотое сияние. Оно было таким близким. Но тут девочка упала и не смогла подняться. Малышка слышала, как девушка встревоженно вскрикнула, и ощутила, как ее поднимают и куда-то несут. Ничего из того, что случилось потом, девочка не помнила.

Она очнулась от сильного покалывания в руках и ногах. Возникшее незнакомое чувство разлившегося по крови тепла вызывало в них невыносимый зуд и ноющую боль. Бедняжка попробовала пошевелиться, но не смогла. Что-то сковывало движения. Девочка открыла глаза и поняла, что сидит завернутая в шерстяное одеяло на коленях у девушки, которую видела во дворе. Рядом с ними ревели пламя в огромном, как пещера, камине. Жар был ошеломляюще сильным, а свет невыносимо ярким. Над головой виднелись балки, поддерживающие потолок, рядом на полке сияли свечи; казалось, она попала в какой-то другой мир.

– Неужели ты считаешь, что ее надо выгнать на улицу, да еще в такой холод! – сказала девушка.

Голос у нее был мягкий, но взволнованный. Девочка подняла взгляд и увидела лицо такое чудесное, что ей подумалось: наверное, она сидит на коленях у ангела. Волосы этого неземного создания, совсем светлые, были цвета свежеснятых сливок. Большие и добрые ярко-синие глаза смотрели из-под длинных ресниц, похожих на маленькие золотые перышки. У девушки были высокие скулы и острый подбородок, твердые очертания которого, однако, смягчал легкий намек на ямочку.

– Она бродяжка, это уж точно, – прозвучал немолодой голос, в котором послышалась угроза.

– Ну и что? Она дитя и умрет, если проведет еще одну ночь без крова и еды. Только посмотри на нее! Одни кости, словно у несчастного птенца, выпавшего из гнезда. – Девушка опустила взгляд, увидела, что девочка на нее смотрит, и ответила улыбкой.

– Она отопрет ночью дверь людям из своей шайки, вот увидишь. Она их впустит, и эти разбойники заберут все, включая твою честь!

– Ох, Бриджит! Вечно ты всего боишься! Ты рабыня своей подозрительности. Она не сделает ничего подобного. Это просто ребенок. Сама невинность.

– В этом доме нет никого невиннее тебя, мисс Элис, – пробормотала Бриджит. – И говорю я из осторожности, а не из страха. Какой дорогой она пришла?

– Не знаю. Она появилась внезапно. Только что ее не было, и вот она тут. – Девушка кончиками пальцев вынула перышко из волос девочки. – Словно ее принесли скворцы.

– Это всего лишь твои фантазии. Она заразит тебя вшами и прочими паразитами. Не держи ее так близко. Чувствуешь, что от нее чем-то воняет?

– Как ты можешь так говорить о ребенке, Бриджит? Неужели у тебя нет сердца? – Элис обняла девочку и прижала ее к себе, словно пытаясь защитить.

Та прильнула к своей спасительнице и услышала, как сильно колотится у девушки сердце, хотя та и выглядела спокойной. Оно билось в бешеном ритме с резкими внезапными переборами. Грудь у Элис при этом быстро опускалась и поднималась, выдавая частое дыхание.

– Выставить ее за дверь равносильно убийству. Более того, детоубийству! Я этого не сделаю. И ты тоже.

Обе женщины быстро переглянулись. Затем Бриджит поднялась с кресла и сложила на груди костлявые руки.

– Так и быть, но если что случится, мисс, ты будешь во всем виновата.

– Хорошо. Спасибо, Бриджит. Не подашь ли немного супа? Малышка, верно, совсем голодная.

Лишь когда пожилая женщина покинула комнату, Элис немного успокоилась и прижала свободную руку к груди. Она посмотрела на девочку и снова улыбнулась.

– Споры с Бриджит всегда заставляют мое сердце замирать и биться с переборами, – сказала она, переводя дыхание. – Как тебя зовут, малышка?

Девочка ничего не ответила. Ей казалось, что ее язык прилип к небу, ее бросало то в жар, то в холод.

– Тебе больше нечего бояться. Здесь ты будешь в тепле и безопасности, и у тебя появится еда... Ой, смотри-ка, еще одно! – проговорила Элис, вытягивая второе перышко из волос девочки. – Отныне ты станешь зваться Пташкой.

Девочка посмотрела на своего ангела и в тот же миг позабыла обо всем – где жила раньше, с кем, как ее прежде звали, а также о том, что у нее сводит живот от голода. Все вылетело у нее из головы – все, кроме того, что она любит Элис, что останется с ней навсегда и сделает все на свете, чтобы ей угодить. А потом она заснула.

1821

День бракосочетания был полон дурных предзнаменований. Рейчел старалась не придавать им значения, потому что была слишком рассудительной, чтобы верить в подобные вещи, но они все равно не переставали ее тревожить. Она представляла себе, как мать, улыбаясь, чтобы смягчить значение своих слов, отчитывает ее за то, что она обращает внимание на дурные приметы: «Это нервы, моя дорогая. Это всего-навсего нервы». Тем не менее Рейчел продолжала замечать все новые знаки судьбы, ее предостерегавшие. Одинокая сорока, прогуливающаяся по лужайке. Дрозд, поющий на столбе у ворот. Надевая передник, она наступила на подол, и шов у пояса разошелся. А когда Рейчел стала снимать папильотки, волосы тут же распрямились, словно их и не завивали. Впрочем, это был первый день за неделю, когда не шел дождь, – знак, без сомнения, добрый. Сентябрь только начался, а погода испортилась, причем ненастье наступило уже в последние дни августа. Шли проливные дожди, дул сильный ветер, срывавший еще зеленые листья. Рейчел рассчитывала, что в день свадьбы по-прежнему будет лето, но ее надежды не оправдались. Осень. Еще один знак. Поднятые руки занемели. Она оставила в покое волосы и подошла к окну. Солнце стояло низко и казалось каким-то ущербным – оно светило в глаза и слепило, вместо того чтобы греть. «Я в последний раз стою у окна в особняке Хартфорд-Холл», – напомнила себе Рейчел, и эта мысль перевесила все недобрые предзнаменования. Утром она проснется к иной жизни, в новом доме, став другим человеком. Замужней женщиной, а не презираемой всеми старой девой.

Мать Рейчел уж точно отмела бы все эти знаки судьбы и постаралась бы убедить дочь, что Ричард Уикс, с учетом обстоятельств, во всех отношениях очень неплохая партия. Анна Крофтон была женщиной практичной, доброй и ласковой, но весьма приземленной. Она вышла за отца Рейчел не по любви, а исходя из здравого смысла, хотя позднее любовь между ними все-таки возникла. Мать одобрила бы то, с какой осторожностью Рейчел взвешивала сделанное Ричардом Уиксом предложение перед тем, как его принять. Он, конечно, был ниже ее по происхождению, но имел хорошие перспективы. Его бизнес процветал и приносил доход более чем достаточный для того, чтобы обеспечить жене скромный комфорт. Правда, манеры этого человека казались несколько грубоватыми, зато в его привлекательности сомневаться не приходилось. Его врожденное обаяние вселяло надежду, что, затратив некоторые усилия, можно будет улучшить и его обхождение. Необработанный алмаз, которому Рейчел придаст огранку. К тому же, каким бы блестящим ни представлялось ее происхождение, нынешний статус был низким. Закрывая ночью глаза, Рейчел, казалось, слышала, как все это говорит ей мать, и чувствовала, что ей мучительно не хватает родителей. Что касается отца... Он наверняка был бы более краток. Зато она увидела бы в его глазах опасение – сам Джон Крофтон женился по любви и всегда говорил, что это сделало его счастливейшим человеком на свете.

Но Рейчел приберегла довод и для него: она знала, что Ричард Уикс ее любит. Так что она вступала в брак на совершенно тех же условиях, что и ее родители, и надеялась быть так же счастлива, как они. Рейчел не верила в любовь с первого взгляда, – во всяком случае, до того, как в июне впервые столкнулась с Ричардом и увидела, что его при встрече с ней словно ударило молнией. Он явился в Хартфорд-Холл с образцами бордоских вин, которые сэру Артуру Тревелияну предстояло продегустировать, и ждал этого джентльмена в малой гостиной, когда Рейчел вошла туда в поисках колоды карт. На улице собиралась гроза, которую, впрочем, и следовало ожидать после недели удушающей жары. Небо потемнело, на нем то и дело появлялись вспышки далеких молний, похожие на гигантских ночных светляков. Ее юных подопечных непогода загнала в дом, им не сиделось на месте, и они пребывали в

дурном настроении, а потому возникла необходимость занять их игрой в вист. Она не знала, что в комнате кто-то есть, и поэтому ворвалась туда в спешке, нахмурившись, то есть совсем не так, как подобает входить настоящей леди. Ричард вскочил со стула, одернул сюртук, и Рейчел остановилась как вкопанная. Они молча стояли лицом к лицу в течение какой-то особенно долгой секунды, и уже в следующий миг Рейчел поняла, что произошло.

Глаза Ричарда расширились, и слова, вертевшиеся у него на языке, так и остались невысказанными. Сперва он слегка побледнел, затем его лицо залилось краской. Он не отрываясь смотрел на нее, словно объятый благоговейным страхом. Со своей стороны Рейчел была слишком озадачена, чтобы поздороваться, и вялые слова, которые она собиралась произнести, извиняясь за вторжение, тоже замерли у нее на губах.

Даже при проникающем через окна бледном свете, который делал румянец на его лице немного болезненным, Ричард выглядел писанным красавцем. Высокого роста, широкий в плечах – это бросилось бы в глаза, даже не стой он перед ней навтыжку. У него были светло-каштановые волосы, голубые глаза и волевой подбородок. Рейчел невольно и сама покраснела под столь внимательным, изучающим взглядом. Она знала, что не настолько красива, чтобы ее лицо или фигура могли произвести такое сильное впечатление. Она казалась слишком высокой, грудь была плоской, а талия чересчур узкой. Рейчел была очень светлой блондинкой с тонкими и прямыми волосами. Глаза у нее были большие, с тяжелыми веками, а рот слишком маленький. Так что же могло вызвать такую бурю чувств, как не осознание того, что он наконец нашел ту, которую долго искал? Вторую половину своей души, с которой ему суждено обрести гармонию. На верхней губе у Ричарда даже выступили мелкие капельки пота.

Наконец раздались шаги сэра Артура. И тогда заклятие спало. Рейчел сделала гостью лишенный грации книксен и уже повернулась, чтобы уйти, так и не взяв колоды карт, когда Ричард к ней обратился.

– Мисс... Простите меня, – проговорил молодой человек ей вдогонку.

Голос у него был низким, плавным, волнуящим. Рейчел поднималась в детскую со странным чувством: она была смущена и растеряна, ей было трудно дышать. Элиза, старшая дочь хозяина дома, свернулась калачиком в кресле у окна и читала книгу. Оторвав от нее взгляд, девушка нахмурилась.

– Что с вами случилось? – сказала она, бросив на Рейчел насмешливый взгляд.

Элизе повезло, что она была хорошенькой, изящной смуглянкой. Менее привлекательной девушке трудно пришлось бы в жизни со столь колючим нравом, но пятнадцатилетняя Элиза уже имела множество обожателей.

– Ничего такого, что относилось бы к тебе, – холодно ответила Рейчел.

За те шесть лет, которые Рейчел провела гувернанткой в Хартфорд-Холле, случилось – и, увы, куда чаще, чем следовало бы, – что ей просто хотелось заткнуть Элизе рот.

В течение нескольких недель после первой встречи Ричард Уикс то и дело вдруг возникал перед ней то там, то тут под тем предлогом, что у него есть дела где-то поблизости. Рядом с церковью. У лавки бакалейщика в деревне. В воскресенье после полудня на деревенской лужайке¹, где люди собираются посплетничать и посудачить. Он несколько раз приходил в Хартфорд-Холл якобы для того, чтобы получить отзыв о недавно поставленных им винах, – узнавал, понравились ли они. Он являлся так часто, что сэру Артуру это надоело и он стал обращаться с ним грубо. Но Ричард Уикс все равно приходил, засиживался и, когда ему удавалось увидеть Рейчел, старался с ней заговорить. А затем он попросил разрешения

¹ В центре английской деревни обычно находится традиционная лужайка, некогда общий выпас для скота, а впоследствии центр ее общественной жизни и место деревенских гуляний.

писать ей, и в груди у нее что-то слегка екнуло, ибо с этого момента сомневаться в его намерениях уже не приходилось. Он писал корявым почерком, и каждая буква упрямо не желала соединиться со следующей. Его послания были причудливы и цвели перлами по части правописания и грамматики, но сами по себе выходили теплыми и сердечными.

За всю свою жизнь она получила только одно предложение руки и сердца, и это произошло еще до того, как пятно позора легло на имя отца, то есть во времена, когда ее семья слыла состоятельной и уважаемой. Рейчел никогда не считалась красавицей, но была вполне привлекательной и хорошо воспитанной, чтобы возбудить интерес к себе молодых джентльменов. Но она никогда не оставляла ни малейшей надежды потенциальным женихам и никого не поощряла к исканиям, а потому лишь один из них набрался храбрости попросить ее руки. Это был Джеймс Бил, сын их ближайшего соседа, собиравшийся отправиться в Оксфорд, чтобы преподавать там философию. Она отказала ему так мягко, как только могла, чувствуя, что должна подождать. Чего? Она сама не могла объяснить. В то время ее семья совсем недавно понесла тяжелую утрату, но Рейчел остановило не горе. Скорее всего, желание чего-то не вполне понятного. Возможно, недостаточная степень уверенности. Романтизм не был свойствен ее натуре. Рейчел не ожидала, что ее душа так уж сразу и воспарит при встрече с человеком, с которым ей суждено вступить в брак. Но она все-таки надеялась, что почувствует *нечто*. Что ее посетит чувство правильности своего выбора, едва она поймет, что ее девичество подошло к концу.

Когда дело дошло до решительного объяснения, Ричард Уикс неуклюже промямлил, что хочет видеть ее своей женой. При этом он спотыкался на каждом слове, его щеки горели, и, возможно, именно это проявление уязвимости заставило Рейчел дать согласие. В один из теплых дней в конце июля они отправились на прогулку в сопровождении детей. Нивы, окружавшие Хартфорд-Холл, находившийся к северу от Бата², вблизи деревни Маршфилд, скорее золотились, чем зеленели, и казались сонными от тепла и света. Год выдался жарким. Пшеница поспела рано, и среди колосьев в изобилии цвели сорняки – маки и васильки, перемежающиеся пучками мышиного горошка. Рейчел с Ричардом миновали хлебные поля и дошли до верхнего края идущего под уклон коровьего выгона, где воздух был насыщен ароматами земли и свежего навоза, и остановились в тени березы, в то время как дети бегали в высокой траве, напоминая корабли, плывущие по зеленому морю, – кроме Элизы, которая присела в отдалении на низкую каменную ограду, открыла книгу и нарочито повернулась к ним спиной.

– Какое красивое место, вы не находите? – спросил Ричард, встав рядом с ней и сцепив пальцы за спиной.

Сюртук его был снят, а манжеты рубашки подвернуты, и Рейчел обратила внимание, что руки у него загрубевшие, обветренные и мускулистые. Руки рабочего человека, не джентльмена. На нем были высокие, довольно поношенные кожаные сапоги, надетые поверх бриджей табачного цвета, и голубой жилет, который был ему слегка великоват. «Куплен с рук и не перешит. Но это ни капельки не делает этого человека менее достойным», – подумала Рейчел.

– Одно из моих самых любимых, – согласилась она.

За растущими в ряд березами и ивами в нижней части склона местность снова шла вверх и немного холмилась. Там и сям виднелись квадратики полей. Прямо над головой молодой сарыч выкликал своих родителей, его крик был свистящим и каким-то детским, хотя он парил в небе в добрых пятистах футах от них. Рейчел почувствовала, как стянуло кожу на носу, и мысленно взмолилась, чтобы та не обгорела на солнце. От жесткой соломенной шляпки лоб чесался.

² Бат – город в Англии, бальнеологический курорт и административный центр графства Сомерсет.

– Наверное, вы никогда не захотите покинуть Хартфорд, – пробормотал Ричард.

– Уверена, существует множество мест, которые я полюбила бы не меньше. Те места, которые ты оставляешь, всегда можно посетить снова, – добавила Рейчел.

– Да, вы всегда можете вернуться. – Сказав это, Ричард, похоже, почувствовал, что чересчур размечтался. Он посмотрел на свои ноги и немного потоптался на месте. – Так вы говорите, что выросли в этих краях?

– Да. Моя семья жила в долине реки Байбрук³, это менее чем в шести милях отсюда. И я провела четыре сезона в Бате, до того как... до того как моя мать умерла. – «И все пошло прахом», – подумала она, но промолчала.

– Простите, я не хотел вызвать грустные воспоминания.

– Нет, что вы. С этими местами у меня связаны самые прекрасные воспоминания, мистер Уикс.

После паузы Ричард тихонько откашлялся и продолжил:

– Могу предположить, что у вас остались какие-нибудь знакомые в Бате и поблизости от него? Ведь во время вашего пребывания там у вас, наверно, появилось много друзей?

– Да, наверно, – смущенно ответила Рейчел. Конечно, он не понимал, что все эти знакомые перестали для нее существовать после позора отца. Впрочем, ей не хотелось открывать на это глаза Ричарду. Рейчел уже говорила ему о смерти родителей, и он счел это достаточной причиной для того, что она стала работать гувернанткой, Ричард никак не связывал это с бесчестьем или нищетой. – Но прошло так много лет с тех пор, как я там жила.

– О, вас не забыли, мисс Крофтон. Я в этом совершенно уверен. Вас невозможно забыть, – добавил он поспешно.

– В Бат приезжает много новых людей, и столько же уезжает, – возразила Рейчел. – А вы сами выросли там?

– Собственно, нет. Я деревенский, как вы. Мой отец был конюхом на постоялом дворе. Но городская жизнь мне подходит больше. Бат мне очень нравится, и я, знаете, не хотел бы жить где-то еще. В больших городах, конечно, много грешат и жизнь зачастую тяжелая, причем это куда больше заметно оттого, что люди там живут скученно.

– Жизнь бывает жестокой, – пробормотала Рейчел, не понимая, почему он завел об этом речь.

– Жизнь – да, но люди становиться жестокими не должны. Я однажды видел, как один человек бил маленького ребенка. Голодного мальчишку в лохмотьях, которому было не больше шести лет. Когда я остановил негодяя, он сказал, что с его телеги упало яблоко и этот мальчишка украл его – выхватил из сточной канавы. И за это хозяин готов был дубасить бедолагу палкой. – Ричард покачал головой и посмотрел в сторону солнца, а Рейчел ждала, что он скажет дальше. – В общем, меня это взорвало. Боюсь, я сломал ему челюсть. – Ричард снова глянул на Рейчел. – Это вас возмущает? Вы шокированы, мисс Крофтон?

– Что должно меня возмущать? То, что жестокий человек мог побить ребенка из-за яблока, или то, что вы вмешались и наказали обидчика? – спросила она сурово.

«Он очень хочет, чтобы я знала, что он храбрый, справедливый и чувствительный». Ричард посмотрел на нее озабоченно, и она улыбнулась:

– Жестокость, проявленная по отношению к ребенку, ужасна, мистер Уикс.

Тогда Ричард взял ее за руку, и внезапно Рейчел обратила внимание на напряженную спину Элизы, явно наострившей уши, и на далекий смех остальных детей. Ветерок шевелил листья березы и теребил прядку волос на ее щеке. «Сейчас начнется».

– Я уже говорил вам, как сильно я... восхищаюсь вами, мисс Крофтон. Как сильно я вас люблю. Я никого так не любил, как вас. Вы *должны* стать моей женой. – Голос Ричарда

³ Байбрук – приток реки Эйвон.

был так напряжен, что предложение получилось похожим на приказ, и его щеки залил румянец. Он снова посмотрел на ноги, продолжая держать ее руку в своей. Вышло движение, напоминающее поклон, мольбу. – Не сомневаюсь, это будет выгодная партия и для вас, и для меня. Ваше происхождение, и ваши манеры... так восхитительны, мисс Крофтон. Ваши связи в Бате... Я хочу сказать, наши объединенные возможности... могут... могут привести к общему будущему, куда большему... Я хочу сказать... пожалуйста, выходите за меня замуж, прошу вас. – Он кашлянул, переводя дух. – Если вы окажете мне великую честь и станете моей женой, то я клянусь посвятить жизнь заботе о вас.

Тяжело дыша, он поднял на нее глаза с таким видом, словно едва решился это сделать. «Два предложения с промежутком почти в десять лет. Нынешнее сделано несколько менее изящно, однако, несомненно, оно станет последним». Рейчел ощутила неуверенность, но небо было таким изумительно-синим, его рука казалась такой теплой, а щеки такими румяными, и его глаза так лихорадочно блестели, когда он ожидал ответа на свою неловкую речь. Солнце освещало изгибы его скул и подбородка. «Красивое лицо, озаренное любовью ко мне». Она почувствовала, как сердце ее переполнилось и в нем приоткрылась маленькая щелка. От вдруг забрезжившего чувства нежности, такого неожиданного, давно позабытого, на глаза навернулись слезы.

– Да, я стану вашей женой, мистер Уикс, – сказала она.

Рейчел и Ричард решили пожениться в церкви рядом с Хартфорд-Холлом, а затем сразу отправиться в Бат, в дом Ричарда, где они станут жить.

– На какой улице стоит его дом? – чеканным голосом спросила Элиза, услышав об этом плане.

– Я забыла. Может, на Кингсгейт-стрит? – ответила Рейчел, на ходу придумав название.

На самом деле дом стоял на Эббигейт-стрит, и у нее потяжелело на сердце, когда она рассказала об этом Мине Купер, старшей няньке, и увидела, как та старается подыскать какие-нибудь добрые слова об этом адресе: «Уверена, улица стала куда лучше, чем тогда, когда я на ней бывала».

– Кингсгейт-стрит? Не знаю такой. Должно быть, где-то на окраине, раз я про нее ничего не слышала.

– Возможно, еще есть на свете вещи, о которых ты ничего не слышала, Элиза.

Такие вещи действительно существовали. К ним, в частности, относились мало кому известные сведения о Ричарде, которыми теперь располагала Рейчел. Например, она была в курсе того, что, несмотря на моложавый вид, ему уже за тридцать. Что его любимым блюдом является хлеб, обмакнутый в растопленное сливочное масло, в котором до того жарились грибы. Что его в детстве сбросила лошадь, и поэтому он до сих пор боится ездить верхом. Что он добился многого собственным упорным трудом, хотя его отец был всего-навсего конюхом, – а все благодаря хорошему вкусу и самообразованию, так что теперь Ричард стал самым успешным в Бате торговцем вином и прочими спиртными напитками.

Об этом он рассказал ей сам, не дожидаясь расспросов, как человек, который желает разом выложить о себе все начистоту, и хорошее и дурное, чтобы она знала его подноготную вплоть до мельчайших подробностей. Это вызывало доверие. Похоже, он не замечал, что сам мало о чем ее спрашивал и что она пожелала сообщить о себе лишь самые краткие сведения. В связи с каждой мелочью, которую Рейчел узнавала о Ричарде, у нее в голове, где-то в дальних тайниках сознания, зарождались десятки вопросов, которые были неуловимы, точно ночные тени. Они походили на эхо доносящегося из гулкой пустоты далекого голоса, были частью ее самой, той частью, от которой она отгородилась в годы тяжелых потерь, что последовали за счастливым детством. Этот голос она в себе хранила и лелеяла. Когда она его слышала, то ощущала внезапную боль утраты, как от удара ножом, пронзающего ее плоть, и

одновременно радость – оттого, что слышит его опять, как бы тихо он ни звучал. Когда речь шла о Ричарде Уиксе, голос был почти детским, полным очарования, робкого удовольствия и мимолетных сомнений.

После того как она сообщила, что уходит, сэр Артур и леди Тревельян, как и положено, объявили, что им будет очень не хватать их мисс Рейчел. Правда, ей показалось, что больше всего они горюют о том, что придется потратиться на объявления о найме новой гувернантки. Только Фредерик, самый маленький, похоже, искренне огорчился при мысли, что потеряет ее. Когда он обнял Рейчел за талию и уткнулся лицом в ее юбку, чтобы спрятать слезы, она почувствовала укол совести.

– Ты хороший малыш, Фредди, и я буду очень по тебе скучать. Надеюсь, мы будем часто друг друга навещать.

– Я в этом сомневаюсь, – язвительно заметила Элиза и добавила: – Бат такое скучное место, и... теперь он не то что раньше⁴. Полагаю, мы будем ездить в Лайм⁵. И даже если нам доведется приехать в Бат, то, скорее всего, мы станем возвращаться в совершенно разных кругах.

По ее нарочитому недружелюбию, еще большему, чем обычно, Рейчел поняла, что и Элиза сожалеет об ее отъезде. Гувернантка догадывалась, что девушка принадлежит к числу тех людей, которые способны выражать все свои чувства только через злость, а потому отважилась подойти к ней и поцеловать в щеку.

– Будь счастлива, Элиза. И постарайся быть доброй, – сказала она.

Элиза нахмурилась, метнула яростный взгляд, отвернулась и решительно посмотрела в окно. У нее был такой вид, словно больше всего на свете ей хотелось распахнуть окно и улететь в открывающийся за ним мир, подальше от ее дома с его строгими колоннами и еще более строгими правилами.

Стук в дверь заставил Рейчел отпрянуть от окна, и свадебное, а по правде сказать, и единственное хорошее платье колыхнулось вокруг ее лодыжек. Оно было сшито из светлой желтовато-коричневой хлопчатобумажной ткани, имело короткие рукава и было присборено под грудью. Рейчел ощутила, как выбившиеся из прически локоны скользнули по шее, и она подумала, что теперь, наверное, с ними уже ничего не сделаешь. В комнату вошла Элиза, так и не дождавшаяся ответа на стук в дверь.

– Хотя вы и готовы выйти замуж за лавочника, знайте, что папа велел подать для вас ландо⁶ к главному входу. Я сказала, что до церкви всего пятьдесят шагов и можно дойти пешком, но он настаивает: экипаж для свадьбы обязателен, – проговорила она таким тоном, будто сказанное совсем ее не волновало.

На ней было красивое атласное платье кремового цвета, отороченное затейливой вышивкой, куда более изящное, чем все, что когда-либо надевала Рейчел, и невеста подумала, что сегодня ее прежняя подопечная решила превзойти саму себя по части бестактности.

– Спасибо, Элиза. Я готова.

– Но... волосы...

– Сойдет и так. Да и погода сегодня ветреная. А кроме того, мистеру Уиксу все равно.

– Может, сойдет и так, но вам-то, наверно, не все равно. Ну-ка, присядьте на минутку. – Элиза взяла с туалетного столика несколько отвергнутых было шпилек и стала прикалывать

⁴ Каждое лето на протяжении второй половины XVIII и большей части XIX в. Бат являлся неофициальной столицей британской общественной жизни, поскольку именно сюда на это время перемещались аристократия и знаменитости.

⁵ Имеется в виду Лайм-Реджис, маленький прибрежный курортный город на западе графства Дорсет.

⁶ Ландо – четырехместная коляска.

на место выбившиеся пряди. – Следовало позвать Бесси, она бы помогла, – пробормотала девушка.

– Как ты не раз напоминала, у Бесси есть много других дел и она не обязана делать мне прическу.

– Это же день вашей *свадьбы*, мисс Крофтон. И я не понимаю, почему бы не приколоть спереди накладные локоны, чтобы выглядеть как надо. Мисс Крофтон, мисс Крофтон... Наверное, вам приятно услышать эту фамилию еще несколько раз, прежде чем стать миссис Уикс.

– Как мило с твоей стороны идти на свадьбу, которую ты не одобряешь, – проговорила Рейчел, которую этот разговор развеселил.

– Я не говорила, что не одобряю вашего брака. Мистер Уикс... хорош. Как раз по вам, на мой взгляд.

– Хороший и честный человек, который меня любит. Да, я тоже считаю, что он по мне, – сказала Рейчел и увидела в зеркале, как Элиза слегка покраснела, а ее плотно сжатые губы стали еще тоньше.

Тут Рейчел пришла в голову мысль, что Элиза, возможно, ей завидует. Она не раз заставляла девушку подглядывающей из окна за Ричардом Уиксом. Он являл собой романтическую фигуру и был весьма привлекателен – более чем, чтобы очаровать пятнадцатилетнюю девушку. Рейчел понимала, что следует взять себя в руки: это обстоятельство не должно доставлять удовольствие, ведь Элиза, по сути, была еще ребенком. Тем не менее, когда Рейчел встала из-за столика, ее движения стали более решительными.

Рейчел спустилась по широкой лестнице со сверкающими перилами, прошла через вестибюль, где на полу был расстелен настоящий турецкий ковер, к высоким дверям парадного подъезда. На всем пути за Рейчел следовало ее отражение. Оно перепархивало с одного огромного зеркала на другое, словно навязчивое привидение, и в этой раздвоенности было что-то успокаивающее. Искушение увидеть женщину, похожую на нее как две капли воды, но все-таки существующую отдельно, было сильным. Она не решалась повернуть голову, чтобы посмотреть, потому что знала, кого именно увидит: только саму себя. Скорее всего, ей уже никогда не оказаться снова в таком роскошном особняке. Но Хартфорд-Холл был домом холодным и неуютным. Здесь редко слышался смех, несмотря на присутствие детей, и сюда редко приходили гости. Рейчел он представлялся грустным и тихим местом, особенно в сравнении с теплым и веселым домом, в котором она провела детство, и шумным пансионом с его девичьей болтовней, в котором она училась. Она вспоминала, как боролись друг с другом отец и маленький брат Кристофер – они катались по ковру, лежащему перед камином, колошматя друг друга по ребрам, пока не затихали, обессилевшие от смеха. Рейчел пыталась представить себе сэра Артура играющим таким образом с Фредди и не могла. Впрочем, возможно, в Хартфорде воцарилась тишина в какой-то мере и благодаря ей; она скорбела о потере родителей, какая-то часть ее самой умерла вместе с ними, – во всяком случае, ей так казалось.

Мать ушла первой в результате внезапной болезни, а отца не стало три года спустя, когда горе довело его до крайности, до скандала, и дом, а также всю мебель продали, чтобы оплатить его позорный долг. Доктора остались в неведении относительно истинной причины смерти, но Рейчел, которая видела выражение его лица, когда в последний раз пришла поцеловать отца перед сном, осталась в полной уверенности, что добрый и ранимый папа умер от стыда. Эта мысль была невыносима, и Рейчел гнала ее прочь. Когда экипаж отъехал от парадного подъезда, она увидела сороку, сидящую на столбике у ворот. К печали. Но Рейчел наперекор всему приветственно помахала ей рукой.

Нервы. Ничего более. В конце концов, ей предстояло изменить жизнь раз и навсегда. Ее волнение было простительным, особенно если учесть, что принимать все решения ей

приходилось одной – она не могла обратиться за советом к родителям, к старшему брату или к старшей сестре. «Может, мне просто требуется, чтобы кто-то поддержал мой выбор». Она успела узнать Ричарда и научилась доверять ему, но его сватовство казалось таким поспешным. Иногда, когда он улыбался, у нее оставалось впечатление, будто у него в голове блуждают какие-то иные, более серьезные мысли. А иногда, когда он был серьезен, в его глазах плясали искорки потаенного веселья. Порой она поднимала глаза и обнаруживала, что он смотрит на нее с выражением, которого она не понимала и не могла разгадать. «Такие вещи узнаются со временем. Я научусь читать его мысли, а он научится читать мои». Но Ричард говорил, что любит ее, твердил это опять и опять и клялся хранить ей верность. Рейчел *увидела*, какое впечатление она на него произвела, когда они встретились в первый раз. И все-таки ее сердце чуть не выскочило из груди, когда она шла в одиночестве по проходу между церковными скамьями, чтобы соединиться с ним перед алтарем. У нее не было родственника-мужчины, который смог бы ее сопровождать. Брата Кристофера лихорадка унесла в возрасте девяти лет, задолго до смерти матери. В последний момент сэр Артур решил сам исполнить роль отца и вручить ее жениху. Та половина церкви, где обычно сидят гости со стороны невесты, была пуста, но ей казалось, что эти места почти целиком заполнены дорогими ей людьми. Она воображала своих родных и знакомых, когда с гордой осанкой мерным, неспешным шагом проходила мимо рядов. Ей представлялось, что они довольны и одобряют ее выбор.

На Ричарде был его лучший синий сюртук и ослепительно-белый шейный платок. Волосы зачесаны назад, щеки и подбородок чисто выбриты. Ричард был поразительно хорош собой. Его взгляд казался ясным и встревоженным, когда он смотрел, как невеста идет ему навстречу. Потом он встал рядом – так близко, что их локти соприкасались, когда священник благословлял их. В этом прикосновении предугадывалось обещание того, что скоро между ними не окажется ничего, даже одежды. Рейчел почувствовала беспокойство при этой мысли. Сквозь окна церкви лился теплый солнечный свет. Рейчел ощутила запах мыла, которым Ричард этим утром намыливал щеки, когда брился, и легкий аромат камфоры⁷, исходящий от его сюртука, а также терпкий запах свежего мужского пота. Пока священник говорил, она, скосив глаза, посмотрела в сторону и увидела, что Ричард не отрываясь глядит на распятие, висевшее над алтарем. Небольшие желваки на нижней челюсти двигались, но, когда он услышал, что ему предлагается произнести брачный обет, он повернулся к ней и не смог удержаться от улыбки. Когда же настал черед Рейчел, то, несмотря на старания, она заговорила так тихо и сдавленно, что священнику пришлось напрягать слух, чтобы расслышать клятву верности будущему супругу. Когда с этим было покончено, Ричард поднес ее руку к губам и, закрыв глаза, склонился перед ней.

– Миссис Уикс, вы сделали меня счастливейшим из людей, – прошептал он, а затем довольно засмеялся, как будто не мог больше сдерживаться.

* * *

Прядь рыжих волос упорно лезла в глаза и раздражала Пташку. Руки были липкими от лукового сока, поэтому отвести волосы в сторону девушка не могла. После того как она переставала готовить, от нее и так долго пахло стряпней. Несмотря на кусок черствого хлеба, насаженного на кончик ножа, прежде чем резать лук, – предосторожность, которой некогда научила Бриджит, – глаза ужасно слезились, а когда подошла Доркас, засвербело еще и в носу, да так сильно, что от злости пришлось стиснуть зубы. Доркас несколько раз разгладила фартук ладонями и улыбнулась. Она осталась маячить поблизости, так что Пташка могла

⁷ С давних пор камфору применяли для борьбы с молью.

видеть ее краешком глаза: Доркас напоминала муху, высматривающую место, на которое можно было бы сесть. Пташка глубоко вздохнула, положила нож и подняла брови. Улыбка Доркас уступила место сердитому взгляду, и у Пташки промелькнуло в голове: «Как низко пала эта девица, что вынуждена заискивать перед какой-то стряпухой».

Солнце только зашло, и ламп еще не зажигали, так что от огня в очаге на стены ложились тени, которые, словно черти, скакали вверх-вниз.

– Так ты сделаешь это сегодня, Пташка? Ты ведь помнишь, как он чудил вчера? – вырвалось наконец у Доркас.

Костлявая горничная с лошадиными зубами и узкими, лишенными ресниц глазками. От Доркас сильно пахло потом, и Пташка не могла сказать наверное: от недовольства или от жара, шедшего от кухонного очага.

– Разве так говорят о хозяине? – Пташка была слишком сердита, чтобы так просто сдаться. «Пускай эта Доркас меня попросит как следует», – подумала она.

– Не строй из себя важную особу, Пташка. Ты знаешь, о чем я говорю, – сказала Доркас.

Пташка пристально на нее поглядела, увидела в глазах девушки неподдельный страх и решила подождать еще.

– Зато я *не знаю*, с чего ты взяла, будто я должна выполнять твою работу, Доркас Уинтроп. Я что-то не замечаю, чтобы ты приходила на кухню и вместо меня резала для супа эти бесконечные луковицы.

Ноздри Доркас затрепетали от негодования.

– Я старшая служанка. Я не выполняю кухонной работы.

– Ты *только* служанка. Так что оставь меня в покое, а лучше всего займись своим делом. – И Пташка снова принялась резать лук, ощущая спиной бессильную ярость горничной.

Кухня в доме в Лэнсдаунском Полумесяце⁸ имела сводчатый потолок и расположенные под самым потолком окна, потому что частично она находилась ниже уровня земли. Окна выходили в узкий, темный двор, и через них проникало совсем мало света. Помещение являлось практически частью фундамента, и от того, что в нем происходило, во многом зависела жизнь на всех остальных этажах здания. Пташке оно порой напоминало звериную клетку, в которой, шурясь на дневной свет, день за днем двигалась вереница потных слуг с подносами в руках и с грязью под ногтями. Сол Брэдбери, повариха, кашлянула, когда Доркас наконец нерешительно пошла вверх по лестнице.

– Ты что, совсем ничего не понимаешь, Пташка? Все равно дело кончится тем, что ты отправишься наверх. Тебе ли этого не знать.

– Пусть так, да только она вцепилась в меня, как вошь, эта Доркас. И как-то не хочется облегчать ей жизнь, – ответила Пташка.

Хозяин дома, мистер Джонатан Аллейн, в последние дни был действительно мрачнее обычного, что доставляло Пташке чувство немалого удовлетворения. Как-никак, это было делом ее рук. Хозяином управляли его капризы, сны и головные боли. Беспорядок в его темных, загроможденных комнатах отражал сумятицу, царившую у него в голове. Пташка знала много способов вывести его из себя. Так, в начале недели она выведала у старого солдата, выпивавшего в «Голове мавра», точный ритм марша, который используют французские барабанщики, и принялась отбивать его на каменной плите камина, когда ее чистила, – якобы выколачивая золу из совка и щетки. Когда она закончила, Джонатан Аллейн сидел с плотно закрытыми глазами и с побелевшими ноздрями, а его тело было так сильно напряжено, что все тряслось. «Не больше того, что ты заслуживаешь», – думала Пташка, доволь-

⁸ Лэнсдаунский Полумесяц – жилой массив в Бате, где дома стоят стена к стене, а в плане сооружение имеет форму полумесяца; был спроектирован Джоном Палмером и построен различными застройщиками в 1789–1793 гг.

ная результатом и тем, что до конца недели он пребывал в подобном состоянии. Вчера Доркас вышла от Аллейна вся бледная и с выпученными глазами, после того как отважилась пойти убираться в его комнатах. Пташка даже улыбнулась, вспоминая эту картину. Девушка походила на выпотрошенного кролика. Проказница заправила выбившуюся прядь поглубже под шапочку и вновь принялась за лук. Сол взбивала жидкое тесто для сливового пирога и мурлыкала себе под нос непристойную песенку.

Через несколько минут Доркас вернулась. Слезы текли по ее измазанным сажей щекам и оставляли грязные подтеки.

– Он сошел с ума! На этот раз он совершенно сошел с ума! – крикнула она резким отрывистым голосом. Пташка не могла удержаться от того, чтобы не хихикнуть. – Не смей надо мной смеяться, Пташка! Ни одному приличному человеку не следует появляться в тех комнатах! Это хуже того, что мог бы изобрести черт! Да в него самого дьявол вселился... Думаю, у него и душа черная как смола! Да, черная как смола! – шумно возмущалась Доркас.

– И что теперь? – подала голос миссис Хаттон, домоправительница, маленькая бойкая женщина с седыми волосами и измученным заботами лицом. Все три женщины на кухне выпрямились и прикусили языки. – Ну что на сей раз? Пусть одна из вас скажет.

– Опять мистер Аллейн, мэм. Он... он... Я пошла в спальню приготовить ее ко сну, а он... – Доркас опять расплакалась, так что ее рот растянулся, образовав большой полумесяц с опущенными уголками.

– Да хранят нас святые угодники. Послушай, Доркас! Я уверена, он не хотел сделать тебе ничего дурного.

Домоправительница достала носовой платок и вручила его служанке.

– А я уверена, что хотел, мэм! Думаю, на этот раз он окончательно сошел с ума. Он вырвал из моих рук помойное ведро и *бросил* его в меня! Если бы я не присела, оно выбило бы мне зубы...

– Тебе, наверное, это пошло бы, – пробормотала Пташка.

Доркас метнула в нее взгляд, полный ненависти.

– Пташка, никто не просил тебя открывать рот, – проговорила миссис Хаттон сердито.

Доркас продолжала хныкать:

– И... он обзывал меня такими *словами*! Я не должна выслушивать ничего подобного. Я ничем этого не заслужила!

– Довольно. Давай-ка успокойся. Тебе есть чем заняться, и...

– Нет! Я не пойду снова наверх! Во всяком случае сегодня. Да и завтра тоже. Те номера, которые он выкидывает, *противоестественны*! Он сам противен человеческому естеству, и нельзя требовать ни от одного порядочного человека, чтобы... чтобы... тот согласился его видеть и тем более ему прислуживать. И я не стану этого делать, даже если это означает, что я уволена! – С этими словами Доркас стрелой вылетела из кухни.

Сол Брэдбери и Пташка переглянулись, и Пташке пришлось приложить немалое усилие, чтобы не улыбнуться.

– Господи, надеюсь, больше никто не убежит, – пробормотала миссис Хаттон. На какой-то миг она сторбилась, и на ее лице появилось изможденное выражение. – Пташка, хватит ухмыляться. Будь любезна, отправляйся наверх к мистеру Аллейну и приберись у него в комнатах. Да разведи пожарче огонь в камине: сегодня похолодало. Он попросит вина, но хозяйка велела ему не давать. На этой неделе у бедняги были страшные головные боли. У каждого из нас могли бы происходить такие перемены в настроении, случись нам пережить подобные страдания. А теперь, пожалуйста, ступай, Пташка. Я не хочу слышать никаких возражений.

Она предостерегающе подняла палец и пошла догонять Доркас.

Пташка улыбнулась ей в спину. Хорошо, что ей удалось внушить миссис Хаттон, будто ей не по душе ходить в комнаты Джонатана Аллейна. Если бы у той создалось впечатление, что ей это нравится – а ей это нравилось, – возникли бы подозрения. Это было очень странное удовольствие, ее сердце бешено билось, дыхание становилось частым, и в глубине души она понимала, что ей страшно. Она не боялась на него смотреть, не боялась того, что может увидеть в его комнатах, не боялась вспышек ярости, как остальные служанки, – нет, она боялась того, что может сделать сама, или того, что может сделать он. Потому что она помнила Джонатана Аллейна с тех пор, как была маленькой девочкой, и знала о нем такие вещи, каких не знали другие слуги. То, чего не знал больше никто.

Пташка обнаружила поднос с ужином, который должна была отнести Доркас, на столике рядом с дверью, ведущей в комнаты Джонатана Аллейна. Хозяин занимал два смежных помещения на третьем этаже, имеющих общую стену с соседним домом, входящим в состав Полумесяца. Комната, где он спал, выходила на задний двор. Мебель в ней была невыразительная – за исключением огромной кровати с балдахином на позолоченных столбиках и с пологом из малинового дамаста. Двойные двери из спальни вели в комнату, выходящую окнами на улицу; предполагалось, что в ней находится его кабинет. Ее украшало огромное нависающее над тротуаром окно-эркер. Из окна открывался прекрасный вид на город и окружающие его холмы. Впрочем, окно почти всегда было закрыто ставнями. Эта комната переполняла ужасом не одно поколение служанок. Пташка помедлила и напрягла слух, проверяя, не слышатся ли шаги миссис Хаттон или еще кого, кому случится пройти поблизости, а затем добавила к стоящим на подносе тарелкам бутылку вина. Бутылку, которую она специально раздобыла у Ричарда Уикса и в которую был добавлен куда более действенный спиртной напиток, от которого вино стало еще крепче. Пташка знала, что мистер Аллейн выпьет все до капли, даже если догадается, что его служанка поколдовала над вином на свой вкус. Она знала, что он не сможет остановиться. А возможно – девушка едва заметно улыбнулась, когда ей в голову пришла эта мысль, – возможно, он даже решит, что она это сделала, чтобы доставить ему удовольствие.

С минуту Пташка настороженно прислушивалась, застыв на месте. За дверями стояла тишина. Никаких звуков, выдающих шаги, разговор или проявления ярости. Он, верно, ждал в темноте. Но Пташка темноты не боялась. Джонатан Аллейн никогда не зажигал лампы в сумерки, он любил сидеть в полумраке. Как-то раз она слышала, что он сказал, будто сгущающиеся тени его излечивают. Что ж, она их прогонит. От чего это ему нужно исцелиться? Позади раздалось легкое потрескивание – это затрепетало на сквозняке пламя стоявшей у стены лампы. От этого же сквозняка затылок похолодел, и кожу стало слегка покалывать. «Ничего страшного не произошло, – ободрила она себя. – Всего лишь холодный ветер. Просто где-то оставили открытой дверь». Это был не страх. Она запретила себе бояться Джонатана Аллейна, несмотря на то что знала о нем ужасную вещь – то, чего не знал никто, – знала, что он убийца.

Джонатан, верно, поджидал ее там, внутри, где ничто не говорило о его присутствии, кроме пляшущих в его глазах красноватых отблесков горящего в камине огня. «За тебя, Элис», – произнесла она мысленно, громко постучала в дверь и вошла.

* * *

Сэр Артур великодушно предоставил свое ландо Рейчел и ее новоиспеченному мужу, чтобы они отправились на нем в Бат на свадебную трапезу. Но как только они сошли с него у таверны «Голова мавра», экипаж укатил прочь, и последняя ниточка, связывающая Рейчел с семьей Тревельян, оборвалась кляцаньем подков запряженных в ландо лошадей, ступающих по каменной мостовой. На Уолкот-стрит дул холодный ветер. Ричард нанял двух крепких

парней перенести сундук Рейчел к его дому на Эббигейт-стрит, а затем протянул жене руку, чтобы та на нее оперлась.

– Пойдем, дорогая, подальше от этого ветра, – произнес он.

Как раз в тот миг зазвонил часовой колокол аббатства⁹.

– Подожди, – сказала она. – Прошло так много лет с тех пор, как я последний раз слышала этот колокол.

Она посмотрела вдоль улицы в городскую даль, где повсюду теснились дома из светлого камня, а по мостовым туда и сюда сновали возки, экипажи, запряженные осликами кабриолеты и спешившие по делам господ слуги. Торопились безвкусно одетые горничные с узлами белья; они несли его прачкам, шаркая ногами в деревянных башмаках, которые защищали туфли от грязи и навоза. Шли экономки и поварихи с корзинами, полными сырого мяса и овощей. Шагали потные носильщики, тащившие богачей в роскошных портшезах. Прогуливались уличные продавцы, беспризорные мальчишки и модные дамы в плащах, застегнутых по погоде, то есть на все пуговицы. Рейчел втянула в легкие воздух: он пах темной рекой, сладковатой гнилью из сточной канавы, свежесдобленным хлебом и жарящимся мясом, из «Головы мавра» доносились ароматы пива и табака. Это была знакомая смесь запахов, от которых она успела отвыкнуть, живя в деревенской тиши Хартфорд-Холла. Так пахло в Бате в те времена, когда она приезжала сюда с родителями. И с маленьким братом, еще до того, как они его потеряли. Это было приятное воспоминание, но Ричард ее не понял и подумал, что ей взгрустнулось.

– Забудь все это, миссис Уикс, – сказал он и сжал ее руку, подводя к дверям таверны. – Теперь твоя семья – это я, и все начнется сначала. Будь уверена, Бат сильно изменился с тех пор, как ты здесь была в последний раз. Все время строятся новые здания и приезжает много новых людей. Хорошие ребята, то, что надо, – добавил Ричард, и Рейчел улыбнулась, не пытаясь объяснить, что у нее на душе.

Потолок в «Голове мавра» был низким, с выступающими балками, а пол выложен красным кирпичом, за многие годы отполированным башмаками посетителей. Вокруг уже слышался гомон голосов, иногда прерываемый взрывами смеха, хотя на часах аббатства пробило только пять часов пополудни. Едва Ричард вошел, его приветствовал хор голосов. Он усмехнулся и поздоровался за руку с несколькими посетителями, которые успели уже немало выпить, судя по их красным щекам и осоловелым взглядам. Рейчел смущенно улыбнулась, когда они приветствовали ее поднятием высоких кружек с элем и рукопожатиями – куда более крепкими, чем те, к которым она привыкла. Дым ел глаза, и она часто моргала. Ричард улыбался широченной улыбкой – до тех пор, пока не взглянул на Рейчел и не увидел, что она чувствует себя не в своей тарелке. Тогда его улыбка померкла.

– Сейди, наш стол готов? – крикнул он девушке, стоящей за барной стойкой. У девушки было круглое лицо, густые каштановые кудри, большой бюст и пухлые щеки.

– Ага, мистер Уикс, как вы и просили. Проходите, пожалуйста, – ответила Сейди.

Как раз в этот момент к стойке приблизился пожилой человек и остановился рядом с ними. Он был дородный, с морщинистым лицом и в грязном седом парике, который сполз на одно ухо. Подошедший неуклюже похлопал Рейчел по руке.

– Ну, я вижу, молодой человек, ты внакладе не остался. Ты говорил, что она красotka, но кто бы мог подумать, что тебе удалось заполучить столь утонченное существо, а? – проговорил он слегка заплетающимся языком.

От него пахло бренди, но глаза были добрыми, и Рейчел грациозно наклонила голову, отвечая на комплимент. Ее новоиспеченный муж нахмурился.

⁹ Речь идет о батском аббатстве Святых Петра и Павла, одном из известнейших готических сооружений в Южной Англии. Аббатство было основано во второй половине VII в., реорганизовано в X в., перестроено в XII и XVI вв.

– Утонченная, еще бы. Уж куда мне до нее. Но я надеюсь поработать над собой, чтобы оказаться ей под стать, – сказал он сухо.

– Не нужно преувеличивать мои достоинства и приуменьшать свои, мистер Уикс, – возразила Рейчел.

– По правде сказать, мне не приходилось видеть столь ослепительной новобрачной. Нет, не приходилось. Вы самая очаровательная женщина, которой когда-либо доводилось оказать честь этому скромному месту, – продолжил завсегда. – Позвольте мне...

– Было бы неплохо, если бы тебе удалось вспомнить хотя бы, какой сегодня день. Тот я удивился бы. Пойдем, дорогая. Вот сюда, – перебил его Ричард и увел Рейчел от стойки, пока пожилой мужчина собирался с духом, чтобы представиться. Когда они уходили, вид у него был такой удрученный, что Рейчел оглянулась и попыталась приободрить его улыбкой.

– Кто этот человек? – спросила она, пока Ричард вел ее к подножию покосившейся деревянной лестницы.

– Этот? Да так, никто. Его зовут Дункан Уикс. По правде сказать, это мой отец, – пробормотал Ричард, поддерживая жену за талию и слегка подталкивая вперед.

– Отец? – переспросила потрясенная Рейчел.

Ричард провел ее в уютную комнату на втором этаже с деревянным полом, скрипучим и покоробившимся, и с окнами в частых свинцовых переплетах, покрытых городской копотью. Но накрытый для них стол был тщательно отдраен, на нем стояли бокалы и фарфоровые тарелки. Рейчел заняла свое место и заметила, что тарелки местами имеют сколы, а столовые приборы покрыты пятнами. Она с гордостью обнаружила, что это тревожит ее совсем не так сильно, как можно было бы ожидать.

– Судя по всему, ты мало общаешься с отцом?

– По правде сказать, настолько мало, насколько это только возможно, – ответил Ричард.

– И все-таки пригласил его на наш свадебный обед?

– Пригласил? Вовсе нет. Но... у нас есть общие знакомые. Он, должно быть, прознал, что мы сюда придем.

– Насколько я могу догадаться, ты тут часто бываешь. Похоже, у тебя здесь много друзей.

– Да, несколько друзей есть. Остальные клиенты, да еще несколько приятелей, которые когда-то мне нравились, но от которых я теперь не прочь бы отделаться. Не обращай на них внимания, сегодняшний день наш. Вот, попробуй это вино. Это «Константина», привезено из голландской колонии на мысе Доброй Надежды. Настоящее сокровище, и я много лет берег эту бутылку для женщины, которая станет моей женой. Я очень счастлив, что могу поднять бокал этого вина за твоё здоровье, моя любовь.

Он наполнил бокалы, вручил ей один и взял ее свободную руку в свою.

– Ты счастлив, что нашел себе жену или что наконец можешь отведать этого вина? – поддразнила его Рейчел.

– И то и другое, – улыбнулся Ричард. – Но ты, несомненно, куда большее удовольствие. За тебя, миссис Рейчел Уикс.

От вина в пустом желудке Рейчел разлилось тепло.

– Превосходное вино, – сказала она, стараясь не придавать большого значения тому, что новое имя прозвучало для ее ушей непривычно.

С детства она представляла себе свой свадебный пир, но в ее мечтах он выглядел несколько иначе. Рейчел воображала, что рядом с ней будут сидеть родители, а также другие члены семьи, что на столе будет лежать белая вышитая скатерть и на ней будут стоять серебряные блюда и тонкий фарфор. В своих грезах она видела себя гораздо моложе, и ей уж точно было не двадцать девять, как теперь, когда ее красота уже начала увядать. У нее за спиной были долгие годы, в течение которых ей, старой деве, приходилось терпеливо сно-

сильно жалостливые взгляды. Она и не надеялась заполучить такого красивого жениха, да еще так сильно в нее влюбленного.

– Мистер Уикс, почему бы вашему отцу к нам не присоединиться? Что бы ни разделяло вас, мне кажется неправильным, что он находится неподалеку и тем не менее не принимает участия в нашем празднестве, – проговорила Рейчел.

Ричард ответил не сразу. Он сделал долгий глоток, а потом поставил бокал на стол.

– Мне бы хотелось, чтобы ты принадлежала мне одному, – произнес он наконец, глядя на нее с улыбкой, которая не совсем гармонировала с выражением его глаз.

– Боюсь, что ты его стыдишься и потому не хочешь, чтобы я с ним познакомилась. Уверяю, тебе не о чем беспокоиться. Как бы то ни было, Дункан Уикс теперь и мой отец, и мне очень хотелось бы узнать его поближе...

– Ты так говоришь только оттого, что понятия не имеешь, каков он на самом деле.

– Возможно. Но свадьба – семейный праздник, разве не так? У него добрый вид... Немного растрепанный, но...

– Нет, – отрезал Ричард, и голос его прозвучал так жестко, что Рейчел не стала настаивать из боязни испортить ему настроение.

Они продолжили обедать вдвоем. Когда «Константина» закончилась, подавальщица Сейди принесла другого вина, а также огромное блюдо жареных бараньих котлет, целую форель в соусе из сливочного масла и петрушки и блюдо с карри из корнеплодов. Пока Рейчел выпивала одну рюмку, Ричард успевал опорожнить свою трижды. Вскоре его щеки покраснели, в глазах появился блеск, а язык стал заплетаться. Он говорил Рейчел о своей торговле, о том, что надеется развить свое дело, что скоро они смогут позволить себе лучшее жилье и их сын вместе с отцом станет продавать вино и крепкие напитки, а их дочь выйдет замуж за баронета.

– Боюсь, ты найдешь наши комнаты несколько... не такими, к каким привыкла, – в какой-то момент сказал он. – Надеюсь, ты не будешь разочарована.

– Мне ли быть разочарованной? – сказала Рейчел. – У меня нет практически ничего, кроме одежды, которая на мне надета. Хартфорд-Холл не был моим домом, а дом, в котором жила моя семья, я потеряла давным-давно. Все, что у тебя есть, ты заработал своим трудом, и ты заработал куда больше того, на что я могу претендовать. И если ты разделишь все это со мной, то... я не буду разочарована.

– И все же, согласишься, ты привыкла к красивому жилью, изысканной пище, изящному обхождению – одним словом, к обществу...

– Я привыкла к обществу своенравных детей, – возразила Рейчел и сжала руку мужа. – Я не хотела той жизни. Я хочу этой.

Она улыбнулась. «Любовь, – прошептал голос у нее в голове. – Любовь, вот что тебе нужно, вот чего тебе не хватает. Так люби же его».

Ричард, довольный и успокоившийся, поцеловал ее руку, но Рейчел, к своему удивлению, ощутила при этом лишь странное чувство отстраненности, которое росло в ней на протяжении всего вечера.

До некоторой степени Рейчел чувствовала себя зрительницей, перед которой разыгрывается пьеса, в которой она сама не участвует, словно все происходило не с ней, а с кем-то другим. Какая-то важная часть ее существа ускользала прочь в поисках чего-то далекого. Вернулась та странная онемелость, которую она ощущала после первой смерти, случившейся в ее семье, и которая росла с каждой последующей кончиной. Рейчел надеялась, что нежность, возникшая в ее сердце, когда Ричард сделал ей предложение, положит конец этому давнему состоянию, но этого не произошло. Наконец Рейчел отодвинула свой бокал и накрыла его рукой, когда стоявшая у нее за спиной Сейди собралась подлить ей вина. При этом несколько капель пролилось из кувшина ей на пальцы. Она подняла взгляд на пода-

вальщицу, чтобы выразить свое неудовольствие, и обнаружила, что у девушки, которая держит кувшин, волосы не каштановые, а рыжие. Милашка с миндалевидными, широко расставленными глазами. Она выглядела смышленной и чересчур много знающей. У нее был маленький вздернутый носик, карие глаза и широкий рот. Длинные пряди волос цвета начищенной меди выглядывали из-под чепца. Она стояла неподвижно и удивленно смотрела на новобрачную. Ее взгляд, казалось, проходил сквозь Рейчел, не останавливаясь на ней, словно девушка вспоминала какое-то другое место или другое время.

– В чем дело? – спросила Рейчел, у которой от выпитого вина развязался язык.

подавальщица моргнула и закрыла рот, щелкнув зубами.

– Прошу прощения, мэм, – проговорила она тихим голосом.

– Пожалуйста, дайте ваше полотенце, чтобы я могла вытереть руку. – И Рейчел протянула руку к полотенцу, висевшему у девушки на плече.

– Я бы выпил еще, – произнес Ричард, подставил свой бокал девушке и поднял на нее глаза. Он, видимо, тоже обратил внимание, что это не их прежняя подавальщица, но ничего не сказал. Лишь посмотрел на девушку предостерегающе, и на какой-то миг все трое застыли в молчании.

– Позвольте взять ваше полотенце, – снова сказала Рейчел.

– Прошу прощения, – повторила девушка.

Она со стуком поставила кувшин на стол, резко повернулась и вышла из комнаты.

– Ну и ну! Что, интересно, на нее нашло? – спросила Рейчел, но Ричард ей не ответил. Он взял бокал, собираясь выпить, увидел, что он пустой, и раздраженно поставил его перед собой.

– Сейди! – завопил он в открытую дверь.

Некоторое время спустя пришла Сейди и взяла в руки кувшин с вином. Рейчел поглядывала, не появится ли снова давешняя рыжеволосая девушка, но та не вернулась.

Когда они вошли в дом на Эббигейт-стрит, он был погружен во тьму. Ричард зажег единственную свечу, чтобы освещать им путь, пока они шли наверх по лестнице в спальню. У Рейчел не осталось никакого впечатления от ее нового дома, она лишь заметила, что на нижнем этаже был пронизывающий холод, деревянные ступени скрипели и что верхняя комната была просторная, хотя и с низким потолком. Кровать с пологом стояла в центре, белье было смято. Воздух казался затхлым, – похоже, окна здесь открывали редко. Да и простыни, судя по всему, давно не меняли. «Все это лишь от отсутствия женщины, которая за всем присмотрела бы», – попыталась уверить себя Рейчел. Ричард поставил свечу на ночной столик и встал напротив жены у изножья кровати. Легонько покачиваясь на ногах, он сплел свои и ее пальцы. В свете свечи его лицо казалось мягким, он улыбался. Улыбка на лице Рейчел была менее уверенной, и она теперь пожалела, что не выпила за ужином больше вина. Ей так хотелось как следует запомнить эту ночь, самую главную в ее жизни. Воспоминание о ней должно было надолго сохраниться в памяти у нее и у Ричарда, принадлежать только им двоим, но теперь, когда дошло до главного, она испугалась, не знала, что делать, и жалела, что чересчур трезвая и отдает себе отчет в происходящем. Ричард нежно ее поцеловал, раздвигая ей губы своими губами, и Рейчел стала ждать, не появится ли у нее какое-нибудь иное чувство, кроме желания с отвращением отпрянуть из-за неприятного запаха винного перегара и вкуса бараньего жира на его губах. «Мама тоже поначалу не любила отца. А тот был хорошим человеком». Поцелуи Ричарда стали настойчивее, и вскоре он принялся стаскивать с нее одежду.

– Рейчел, моя милая женушка, – бормотал он, целуя ее в шею.

Не уверенная в том, как следует себя вести, Рейчел подняла руки и стала вытаскивать шпильки из волос, как она обычно делала перед тем, как лечь спать. Шпильки упали на пол, когда Ричард повалил ее на кровать и сам лег сверху.

Ей бы хотелось иметь больше времени, чтобы привыкнуть к его телу. То, как сильно оно отличалось от ее собственного, смущало Рейчел – широкие плечи, немалый вес и гладкая кожа с веснушками, которые она могла разглядеть при свете свечи. Его торс казался таким твердым, таким теплым. Она потрогала его бицепсы и вообразила себе находящиеся под ними кости – такие же прочные и гладкие, как ручки кресла из черного дерева. Вес мужа давил на грудь, и ей было трудно дышать. Хотелось бы увидеть то, что у него между ног, чтобы знать, как эта штука себя ведет, потрогать пальцами прежде, чем та коснется ее лона, но такая возможность не представилась. Тяжело дыша и бормоча бессвязные нежности, Ричард грубо вошел в нее, не вспоминая о правилах галантности. Двигаясь взад и вперед, он застонал, и Рейчел крепко сжала его плечи, сильно зажмурившись от боли и ощущения странности всего происходящего. «Он мой муж. Это нормально». В конце концов чувства, которые она испытывала, стали всего-навсего неприятными, и она попыталась найти успокоение в мысли, что теперь ее долг выполнен и еще один важный этап пройден. Супружеский договор скреплен печатью, и ничего уже не поправишь. «Теперь я ему принадлежу», – мысленно проговорила она и только сейчас задумалась над тем, какую странную и ограниченную свободу дает женщине брак.

1803

На другой день, когда солнце поднялось уже достаточно высоко, Пташку накормили завтраком из подслащенной медом овсянки с молоком. Она ела, пока живот не надулся, как барабан. Через окно лился тусклый, холодный свет. Скворцы, ночевавшие в ветвях каштана, улетели, а по двору расхаживали белые крапчатые курицы, выискивая зернышки. Завтракали на кухне, сидя за тщательно отдраенным щербатым дубовым столом, на скамьях, покачивающихся на неровном полу. В очаге полыхал только что разведенный огонь. На Элис было синее платье с широким кружевным воротником, слегка потрепанное на манжетах, но все равно самое красивое из всех, которые Пташке когда-либо доводилось видеть. На женщине постарше, которую звали Бриджит, было коричневое шерстяное платье и передник. Пташке никак не удавалось понять, в каких отношениях приютившие ее женщины. Иногда казалось, что это молодая хозяйка и пожилая служанка, но, когда они начинали говорить, это ощущение пропадало.

– Сколько тебе лет, Пташка? – спросила Элис.

Пташка уставилась на нее широко раскрытыми глазами. Она понятия не имела, сколько ей лет.

– Она не знает. Откуда ей знать? Там, откуда пришла эта девчонка, день рождения не справляют. Скорее всего, мать родила ее в поле, на котором работала, и, когда это произошло, не потрудились записать день и месяц. Да и год тоже, – сказала Бриджит.

– Так, значит, ее родные – крестьяне? Что ж, Пташка, тебе повезло. Считаю, ты заново родилась на свет. Вчера ты была бродяжкой и воровкой, а сегодня – крестьянский ребенок, – проговорила Элис с улыбкой.

Она заплела волосы девочки так, что посередине образовался прямой пробор, и уложила косички в узел на затылке. Пташка подумала, что это ужасно красиво. Но Бриджит только сердито хмыкнула:

– Можешь придумывать все, что хочешь. Можешь баловать свою новую любимицу как угодно. Она вполне могла бы оказаться одной из тех девочек, которых в сказках берут себе феи.

– Феи! Ты только послушай! – воскликнула Элис, обращаясь к Пташке. – Между прочим, когда я была маленькая, я любила воображать себя феей!

– Ну тогда ладно. Похоже, я не добьюсь от тебя ни одного разумного слова до тех пор, пока твоя новая подопечная тебе не надоест, – сказала Бриджит.

Пташка молча слушала и внимательно наблюдала за Бриджит. Когда ее покровительницы занялись своими делами и перестали обращать на нее внимание, Пташка дотянулась до ложки с медом и, капая им на стол, быстро сунула в рот. Взрыв восхитительного вкуса – сладкого и сильного.

– Ой! Маленькая грязная чертовка! – вскричала Бриджит, схватилась за ложку и выдернула ее изо рта девочки, хотя та и старалась удержать зубами деревянные края.

– Пусть бедняжка поест меду, Бриджит! Разве ты не видишь, какая она тощая! – вмешалась Элис.

– Если эта замарашка хочет здесь остаться, ей нужно привыкнуть быть полезной и выучиться хорошим манерам. Но она их не освоит, если ты, мисс, станешь ей потакать, – объявила Бриджит. – Я, кажется, вырастила тебя воспитанной девушкой? А тебе, мисс Элис, *никогда* не позволялось облизывать ложку, которой черпают мед. Во всяком случае, у меня на кухне.

– Я никогда так не голодала, как она. И никогда не была таким заброшенным ребенком. Ну да ладно, Бриджит, – сказала Элис и продолжила спокойным тоном наставницы: – Пташка, если ты хочешь еще меда, его нужно положить в тарелку.

Пташка высунула липкий язык, облизала полоску меда у себя на нижней губе, и Элис опять рассмеялась.

Потом Элис и Бриджит поставили перед очагом железное луженое корыто и смешали в нем холодную воду, подаваемую насосом, с горячей водой из огромного медного чайника. Пташка с любопытством наблюдала за их действиями и совершенно не представляла себе, зачем это корыто понадобилось, пока Элис не засучила рукава и не протянула к ней руки. Пташка послушно пошла к ней и слегка запротестовала, когда Элис начала снимать с нее грязную, ветхую одежду. Всерьез она стала сопротивляться, лишь когда холодный воздух кухни коснулся ее обнаженной кожи.

– О, малышка, я знаю, подобное кажется тебе странным, но это совершенно необходимо, и ты почувствуешь себя гораздо лучше без грязи, которая покрывает твою кожу. Я сразу поняла, что тебе в первую очередь понадобятся три вещи: сон, еда и ванна. Так что теперь, после того как ты выпалась и наелась, пора перейти к купанию, – сказала Элис.

Пташка принялась извиваться и уворачиваться. Она не находила ничего приятного в том, что ее раздели: обычно это ничем хорошим для нее не заканчивалось.

– Перестань, – мягко приказала Элис. Она взяла в руки лицо девочки и пристально посмотрела ей в глаза. – Это не причинит тебе никакого вреда, с тобой ничего не случится. Ты мне веришь?

Пташка секунду подумала и кивнула в ответ.

– Молодец, – похвалила Элис.

Когда Элис закончила с раздеванием, Бриджит принесла брусок мыла, гребень, льняные полотенца и щетку с угрожающего вида щетиной. Пташка недоверчиво на нее покосилась. Снятая одежда состояла из платья с длинными рукавами, сшитого из лоскутков различных тканей и подпоясанного куском бечевки, а также двух предметов нижнего белья из грубой шерсти – панталон, которые доходили девочке до колен, и мешковатой нижней сорочки. Все было вонючим и настолько грязным, что первоначальный цвет даже не угадывался. Во всех швах копошились вши, на рукав Элис прыгнула блоха, и она раздавила ее ногтем большого пальца. Старую одежду бросили в огонь, и обе женщины в течение долгой минуты молча глядели на обнаженную Пташку.

– Храни нас святые угодники, – пробормотала Бриджит, и девочка первый раз увидела жалость в ее глазах.

Они смотрели на шрамы и кровоподтеки, покрывающие все ее тело. Элис протянула к девочке мягкие пальцы и провела ими вдоль особенно длинного рубца, идущего от худого левого плечика до нижнего края выступающих ребер, красного и зловещего, оставшегося от раны, нанесенной плетью или кнутом. Нахмурившись, Элис повернула девочку к себе спиной. Она была покрыта косыми полосами, оставленными палкой или ремнем. Поперек старых шрамов, поверх них, шли свежие. Настоящая паутина, следы избиения, которые навсегда останутся на коже. На задней части бедер виднелись отметины в виде больших выступающих пятен с блестящей поверхностью.

– Это, без сомнения, ожоги, – сказала Бриджит, и Пташка почувствовала, как пожилая женщина проводит по ее коже шершавыми пальцами. Их прикосновение заставило девочку поежиться, и поврежденная кожа покрылась пупырышками.

Потом Элис опять повернула ее лицом к себе. В глазах у Элис стояли слезы, но она улыбалась. У Бриджит был хмурый вид, предвещавший грозу, и Пташка робко отодвинулась от нее подальше.

– Что ж, – произнесла Элис почти беззвучно. – Тут ты найдешь защиту от всех, кто мог обращаться с тобой так жестоко. Не знаю, с кем ты жила раньше, но теперь, Пташка, мы твоя семья. Разве не так, Бриджит?

Бриджит пошевелила нижней губой, словно колебалась, стоит ли отвечать, и наконец проговорила:

– Ребенок не может быть настолько испорченным, чтобы заслужить такие наказания. У меня есть бальзам из плодов шиповника и яблок, он поможет смягчить эти рубцы. – С этими словами она вышла из кухни и направилась в кладовую, а Элис улыбнулась Пташке и вытерла слезы у себя на глазах тыльной стороной руки.

– Вот видишь, – сказала она, – у Бриджит язык точно бритва и ладить с ней не всегда просто, но сердце у нее мягче масла и всегда готово растаять. Так что добро пожаловать.

Вода в корыте вскоре потемнела от грязи. Элис намылила Пташку всю целиком, а потом принялась тереть полотенцем, к большой радости девочки проигнорировав жесткую щетку. Больше всего времени ушло на мытье головы. Волосы спутались и были все в колтунах, склеившихся от жира и грязи. В них даже попадались мелкие камешки, веточки и солома. Элис перебрала пряди пальцами, намылила и вычесала волосы гребнем – так бережно, как только могла, – и наконец они стали чистыми. При этом целые пучки волос оказались лишними и теперь плавали в мыльной воде, похожие на пауков. Зимнее солнце заглянуло в окошко, и, когда Бриджит вернулась на кухню, она буквально остолбенела:

– Какой цвет! Кто бы подумал, что под грязью скрывается такая красота!

– Ну и какой это цвет? – спросила Элис, поворачивая голову девочки то одной стороной, то другой, словно не в силах выбрать, с какой та выглядит лучше.

– Ее волосы похожи вон на тот медный чайник и на огонь под ним.

– О, как замечательно. А мне они показались просто каштановыми, – сказала Элис.

Пташка с удивлением наклонила голову и посмотрела на девушку.

– Что ж, теперь она куда больше напоминает ребенка и куда меньше земляного червяка, – проговорила Бриджит, одобрительно кивая.

Когда волосы высохли, то распушились и завились, что привело Элис в еще больший восторг. Они сидели в гостиной, намного более роскошной, чем все комнаты, какие Пташка когда-либо видела, хотя мебель в ней была простая и не новая, а каменный пол не был ничем покрыт. На Пташку надели старое платье Элис, которое оказалось слишком большим и волочилось по полу. Шерстяные чулки тоже были слишком велики, а потому вскоре сползли до лодыжек и болтались вокруг них. На ноги Пташке надели кожаные шлепанцы, которые держались при помощи тесемок.

– Ну вот теперь она опять похожа на огородное пугало, – заметила Бриджит, и Элис рассмеялась.

– Только чуть-чуть. И лишь до тех пор, пока мы не раздобудем для нее одежду получше. В четверг поедem на рынок и что-нибудь подыщем. Бриджит может сшить тебе несколько платьев, – обратилась Элис к малышке, – а когда ты подрастешь, тебе придется впору мои старые вещи.

– Конечно, твоя старая одежда может ей подойти, когда она станет постарше, но только она слишком хороша для служанки. Так что ей придется обзавестись другой.

– Для служанки? Пташка не служанка. Теперь мы с ней одна семья. Я всегда хотела иметь младшую сестру.

– Твоя сестра? Знаешь, Элис... – начала было Бриджит, но, глянув в лицо девушки, смягчилась и решила не спорить. – Она должна научиться быть полезной. Это очень важно. Ты не всегда сможешь ее содержать.

– Она будет полезной! Конечно же будет. Я научу ее читать и писать, она станет настоящей леди...

– А я научу ее готовить, наводить чистоту и зарабатывать себе на жизнь.

Элис улыбнулась:

– Что ж, очень хорошо.

– Но если она немая, выполнить наши планы будет труднее.

– Нет, она не немая, – возразила Элис, коснулась подбородка Пташки и, приподняв ей голову, пристально посмотрела девочке в глаза. – Голос у нее пропал от страха. Но он вернется, когда настанет время.

– Есть еще одна проблема. Возможно, самая большая, и ты ее не учиываешь. – У Пташки сердце ушло в пятки. Ей так хотелось остаться в этом доме. Очень-очень. Элис тревожно взглянула на Бриджит, словно боялась того, что та может сказать. – Твой благодетель. Он приедет в эту субботу. И кто знает, обрадуется ли он, узнав, что ему придется кормить кого-то еще. В особенности если это будет маленькая бродяжка. – Элис глубоко вздохнула, и Пташка почувствовала, как по ее телу прошла дрожь. – Ты должна будешь сделать так, как он скажет, – заключила Бриджит, на сей раз куда более участливым голосом, чем обычно.

Внезапно на лице Элис отразилось такое отчаяние, что у Пташки сжалось сердце. Она открыла рот, но не смогла издать ни звука: из него не вырвалось ничего, кроме воздуха. Тогда девочка перевела дыхание, откашлялась и повторила попытку.

– Я буду хорошо себя вести, – сказала она, и Элис заплакала от радости.

1821

Выйти из дома Аллейнов в Лэнсдаунском Полумесяце после того, как вся работа была выполнена, не составляло большого труда. Комната Пташки, которая была не многим больше обыкновенного чулана, примыкала к комнате поварихи, и дверь выходила в темный коридор, ведущий из кухни. В комнате стояла только узкая деревянная кровать да подставка для ночного горшка. Никаких окон, лишь коврик перед кроватью, чтобы босым ногам не было зябко ступать на холодный пол. Когда обитавшая за стенкой Сол Брэдбери ложилась в постель, то спала как убитая, сладко посапывая, уткнув подбородок в обильную плоть своей шеи. Если же она не спала, то все равно предпочитала хранить молчание, пока Пташка проявляла благоразумную осторожность. У них сложилось взаимопонимание. Сол Брэдбери закрывала глаза на отлучки Пташки, когда девушке следовало бы оставаться дома, а та выдерживалась от замечаний, когда из буфетной пропадали остатки еды, да и не только остатки. А еще Пташка не замечала, как Сол Брэдбери пьет по утрам бренди или, разговаривая с мальчишкой, доставляющим товар из лавки бакалейщика, дает ему на чай мелочь не из своего кармана за то, что он пересказывает сплетни о соседях. Домоправительница, миссис Хаттон, не спускалась на первый этаж после того, как миссис Аллейн удалялась спать, – у нее и у Доркас комнаты были на втором этаже.

Пташка направилась в «Голову мавра», чтобы повидаться со своей подругой Сейди и встретиться с Диком¹⁰ Уиксом. Ей хотелось, и желательно поскорей, раздобыть побольше его «усовершенствованного» вина. А кроме того, ей нужно было увидеть его самого, хоть она и боялась, что он решит, будто она за ним бежит. Негоже Дику знать, как сильно он ей нравится. Он чертовски хорош собой и вечно окружен шумной компанией. В основном пустоголовыми девицами с глазами, одурманенными вином; взвизгивая и гримасничая, они вечно что-то щебечут ему, когда он приходит в таверну. И всегда готовы подставить ему свои губки. Но не такие нужны Дику Уиксу. Он из тех, кому нравится остренькое, от сладкого его воротит. Чтобы по-настоящему привлечь его внимание, нужен перчик. «И я как раз то, что ему требуется, перчика во мне хоть отбавляй», – подумала Пташка с улыбкой.

В таверне было полно народу. Тут сидели выпивохи и игроки, гулящие девки и просто приезжие. Здешняя жара, вонь и толчея потных людей всегда действовали бодряще на Пташку, приходившую сюда после однообразного трудового дня. Протиснувшись к бочонкам со вставленными в них кранами, девушка криво улыбнулась Сейди, разливающей пиво.

– Вижу, ты не скучаешь, все завсегдатаи уже на месте, – проговорила Пташка подруге, когда та налила ей кружку пенистого напитка.

– Да, и не только завсегдатаи. Видишь того человека? Высокого, с одним глазом? Ты его когда-нибудь раньше встречала? – При этих словах Сейди указала пальцем на непривлекательного мужчину с мрачным суровым лицом, через которое шла кожаная повязка. Его сальные волосы с проседью были растрепаны.

– Нет, никогда с ним не сталкивалась. Однако на нем достаточно хорошие сапоги. А почему ты обратила на него внимание?

– Утверждает, будто давно в меня влюблен, но любовался мной только с дальнего расстояния. Говорит, если я выйду с ним во двор, он сделает мне такое предложение, от которого я не смогу отказаться.

Сейди хихикнула, а Пташка закатила глаза:

– Он предложит тебе стать его подстилкой и отхлещет, если откажешься.

¹⁰ Дик – уменьшительное имя от Ричарда.

– Да уж, скорей всего. Однако я, пожалуй, все-таки выйду с ним, – пожала плечами толстушка. – Может, у него слова не разойдутся с делом. И эти чудесные сапоги... Кто знает, вдруг он богат, добросердечен, женится на мне, и я смогу жить припеваючи, ничего не делая.

– Ну, пожалуй, это так же вероятно, как и то, что я выйду за короля Георга в среду не позже полудня. Кстати, если отправишься с ним во двор, вели, ради бога, Джоне¹¹ постоять на страже. И пожалуйста, не теряй голову. – Джона, парень, работающий на конюшне при «Голове мавра», был шестнадцатилетним здоровяком, по уши влюбленным в Сейди. – Дик здесь?

– Дик Уикс? Еще нет. Постой рядом, поболтаем, пока он сюда не заглянул.

Ричард Уикс появился в таверне вскоре после этого разговора. Он щедро расточал улыбки и выглядел настоящим денди, причем его кудри были изящно уложены, чего раньше за ним не водилось. Сейди подтолкнула Пташку локтем и кивнула в сторону вошедшего, после чего Пташка ее покинула, успев чмокнуть подругу в пухлую щеку. В зале было жарко, и поэтому Пташка сперва подождала, когда Ричард сбросит свой сюртук, а затем подошла к нему. Тот взял в правую руку наполненную до краев высокую кружку, а левой обнял Пташку за талию. Девушка улыбнулась порочной улыбкой, которая ему так нравилась.

– Как поживаете, мистер Уикс? – спросила она.

– Умираю от жажды, а в остальном хорошо, – улыбнулся тот. – Слушай, отстань ненадолго, дай выпить пива.

– Он говорит мне «отстань»! Ты хочешь разбить мое сердце, разговаривая со мной таким образом? – проговорила Пташка шутливо.

– Твое сердце? – рассмеялся Ричард. – Тысяча человек, вооруженных тысячью толстенных палок, не смогут разбить твое сердце, Пташка.

Девушка привстала на цыпочки и шепнула ему на ухо:

– Это сделал бы один и всего одной палкой.

Она провела рукой между ног своего дружка и почувствовала, как его мужское достоинство напряглось в ответ на ее ласку.

– Так, может, сегодня ночью, как?

– Я не смогу остаться надолго. У Доркас теперь привычка вставать после полуночи, чтобы попить молока. Говорит, ее мучают кошмары. Вот и бродит по буфетной, как слепая телка, так что все там грохочет. Она была бы рада застукать меня и тут же доложить обо всем миссис Хаттон. И тогда меня будут позорить за мое распутство. – Пташка раздраженно мотнула головой. – Поэтому возьмите меня в каком-нибудь тихом местечке, мистер Уикс, если не возражаете.

– Это доставило бы мне удовольствие. Только дай хотя бы допить пиво. Когда я говорил, что умираю от жажды, то имел в виду именно это.

– А почему бы нам не пойти к тебе домой? – предложила Пташка, когда Дик вывел ее из таверны через заднюю дверь, выходящую во двор, и попытался увести к лестнице, которая вела на сеновал, расположенный над конюшней.

– Нет, больше нельзя. – Дик обнял девушку за плечи, а потом сильно стиснул ее левую грудь. Пташка вывернулась и отвесила ему пощечину. – Решила меня подразнить? – проворчал он.

– Неотесанный мужлан, – огрызнулась она. – Мне больно. И что ты имел в виду под этим «больше нельзя»?

– Через два дня я женюсь. И как я уложу новобрачную на кровать, которая пахнет твоим потом? – небрежным тоном проговорил он.

¹¹ Джона – английский вариант библейского имени Иона.

– Странно слышать, что ты берешь в жены столь привередливую девицу, – сказала Пташка.

В горле у нее словно застрял ком, и она судорожно сглотнула. Ей думалось почему-то, что разговоры Дика о женитьбе и на этот раз закончатся ничем, как уже бывало не раз. Обычно он шел на попятный, найдя в невесте тот или иной недостаток. Он или уставал от очередной своей пассии, или объявлял, что может найти и получше.

– А тебе не кажется, что мой запах может остаться еще где-то, например на твоей коже?

– Рейчел Крофтон милая и невинная. Она не станет подозревать ни о чем подобном.

– Ну, может быть, только пока...

– Нет, всегда. А если она от тебя что-либо узнает, то я тебе все зубы пересчитаю. Ты меня поняла?

Голос Дика прозвучал твердо. Он стиснул руку Пташки повыше локтя, да так сильно, что на ней должен был остаться синяк, но в полумраке, царившем на сеновале, было видно, что девушка улыбается.

– Ты хочешь сказать, что она верит, будто ты тоже милый и невинный? – спросила она.

Дик отпустил ее руку и ласково потер оставшиеся на коже следы пальцев.

– Да, именно так. Прости меня, Пташка. Моя жизнь сейчас на переломе. Я хочу... хочу, чтобы все прошло хорошо. Со свадьбой и с моей новой женой. Она прелестное существо, умная и утонченная... Мое состояние и мое положение с ней только упрочатся, – сообщил он.

«Но она недостаточно умная, чтобы заметить, какой Дик Уикс бабник», – подумала Пташка презрительно.

– Мою душу мучает яростная ревность, сэр. Потому что ваши слова прозвучали так, словно вы любите эту милую, невинную, умную и образованную мисс Рейчел.

– Так и есть, – ответил Ричард и глуповато улыбнулся. – Действительно люблю.

Пташка уставилась на него и с минуту не могла найти что сказать. Очертания его тела тонули в темноте, только лицо было освещено тусклым отсветом огня, горевшего в таверне. Пташка сделала шаг назад, в густую тень, чтобы скрыть охватившее ее смятение.

– Так, может, когда она поселится у тебя в доме, ты больше не захочешь со мной встречаться? – Она постаралась сказать это беззаботно, словно ей было все равно.

Дик помедлил с ответом, словно эта мысль прежде не приходила ему в голову.

– Возможно, так и будет, Пташка. Наверное, не захочу.

Его слова, брошенные так беспечно, больно ранили Пташку. У нее появилось чувство, словно она падает и все идет не так, как надо. Но она улыбалась, как делала всегда, когда хотела скрыть свои чувства.

– Увидим. Возможно, этот белоснежный ангел на время утолит твой голод, но разнообразие – соль нашей жизни, как любит говорить Сол Брэдбери. Так что позволь мне оставить тебе кое-что на память.

Она повела своего любовника по лестнице на сеновал, где принялась поддразнивать его, разжигая пыл, улещать и тут же снова над ним насмехаться, пока лицо Ричарда не покраснелось и он не стиснул зубы в пароксизме желания. Потом Пташка оседлала его и устроила на нем бешеную скачку, чувствуя, как удовольствие поднимается по ее телу, подобно теплой приливной волне. Когда все было кончено, она заправила свои маленькие груди обратно в корсаж, зашнуровала его и сердито взглянула на Дика, с трудом переводящего дыхание. Обычно ее чувства в такие мгновения обострялись, и внезапно она ощутила вонь лошадиной мочи, идущую из конюшни, надоедливые запахи пота и семени Дика. Пташка наморщила нос и подтерлась клоком сена. Дик долго протирал пальцами глаза, куда попала труха, а проморгавшись, ослабил и сказал:

– Ох, как мне тебя будет не хватать, Пташка.

- Посмотрим, – кратко ответила она.
- Что ты имеешь в виду?
- То, что сказала. А теперь, если уж мы должны расстаться, у меня к тебе одна просьба.
- Какая? – Голос его внезапно стал подозрительным. – Я тебе уже сказал, что не стану делать вино более крепким. Если мистер Аллейн сыграет в ящик...
- С ним это не связано. Я хочу встретиться с той, на которой ты женишься. Хочу увидеть миссис Рейчел Уикс и понять, почему ты вдруг дал мне отставку. – «А может быть, во время этой встречи я пролью немного вина, красного, как кровь, на ее белоснежное платье».
- Нельзя, – отрезал он. – Я хочу... подвести черту. Покончить со старой жизнью, прежде чем начать новую.
- Ты смешон! – раздраженным тоном проговорила Пташка. – Женильба не может сделать никого другим человеком. Ты по-прежнему останешься Диком Уиксом, сыном Дункана Уикса... Этого ничто не изменит.
- Заткни свой рот, Пташка. Я не шутя хочу начать жизнь сначала, и ты меня не оставишь.
- Он поймал ее за запястье и крепко держал, когда она стала вырываться.
- Отстань!
- Не отпущу, пока не пообещаешь вести себя благоразумно.
- Если позволишь с ней встретиться, пообещаю.
- Они боролись еще какое-то время, пока Дик не отпустил ее руку.
- Ну ладно. Через два дня я приведу ее сюда, чтобы отметить свадьбу. Разрешаю изобразить служанку или кого-нибудь в этом роде. А то можешь просто посмотреть из укромного места. Но не смей с ней заговаривать. Поняла?
- Свадебный пир в «Голове мавра»? Ну и повезло же мисс Рейчел. Вот уж воистину она введет тебя в хорошее общество.
- *Поняла?* – продолжил настаивать он.
- Я тебя не выдам, даю слово.
- «Ты сделаешь это сам, – подумала она, мысленно бросая ему вызов, – когда прибежишь снова ко мне».

* * *

К облегчению Рейчел, дом на Эббигейт-стрит оказался далеко не таким маленьким, как ей сперва представлялось. Ступени вели вниз, в лавку, имевшую отдельную дверь; лавка находилась ниже уровня тротуара, на ее стене была намалевана вывеска, гласившая: *«Ричард Уикс и К^о. Лучшие вина и спиртные напитки»*. Внутри было холодно и сыро, кирпичный пол всегда оставался немного влажным. Бочонки, установленные на стеллажах, закрывали все стены от пола до потолка, скрытого в густой тени. Помещение выглядело темным и тесным, а воздух в нем был спертый, насыщенным смесью запахов опилок и фруктов, плесни и спирта. Дверь в дальней стене вела в крошечный кабинет, вся обстановка которого состояла из простого письменного стола, придвинутого к нему стула и полки, заваленной гроссбухами и книгами учета векселей. Поверхность стола покрывали чернильные пятна, на нем было полно огрызков писчих перьев и огарков свечей.

За домом находился небольшой дворик, огороженный высокими стенами, поросшими мхом и еще чем-то, напоминающим склизкую тину. У одной из стен стояла массивная каменная раковина, к другой приткнулась уборная. Имелся еще неглубокий водосток, который вел в сточную канаву. Уборная плохо проветривалась, и вонь в ней стояла ужасная. Когда Рейчел осмотрелась, ее охватило отчаяние. Ричард рассказывал ей, что позади дома есть двор, и воображение рисовало Рейчел расположенный в нем маленький сад, в котором она могла бы

выращивать какие-нибудь травы или цветы, сидеть там и читать на солнышке, либо утром, либо вечером, в зависимости от того, на запад или на восток выходит двор. Но этот двор больше походил на сырую пещеру. Через несколько секунд Рейчел стало казаться, что стены вокруг нее разрастаются, принимая угрожающие размеры, и она поспешно вернулась в дом, не желая выдать своего смятения.

– Я всегда отдаю белье в прачечную, и, пожалуй, тебе тоже лучше это делать, чтобы не сушить его здесь, – произнес Ричард извиняющимся тоном.

На следующем этаже, который был несколько выше уровня земли, находилась полукухня-полугостиная. Это была большая комната, разделенная на две половины, куда лучше освещенная, чем лавка. Первая половина предназначалась исключительно для стирки. Там имелись плита, кухонный стол, а также полки, на которых стояло несколько оловянных тарелок, подсвечники и кухонные горшки. Другая половина выглядела более прилично: ее обстановку составляли обитое тканью кресло, скамья со спинкой и подлокотниками, а также диван с красивыми точеными ножками, хоть и слегка обшарпанными. Все эти предметы мебели были обращены спинками к кухне, словно не желали иметь с ней ничего общего.

– Мебель попала ко мне из гостиной вдовы адмирала Стентона, когда ей пришлось устроить распродажу. Я приобрел ее на аукционе по весьма сходной цене, – гордо сообщил Ричард. – Тебе нравится? – И он провел рукой по спинке скамьи.

Рейчел кивнула, ощутив прилив сочувствия к безвестной вдове Стентон, в жизни которой случилась черная полоса. Она знала на собственном опыте, каково это видеть, как покупатели осматривают твои любимые вещи, а затем торгуются, пытаясь купить их подешевле. Потом она заметила, что Ричард смотрит на нее выжидающе.

– Прекрасная мебель, мистер Уикс, – заверила его Рейчел.

– Я надеюсь и дальше обставлять дом в том же духе, чтобы он больше тебе соответствовал, дорогая, – произнес Ричард, после чего взял ее руку, поднес ко рту и поцеловал кончики пальцев.

В комнате было два больших окна. Одно выходило во двор, из другого, северного, открывался вид на выстроившиеся в ряд лавки и кабачки на противоположной стороне Эббигейт-стрит. Выглянув из него и посмотрев на северо-восток, Рейчел увидела крышу аббатства.

На верхнем этаже дома находилась спальня, где предыдущей ночью Рейчел перестала быть девушкой. Потолок, опирающийся на тяжелые балки, имел уклон вправо и влево от кровати, окно было маленькое, спрятавшееся под самой стрехой крыши. Осмотревшись, Рейчел поняла, что дом был на сотни лет старше, чем позволял думать его подновленный фасад. Проигнорировав запах сырой штукатурки, она повернулась к мужу и улыбнулась:

– Мне будет здесь очень уютно. И я постараюсь сделать так, чтобы он стал для нас еще более удобным, – сказала она.

За нагромождением крыш и печных труб их ближайших соседей виднелись широкие извивы более фешенебельных улиц Бата, в том числе и его знаменитые полумесяцы¹². Их светлые фасады, гармоничные и щеголеватые, возвышались над остальным городом. Когда Рейчел было пятнадцать, она однажды провела там осенне-зимний сезон вместе с родителями и младшим братом Кристофером. Воспоминания об этом времени напоминали расплывчатые пятна. В них, как в тумане, смутно мелькали приглашения на чай и на игру в карты, на прогулки и на танцы в Залах для собраний¹³. Теперь Рейчел жалела, что была недостаточно внимательна и не закрепила в памяти все эти моменты счастья, чтобы они остались

¹² Помимо Лэнсдаунского Полумесяца в Бате имеется также Королевский Полумесяц, жилая улица из тридцати домов в форме полумесяца, спроектированная архитектором Джоном Вудом-младшим и построенная в период с 1767 по 1774 г. Является классическим образцом георгианской архитектуры.

¹³ Залы для собраний – место общественных развлечений в Бате в XVIII в.; там танцевали и играли в карты.

с ней навсегда. Но она помнила, как однажды стояла у одного из выходящих на улицу окон в доме, где они остановились, и смотрела вниз на сплетение старых, более бедных, улиц вокруг аббатства и у причалов на реке Эйвон. Тогда Рейчел думала о людях, что проживут там всю жизнь, о которой она ничего не узнает, так как их пути никогда не пересекутся. При этой мысли ее губы тронула улыбка, которую отличала странная смесь грустной иронии и решимости.

– В чем дело? Что заставило тебя улыбнуться? – спросил Ричард, отводя от ее лица прядку волос.

– Я начинаю чувствовать себя дома, – ответила она, мысленно пообещав приложить все усилия к тому, чтобы это оказалось правдой.

Ричард обнял ее, и, говоря по совести, ощущение, которое она при этом испытала, оказалось уже не таким странным и тревожным.

Еды в доме не нашлось, поэтому Ричард отправился за провиантом и принес на завтрак свежий хлеб, сыр и пирог с ветчиной. Затем он повел жену прогуляться по улице, представляя при этом тем из соседей, кого ей следовало знать. Среди них, в частности, были миссис Дигвид, хозяйка прачечной, женщина невыразимо толстая и поразительно уродливая, с руками, как у мужчины, и с широченной улыбкой, а также Томас Лейн, владелец конюшни, находящейся за углом, на Амери-лейн. Он давал Ричарду внаем жеребца и возок для развозов. Жеребец был низкорослым и пегим, с мохнатыми ногами и сонным взглядом. Рейчел помнила его по приездам Ричарда в Хартфорд-Холл, когда тот привозил на нем вино. Ричард весело гладил его по морде и говорил:

– Это Солдат, не родилось еще коня, которому такое имя подходило бы больше. Лучше только имя Бездельник, но этот коняга у нас парень работающий. Через год или около того я смогу себе позволить собственный возок, он будет более шикарным, чем этот. На нем будет красоваться название моей компании, так что мне уже не придется повсюду возить с собой вывеску. Прости, Солдат, но для этого возка мне понадобится конь порезвее. И не с такими волосатыми ногами.

При этом Ричард похлопывал коня по крепкой шее, и Солдат вздыхал, да так лениво, как может вздыхать только скучающее животное.

Недалеко от Эббигейт-стрит находилась маленькая, мощенная булыжником площадь Эбби-Грин, и на листьях у растущего на ней одинокого платана уже были сухие бронзовые края. Небо заволочло тучами, и Рейчел вдруг захотелось, чтобы вместо грядущей осени наступила весна. Весной все было бы куда более обнадеживающим, куда более похожим на начало новой, лучшей жизни. Позже, когда Ричард ушел по делам, Рейчел стояла посреди своего нового дома и размышляла, что делать дальше. Она знала, что у Ричарда есть экономка, миссис Линтон, которая приходит по определенным дням, но жилищу все равно явно не хватало женской руки. Осмотревшись, Рейчел обратила внимание на то, что на лестнице в углах висит паутина, а на половицах лежит нанесенная с улицы земля, и подумала, что Ричард слишком долго прожил один, а миссис Линтон либо непригодна для своей работы, либо ей до сих пор не докучали, и она разленилась. Во внезапно обступившей ее тишине Рейчел ощутила растущее беспокойство и глубоко вздохнула. Прежде пустые комнаты ее не тревожили, но теперь ей казалось, что пустота вокруг нее сомкнулась и была сродни поселившемуся в Рейчел странному чувству и еще больше его усиливала. Закрыв глаза, Рейчел попыталась вызвать в голове хоть какие-то мысли, которые смогли бы эту пустоту заполнить и подавить панику, которую она вдруг ощутила. В этот миг ей даже захотелось вновь оказаться в обществе Элизы Тревельян, с ее несносным самомнением и пренебрежительным отношением к гувернантке.

Рейчел поднялась наверх и занялась обустройством своего рода туалетного столика на небольшом комоде, в котором хранилась одежда Ричарда и всякие мелочи. Она по очереди

открывала ящики, надеясь найти хоть один из них свободным, чтобы использовать для своих вещей, но везде лежали принадлежащие мужу разрозненные предметы туалета: поношенные перчатки и чулки, пряжки от обуви, коробки из-под табака и гребни со сломанными зубцами. В конце концов она сгребла находившиеся в верхнем ящике предметы в сторону, высвободив таким образом его половину, и положила туда некоторые из своих вещей. Их у нее оказалось немного. Носовые платки, перчатки, коробка для швейных принадлежностей, шпильки и те немногие средства для наведения красоты, которые у нее имелись, а именно маленькая баночка румян, кисточка для их нанесения с черепаховой ручкой, густой крем для рук с розовой отдушкой да скляночка «Жидкого цветения» от леди Молинье – подарок Элизы на прошлое Рождество: «Это вам, а то вы иногда появляетесь за завтраком такая бледная, словно ночью умерли и сами этого не заметили». И хотя в этом подарке заключалась насмешка, в конечном счете он оказался весьма полезным, стоило девушке втереть несколько капель себе в щеки, как она становилась очень хорошенькой. Рейчел расстелила на сундуке старый носовой платок, положила на него гребни и щетки для расчесывания волос, а затем распаковала свою самую большую драгоценность – серебряную музыкальную шкатулку для безделушек.

Это был подарок родителей на ее шестнадцатилетие, когда беда и позор еще не посетили их семью, а боль от внезапной смерти Кристофера уже немного утихла. Шкатулка принадлежала матери и бабушке до того, как перешла к ней. Маленькая, не больше ладони, эта вещица стояла на маленьких ножках в виде львиных лап. Верхнюю крышку украшала яркая эмаль с узором из виноградных лоз и цветов, обрамлявших павлина. Когда крышку поднимали, шкатулка наигрывала колыбельную – если, конечно, пружину не забывали своевременно завести. Внутри шкатулка была выстлана темно-синим бархатом, к которому с одной стороны был аккуратно пришпилен перевязанный ленточкой локон золотистых волос ее матери. Рейчел нежно коснулась его кончиками пальцев. Волосы были прямые, гладкие и холодные. Она закрыла глаза и попыталась во всех деталях представить лицо Анны Крофтон, хотя понимала, что это принесет ей только боль и лишний раз напомнит об отсутствии матери.

В шкатулке лежала и другая, она же последняя, драгоценность Рейчел, некогда также принадлежавшая матери: серьги с каплеобразными жемчужинами, висевшими на гвоздиках, усыпанных мелкими бриллиантами. Рейчел спрятала серьги за корсажем, когда судебные приставы переносили в фургон их имущество, равнодушно проходя мимо отца, сидевшего на ступенях дома в незашнурованных башмаках. Бедняга был сражен горем, и на его лице застыло бессмысленное выражение. Приставы забрали бы и башмаки, если бы Рейчел, разъяренная, словно львица, не вышла вперед и не заслонила отца, одним своим видом заставив их отступить. Она собралась было поставить шкатулку на видное место, но заколебалась. Это выглядело бы чересчур хвастливо, словно Рейчел хочет намеренно подчеркнуть обыденность всего остального, что есть в комнате. Поэтому она неохотно завернула ее в льняное полотенце и убрала в ящик. Затем Рейчел отошла от комода и направилась к кровати, собираясь посмотреть в окно. На стене висело небольшое, покрытое желто-коричневыми пятнами зеркало, и она встала у окна так, чтобы краем глаза видеть в зеркале свое отражение, отчего сразу почувствовала себя менее одинокой.

Ричард большую часть дня либо отсутствовал, либо проводил время в лавке, среди бочонков с вином, но в первые две недели после свадьбы они каждый вечер ужинали вместе за маленьким столом на кухне. Масляная лампа освещала их лица и тарелки желтоватым теплым светом, пока они беседовали о ведении домашнего хозяйства, о том, как идет торговля, и об их планах на будущее. В один из вечеров, когда Рейчел принялась рассказывать

о своих родителях, она подняла взгляд на Ричарда и обратила внимание, что он смотрит на нее с состраданием.

– Ты очень скучаешь по ним, я не ошибся? – спросил он.

– Да. По правде сказать, так и есть. Мать уже много лет как на небесах, а я по-прежнему страдаю от ее отсутствия. Мне так не хватает ее советов, ее... практического ума и доброты. И по отцу я, конечно, тоже скучаю. Однако единственное, что я могу сделать, это смириться с произошедшим и не скорбеть об утрате. Но я не могу не вспоминать времена, когда Кристофер был с нами, а я была такой молодой. – «Молодой и полной чувств, а не онемевшей и тихой, как сейчас», – отозвалось у нее в голове, но она не стала делиться этими мыслями.

– Рейчел, – произнес Ричард, после чего накрыл ее руку своей и улыбнулся, – я так хочу, чтобы ты снова была счастливой. Чтобы мы стали одной семьей.

– Я счастлива, – ответила Рейчел и вновь почувствовала, как внутри ее шевельнулось что-то, похожее на признательность.

«Он действительно желает сделать меня счастливой». Но, подумав так, она вместе с тем ощутила мимолетный укол совести: а сказала ли она правду? «Я скоро стану счастливой, – мысленно поправила она себя. – Когда чувство к нему вырастет и заполнит мое сердце».

– Мы друг на друга похожи, ты и я, – продолжил Ричард. – Мы многое пережили... Ты и я потеряли семью, людей, которые растили нас и любили. Трудно не жить прошлым. Искушение чересчур велико. – Он крепко стиснул ее пальцы, и в его глазах появилось выражение, которого она не могла понять. – Каждый из нас нуждается в близком человеке, с которым можно разделить жизнь. Кто нас понял бы, с кем вместе можно было бы строить общее будущее. Я счастлив, что нашел тебя, Рейчел.

– И я счастлива, что нашла тебя. Но... твой отец...

– Считаю, его у меня нет, – резко произнес Ричард.

– Мне жаль, что это так, мистер Уикс.

Зная, что Рейчел любит читать, Ричард в качестве свадебного подарка преподнес ей новую книгу Джона Китса. Однажды вечером она попросила мужа почитать ей вслух. Он послушно взял томик в руки, но при этом на его лице отразилось неудовольствие, граничащее с отвращением. Ричард старался как мог, но чувствовалось, что подобное занятие ему неприятно. Он не соблюдал деления текста на строки и не обращал внимания на поэтический размер. Когда он читал, было трудно уследить за смыслом. Получался просто набор слов, никак не связанный с глубочайшими размышлениями поэта, переданными прекрасным языком. Рейчел через силу заставляла себя слушать балладу «Канун святой Агнессы»¹⁴, которая в исполнении Ричарда звучала грубо и бестолково, напоминая игру на расстроенном фортепиано, и через какое-то время обнаружила, что ее зубы крепко стиснуты, глаза зажмурены и ей очень хочется, чтобы эта какофония прекратилась. Когда наступила тишина, она подняла голову и увидела, что Ричард смотрит на нее с обреченным видом.

– Боюсь, я неважный чтец, – произнес он тихо.

Рейчел ощутила чувство вины и покраснела.

– О нет! Ты справился замечательно, Ричард. В конце концов, декламация лишь одна из разновидностей речи, и все дело в практике, – возразила она.

– Что ж, – он закрыл книгу и вручил жене, – трудно заставить себя говорить не так, как ты привык.

¹⁴ «Канун святой Агнессы» – поэма, написанная в 1819 г. и вошедшая в третью, предсмертную книгу стихов Джона Китса (1795–1821).

– О, я имела в виду... Я только хотела сказать, что чтение стихов больше похоже... на актерскую игру, чем на чтение газеты, – сказала Рейчел, пытаясь развеять возможное подозрение, будто она относится к нему с пренебрежением.

– Как раз к ремеслу актера я никогда не испытывал призвания, – отозвался Ричард с ноткой раздражения в голосе.

– Если оно тебе не по душе, в этом нет никакой беды. Давай теперь почитаю я?

– Как хочешь, Рейчел. Я очень устал.

Рейчел раскрыла книгу и на несколько минут погрузилась в мир чудесных образов, в их странную красоту. Она сосредоточилась на чтении, пытаясь передать прелесть каждой строки, чтобы вызвать у мужа чувство восторга и тем самым доказать, что ее любовь к поэзии имеет под собой основание. Но едва она закончила, как подбородок Ричарда упал на грудь и он погрузился в сон. Рейчел пребывала в нерешительности, не зная, следует ли ей его разбудить и довести до кровати. Это все еще казалось ей чересчур смелым поступком. Поэтому она долго сидела в молчании, и единственным, что нарушало тишину, был легкий шелест догорающих угольков, проваливающихся сквозь каминную решетку.

Несмотря на странное чувство, что она привлекает к себе всеобщее внимание, Рейчел взяла привычку гулять по улицам Бата. Она делала это одна, без провожатых, и вскоре начала замечать различные взгляды – неодобрительные, оценивающие или удивленные, – которые на нее бросали, когда она шагала по Милсом-стрит¹⁵. Трудно сказать, объяснялось это ее немолодым возрастом, увядшей красотой или немодным покроем платья. Рейчел спрашивала себя, не принимают ли ее за служанку, которую хозяйка послала с каким-то поручением. Милсом-стрит, широкая и просторная, шла с юга на восток через самый центр города, по бокам выстроились в ряд лавки и конторы, и ее каменная мостовая была выметена чище, нежели остальные улицы. Экипажи, возки и прохожие двигались по ней нескончаемой чередой, отчего ее наполняли людской гомон, стук копыт и скрип колес. Сквозь весь этот шум пробивались осипшие голоса расхваливающих свои товары торговцев вразнос и мальчишек с ручными тележками. Некоторые из лавок, которые Рейчел помнила по прежним временам, еще существовали, как, например, тот модный магазин, в котором мать когда-то купила ей новую шляпку, отороченную шелковыми розочками и с зеленой бархатной лентой. Однажды она остановилась на площади перед аббатством и подумала, что и его огромная церковь, и Залы собраний, и питаемые горячими источниками Римские бани остались в точности такими же, какими она их помнила. Они не изменились ничуть, а сама она изменилась, и эта мысль ее поразила. В Бате ей больше не было места – во всяком случае, того, которое она занимала раньше.

Ее семья никогда не была богатой, но жила в достатке, не хуже других. Джон Крофтон, ее отец, был сквайром и владел маленьким поместьем, насчитывающим четыре фермы и расположенным на нескольких сотнях акров холмистых угодий, где паслись овцы и крупный рогатый скот. Помещичий дом, в котором выросла Рейчел, выстроенный во времена королевы Елизаветы¹⁶, был длинным и приземистым, с толстыми каменными стенами, сводчатыми окнами и крышей, которая провисала между стропилами. Весь фасад был обвит плетями старых глициний, с которых каждый год в мае и июне свисали пышные гроздья лиловых цветов. Дом был удобный, хоть и немало обветшавший за те сотни лет, которые в нем прожили его обитатели. В комнате Рейчел деревянный пол имел столь значительный уклон, что они с Кристофером часто использовали это в играх. Например, заставляли

¹⁵ Улица была построена в 1762 г. Томасом Лайтхолдером; в качестве самой оживленной городской улицы в Бате упоминается в нескольких произведениях Джейн Остин.

¹⁶ *Елизавета I* (1533–1603) – королева Англии и королева Ирландии с 1558 г., последняя из династии Тюдоров.

мраморные шарики катиться через всю комнату под воздействием силы тяжести, чтобы попасть ими в установленную цель. Это был дом, в котором радовались детскому смеху, и он частенько звучал на его деревянной лестнице, поскольку на детей здесь никогда не шикали и не просили их вести себя тихо.

Джон Крофтон чуждался крайностей и был доволен той жизнью, которую ему уготовила судьба. Он не имел нужды пыжиться, пытаясь попасть в круг тех, кто стоял выше его по положению, и не терял времени на то, чтобы водиться с теми, кто почитал себя столпом общества. Вместо этого Джон и Анна общались с друзьями, которых они искренне любили, поэтому на их вечеринках и чаепитиях всегда царило радостное веселье. Однажды родителей Рейчел пригласили отобедать у сэра Пола Метьюна в невообразимо величественном поместье Коршам-корт¹⁷, которое вполне могло стать местом, откуда они вернулись бы зачарованными, облагороженными и вообще другими людьми. Но Крофтоны приехали домой, посмеиваясь над тем, каким скучным собеседником оказался сэр Пол и как нелепо вели себя остальные гости, стремясь снискать расположение хозяина. Больше их туда не приглашали, и их это совершенно не расстраивало.

Два года, которые Рейчел провела в пансионе для благородных девиц, она тосковала по своему старому дому и приезжала туда всякий раз, когда ей это разрешалось. Три сезона, проведенные семьей Крофтон в Бате, позволили Рейчел познакомиться с самыми разными людьми, а также узнать достоинства и недостатки городской жизни. При этом семейство твердо держалось своего главного принципа: они никогда не пытались пробраться в верхние слои общества, а также не искали развлечений и приятного времяпрепровождения исключительно среди людей, имеющих сходные с ними взгляды. Если Рейчел или ее родители встречали молодого человека, который мог бы оказаться для нее подходящей партией, о нем судили по его натуре, образу мыслей и склонностям, а не по одному лишь имени. Однако девушке так и не удалось встретить никого, кто вызвал бы ее восхищение. Красивая внешность, как правило, прикрывала только глупость и тщеславие. Так что она предпочитала ходить на прогулки с матерью и подругами, а также посещать с ними лавки, где они покупали различные мелочи, которыми можно было украсить платье и туфельки или кого-нибудь одарить. Возвращаясь домой, она всегда была рада вновь увидеть Кристофера, который терпеть не мог, когда его оставляли одного, и при их возвращении всякий раз шумно сбегал вниз по лестнице.

Когда Рейчел покинула площадь перед аббатством и пошла дальше, лицо Кристофера столь живо встало перед ее мысленным взором, что она едва не споткнулась, увидев едва ли не наяву тонкое жизнерадостное лицо под копной соломенных волос, более темных, чем у нее. У брата были светло-карие глаза цвета меда и заостренный прямой нос, который летнее солнце осыпало веснушками. Лихорадка унесла его в одночасье. Он пожаловался на головокружение перед тем, как лечь спать в понедельник, а в четверг его уже не стало, еще до захода солнца. Жизнь в нем так и бурлила, била ключом, он был способен на любые проказы. И никто не мог поверить в его смерть. Они, все трое, просидели много часов над маленьким мертвым тельцем, глядя на него и не веря собственным глазам.

Задыхаясь, Рейчел внезапно остановилась посреди улицы. Она почувствовала, что ей не хватает воздуха. Тесная толпа потекла по обе стороны от нее, ее толкали локтями, но никто не остановился, чтобы предложить помощь. Потом она услышала недовольный возглас и увидела перед собой элегантную пожилую леди, которая сразу же отвернулась и стала

¹⁷ *Коршам-корт* – загородный дом с парком, разбитым знаменитым садовником Ланселотом Брауном; построен в 1582 г. Томасом Смайтом. В настоящее время это частный музей, в экспозиции которого имеются исторические интерьеры и богатая коллекция живописи.

глядеть в сторону надменным взглядом. «Кто эти люди?» В этот момент Рейчел поняла, что на Милсом-стрит она больше не вернется.

Ее путь лежал мимо «Головы мавра». Над таверной в лучах нечасто появляющегося в это время года солнца вились чайки, своими визгливыми криками словно издеваясь над ней. Улица была наполнена людьми и их голосами, но вдруг Рейчел с удивлением осознала, что кто-то окликнул ее по имени – тому имени, к которому она до сих пор не могла привыкнуть.

– Миссис Уикс! Не уделите ли мне минутку?

Рейчел обернулась и увидела Дункана Уикса, ее свекра, который шел к ней через улицу на не слишком твердых ногах. Она уже почти отвернулась, намереваясь притвориться, будто его не замечает: в ее ушах звучало резкое заявление Ричарда, что отца у него нет. «Но как я могу пройти мимо старика, который теперь мне уже не чужой?» Рейчел колебалась, к тому же после двухчасовой прогулки она не могла не почувствовать облегчения оттого, что увидела наконец знакомое лицо. Коричневый сюртук Дункана Уикса когда-то, несомненно, выглядел очень прилично, но теперь продрался на локтях, трех пуговиц не доставало и появились жирные пятна на обшлагах. Парик сидел на голове старика так же кособоко, как в первый день знакомства, щеки у него покраснелись, а бугристый нос, покрытый сеточкой проступивших кровеносных сосудов, был лилового цвета.

– Как поживаете, мистер Уикс? – спросила Рейчел.

Старик улыбнулся, и морщины окружили его глаза еще более явственно.

– Миссис Уикс! Я не мог не почувствовать себя гораздо лучше, увидев ваше милое лицо, моя дорогая. Как поживаете вы? Как дела у моего сына?

– У нас все замечательно, благодарю вас. Я тут ходила на прогулку...

– Очень хорошо, очень хорошо. Счастлив увидеть вас снова. И как вы находите наш замечательный город Бат? Вам он нравится?

Говоря эти слова, Дункан Уикс покачивался, но только слегка. Он пристально вглядывался в сноху, и его глаза бродили по ней, производя внимательный, тщательный осмотр, который Рейчел нашла почти неприличным. От него пахло спиртным, и он произносил слова с сильным деревенским выговором.

– Да, очень нравится, сэр. Я здесь бывала и раньше, несколько раз, вместе с моей семьей. И мне было приятно опять тут очутиться.

– А где теперь ваши родные, моя дорогая?

– К сожалению, их... больше нет.

Лицо Дункана Уикса омрачилось, и он кивнул.

– Грустная штука, насколько я знаю. Приношу соболезнования, дорогая. Мать Ричарда, моя дорогая Сюзанна, тоже теперь далеко. Это случилось, когда Дик был еще мальчишкой.

– Да, он рассказывал, что едва знал мать.

– О, знал он ее прекрасно и очень любил. Ему стукнуло всего восемь лет, когда она умерла, поэтому, наверно, его воспоминания о ней померкли, – с грустью проговорил старик.

– А какой была ваша жена?

– Ну, красивое лицо, как вы, видимо, сами догадываетесь, сын унаследовал не от меня, – с улыбкой проговорил Дункан. – На мой взгляд, она была прелестной, как летний день, хотя у нее был взрывной характер, который мог вспугнуть птиц на пять миль вокруг, и голос ему под стать. Наверно, она не была такой утонченной дамой, как вы, дорогая, но она была дамой моего сердца, которую я любил больше собственной жизни.

– Я не такая уж утонченная, – запротестовала Рейчел.

– О, ерунда. Ерунда. – Старик помолчал и снова посмотрел в лицо Рейчел испытующим взглядом. – Скажите... где он вас нашел?

– Он... мы... – Рейчел замялась. Ее смутил необычный поворот разговора. – Я была гувернанткой в поместье, где жил один из его клиентов. Это не очень далеко от Бата. Там мы и встретились.

– Недалеко от Бата, вы говорите? Ну-ну. – Дункан Уикс помолчал, кивая каким-то своим мыслям. – Я очень счастлив за сына, что он выбрал вас себе в жены. Я давно наблюдаю, как он старается подняться выше, вырваться из того круга, к которому принадлежал с рождения. И ему, конечно, это удалось. Ведь разве смог бы он завоевать такую леди, если бы не сумел стать достойным ее?

Дункан улыбнулся опять, но в его глазах по-прежнему оставалось вопросительное выражение. Рейчел немного подумала, и ей вспомнился весь долгий и одинокий путь, который привел ее к тому, чтобы принять предложение Ричарда. «О, если бы дело было лишь в его красивом лице, его стремлении к самоусовершенствованию и моем восхищении тем и другим!»

– Хочу извиниться перед вами за... за то, как грубо обошелся с вами мой муж в день свадьбы. Мне бы хотелось, чтобы вы присоединились к нам за праздничным столом, потому что мы ведь одна семья, – проговорила Рейчел, ощущая чувство неловкости.

Дункан Уикс несколько мгновений колебался, перед тем как ответить, и его усталые глаза слегка затуманились.

– Ага, вы еще и добрая девушка, а не только хорошенькая. Мой сын затаил яростную обиду на меня, уже много лет прошло. Он сердится. Да, все еще сердится. – Старик покачал головой.

– Но за что?

– Это дело давно минувших дней. Список претензий у него длинный, и в нем, несомненно, есть вещи, о которых я даже не помню...

Дункан замолчал и посмотрел в сторону, словно не желая встречаться с ней взглядом. Рейчел догадалась, что всей правды она не услышала.

– Простите меня, не мое дело доискиваться, что между вами произошло. Но я вижу, что случившееся вас огорчает, и мне вас жаль. Возможно, сэр, если я поговорю с мужем... то смогу убедить его в том, что прошлые обиды не стоят того, чтобы о них помнить? – предложила она.

– Не нужно ради меня вызывать его неудовольствие, миссис Уикс, – возразил Дункан.

Рейчел немного подумала, затем взяла его руку и задержала в своей. Пальцы у него были толстые, суставы на них изуродованы старыми шрамами и артритом. Он выглядел усталым, печальным и неухоженным. Вскоре Рейчел стало не по себе от той ситуации, в которой она оказалась, держа старика за руку.

– Не могу обещать, сэр, что добьюсь успеха, – сказала она. – Но я понимаю, насколько важны родственные узы в жизни всякого человека. И мне больно видеть, как ими пренебрегают, поэтому я постараюсь сделать все возможное.

Внезапно Дункан Уикс смутился. Он прочистил горло и следующие слова произнес опасливым шепотом:

– Будьте осторожны, дорогая. Разумней не говорить обо мне с моим сыном. Старые раны не так легко затягиваются, а у него не только внешность, но и крутой нрав его матери.

– Никогда не видела, чтобы Ричард его проявлял, – сказала Рейчел и отпустила руку свекра, подавив желание вытереть пальцы о юбку.

– Вот как? – Дункан было нахмурился, но затем его взгляд смягчился. – И вправду, кто станет выказывать свою вспыльчивость перед таким милым и добрым существом, как вы, моя дорогая. А может, вы как-нибудь придете меня навестить? Я почел бы за честь вас принять... Мы бы могли выпить по рюмочке бренди за вашу свадьбу, раз уж мне не довелось на ней присутствовать.

– Для этого, конечно, придется попросить разрешения у мужа, но я бы с удовольствием...

– Если станете отпрашиваться, он вам откажет, – прервал ее Дункан тревожным голосом. – Он разгневется и на вас, и на меня, моя дорогая, если вы скажете ему напрямик. Даже может отправиться искать меня, чтобы отругать.

– Уверена, он меня отпустит, сэр... И я не должна приходить к вам без спросу... Конечно, не должна.

– Ну, очень жаль, потому что я надеялся, что вы, может, и вправду как-нибудь зайдете.

Дункан Уикс сунул пальцы в карманы жилета, посмотрел в сторону, куда-то в конец улицы, его лицо утратило всю свою живость. Рейчел не знала, что ему ответить. Было заметно, что старика бьет легкая дрожь.

– Вы должны идти домой, сэр, и не стоять здесь на холодном ветру. Вы можете простудиться, – сказала она. – Но прежде дайте, пожалуйста, вашу визитную карточку, чтобы я знала, где вас найти.

– Мою карточку? Мою карточку... – пробормотал он, рассеянно хлопая себя по карманам. – Мою карточку. Да. Боюсь, такой у меня нет, моя дорогая. Но я могу указать адрес, если вы его не забудете. Хотите?

Рейчел кивнула. Когда она собралась идти дальше, Дункан Уикс взял ее за руку.

– Будьте осторожны, милая девушка, – сказал он серьезным тоном. – Будьте осторожны.

Ночью они занимались любовью, после чего она легла поближе к Ричарду. И на этот раз, как это теперь бывало всегда, Рейчел пыталась найти в происходящем плотское удовольствие, которое ожидала получить и на которое ей частенько намекала мать, когда они разговаривали с ней о замужестве. Хотя боли больше не было, но и ничего похожего на наслаждение тоже. Рейчел испытывала лишь довольно странное удовлетворение, сходное с тем, которое чувствуешь, если нажимать на ушибленное место. Новобрачную это ощущение, пожалуй, даже забавляло, она находила, что не такое уж оно отвратительное и может понравиться. Но Ричард всякий раз доходил до высшей точки, жадно ловя ртом воздух и положив голову ей на плечо, еще до того, как она могла как следует разобраться в своих чувствах. Она говорила себе, что счастлива приносить радость даже без того, чтобы переживать ее самой, но в то же время не могла не испытывать некоторого разочарования.

Тепло, исходившее от Ричарда, лежавшего рядом с ней, дарило приятное успокоение. Осязаемый, настоящий, он был тем якорем, который удерживал на месте, когда появлялось чувство, будто она брошена в море на произвол судьбы и ее уносит течением. Рейчел крепко ухватила за его плечи, словно пытаясь погрузить пальцы в его упругое тело, и прижалась щекой к его макушке.

– У тебя все в порядке, Рейчел? – прошептал он.

– Да, любимый, – ответила она.

– Сегодня ты в первый раз назвала меня любимым, – заметил он.

– Тебе это понравилось?

– Очень. Мне это... очень понравилось.

Хотя голос Ричарда звучал приглушенно, она почувствовала, что он тронут. Рейчел поцеловала его волосы и крепко закрыла глаза, внезапно испугавшись, что может заплакать. Она не смогла бы сказать, чем вызваны эти слезы.

– Ты... ты счастлива здесь? Со мной? Ты ни о чем не жалеешь? – спросил он.

Рейчел не ответила на вопрос, и Ричард лег на спину, чтобы приподняться на локтях и посмотреть на нее, так что она смогла увидеть овал его лица в тусклом свете, проникавшем с улицы.

– Рейчел? – спросил он с беспокойством.

Она протянула руку и погладила его по подбородку.

– Я ни о чем не жалею, – сказала Рейчел, надеясь, что этих слов окажется достаточно, хотя она и ответила не на все вопросы.

Ричард вновь улыбнулся и поцеловал ее руку.

– Ты ангел, моя любимая, – произнес он сонным голосом, вновь положил голову ей на плечо, так что его подбородок уткнулся ей в ключицу, и через несколько мгновений заснул.

Рейчел долго лежала, не смыкая глаз; она различала слабый аромат геля, идущий от волос Ричарда, и горький запах копоти из камина. «Когда я забеременею, моя любовь к нему будет расти вместе с малышом. Мы станем настоящей семьей, и все будет хорошо». С улицы доносился стук колес проезжающих экипажей и обрывки слов. Кто-то говорил басом – гневно, на повышенных тонах. Потом раздались звуки шагов. Деревянный остов их дома поскрипывал. Дуновения холодного воздуха, проникавшие через приоткрытое окно, касались лица Рейчел, и она ощущала в них предвестие скорой зимы. Когда она наконец уснула, ей приснилась восхитительная быстрая река, вся искрящаяся на солнце. Рейчел любовалась рекой и одновременно страшилась ее из-за гнетущего предчувствия надвигающейся беды. Казалось, она парит над поверхностью воды, словно ее над ней что-то удерживает. Затем она услышала испуганный крик и поняла, что прозвучавший голос принадлежит не ей. Вокруг разливался запах лета и зеленых листьев, и у Рейчел возникло ощущение, что эта река чего-то от нее хочет.

На следующее утро Рейчел подождала, когда Ричард позавтракает, чтобы задать вопрос, связанный с его отцом. У мужа сразу после пробуждения часто бывал угрюмый, мрачный вид, и она поняла, что с ним лучше не говорить слишком много или слишком громко, пока он не поест. Рейчел принесла ему ломти хлеба, намазанные медом, несколько вареных яиц и поставила все это рядом с ним, пока он сидел, уставившись в столешницу, и отхлебывал эль из высокой кружки.

– Ты ни за что не отгадаешь, кого я вчера встретила, – невинно сказала Рейчел, когда, как ей показалось, подходящий момент настал.

– И кого? – спросил Ричард тихо, без видимого интереса.

– Твоего отца, Дункана Уикса. – Рейчел присела за стол напротив Ричарда, но ее улыбка померкла, когда она увидела, как помрачнело его лицо. – Мы столкнулись на улице, и... – Она запнулась. – Он спросил о тебе. Спросил, как ты поживаешь, – продолжала она настойчиво.

– То, как я живу, его не касается, а тебе нечего с ним разговаривать. Обо мне или о чем бы то ни было.

Голос Ричарда звучал тихо, но сказанное потрясло Рейчел.

– Но, мой дорогой, он же твой *отец*! А раз у меня отца нет, то и мой теперь тоже...

– Нет, Рейчел, он тебе не отец! Ничуть не отец!

– Разве мы не беседовали о той боли, которую причиняет потеря родственников? Не говорили о том, как важны для нас наши близкие и как мы хотим стать одной семьей?

– Я отрекся от этого человека. Он мне больше не отец! Неужели не понятно?

Ричард ударил рукой по столу, да так сильно, что столовые приборы подпрыгнули. Рейчел вздрогнула. Ее сердце быстро забилося, но она решила не сдаваться. Она была уверена, что имеет на это право и должна его переубедить. «Будьте осторожны». Рейчел помнила слова Дункана Уикса, но пренебрегла ими.

– Нет, я не понимаю. Что он мог такого сделать, чтобы ты от него вот так отвернулся? И... даже если ты чувствуешь себя обиженным... он уже старик, бедный и нуждающийся в нашем сочувствии...

– Если я чувствую себя обиженным? Ты что, не веришь в серьезность моих слов? Ты действительно думаешь, что я мог отвернуться от отца из простого *каприза*? – Голос Ричарда стал хриплым от ярости, и когда он говорил, то тыкал в нее пальцем. – Как у тебя хватает

наглости так рассуждать? Этот человек не был бы и вполнину так беден, как сейчас, если бы не пропивал все гроши, которые получает, в тот же день, когда их ему заплатят. Он идиот и пропойца, и он разрушил мою жизнь, ты даже не можешь себе этого представить! Он убил мою мать! Этого он тебе не рассказал? Так что не читай мне проповедей о том, как я должен или не должен к нему относиться! И ты не будешь иметь с ним ничего общего, иначе, клянусь Богом, если я про это узнаю, тебе не поздоровится!

Рейчел в ужасе отпрянула от него, от его гневной речи, от направленного на нее пальца и той злости, сделавшей мужа похожим на туго натянутую рояльную струну. Она была настолько потрясена, что потеряла дар речи. С ней прежде никто так не разговаривал, и она никогда еще не сталкивалась с такой лютой злобой. Ричард сверлил ее огненным взглядом. Затем он снова взял кружку и отхлебнул эля, тогда как Рейчел продолжала сидеть и смотреть на него. Ее щеки пылали, никакие слова на ум не приходили. Она все еще тщетно пыталась найти, что сказать, когда Ричард встал и залпом осушил кружку.

– Мне пора идти, – сказал он холодно и спокойно. – Давай больше не будем об этом говорить.

Он вышел из комнаты, хмуря брови, а Рейчел осталась сидеть на кухне с таким чувством, словно ее только что публично раздели, – оскорбленная и униженная. Прошло немало времени, прежде чем ее бешено стучавшее сердце успокоилось, а пальцы перестали дрожать.

* * *

Со свадьбы Дика Уикса минуло девять ночей, и для Пташки все они оказались бессонными. Не спала девушка и теперь. Она лежала на узкой кровати в крошечной темноте своей комнаты и слушала, как Сол Брэдбери сопит и что-то бормочет во сне. Почувствовав дурной запах, она вдруг вспомнила, что все эти дни забывала мыться. Злясь на себя, Пташка крепко стиснула кулаки. Она бродила, словно во сне, с той самой поры, как увидела жену Дика – а вернее, ее лицо. Лишь небольшая часть сознания Пташки была обращена к делам, которые ей поручали, тогда как основная его часть была занята раздумьями о том, что она тогда увидела и что это может значить. В один из вечеров Пташка не заметила, как механический вертел¹⁸ заклинило и свиная лопатка с одной стороны превратилась в уголь. Она испортила три галлона¹⁹ имбирного пива, добавив туда слишком много закваски, так что и в тех бутылках, которые не взорвались, пиво имело отвратительный вкус. Даже всегда жизнерадостная Сол начала вздыхать и выражать недовольство по поводу отрешенного выражения ее лица и растерянно-хмурого взгляда.

Когда внутреннему взору Пташки представал образ жены Дика Уикса, дыхание девушки невольно учащалось. Она видела большие голубые глаза под тяжелыми веками, высокие скулы и острый подбородок с намеком на ямочку, маленький, изящный рот и очень светлые волосы цвета только что снятых сливок. Это не могло быть совпадением. Во внезапном появлении этой женщины в Бате был определенный смысл, и нужно было найти какой-то способ, которым Пташка могла ее использовать. Это был тот шанс, которого она так долго ждала, шанс, о котором столько мечтала. Она не знала до конца, как все должно произойти, но первым шагом – так она решила, когда почти осязаемая чернота ночи немного поблекла, – должен стать визит Дика Уикса, во время которого тот представит жену миссис Джозефине

¹⁸ Долгое время, до начала XIX в., в Англии использовались вертельные собаки, помещавшиеся в колесо типа беличьего, вращение которого передавалось на вертел; позже появились приспособления, в которых вертел вращался под действием груза или пружины.

¹⁹ Галлон – мера объема, равная 4,546 л.

Аллейн, хозяйке дома в Лэнсдаунском Полумесяце. Пусть Джонатан Аллейн увидит лицо, которое не сможет оставить его равнодушным. Но для этого требовалось ввести новоиспеченную миссис Уикс в их дом, а иного способа сделать это, кроме как сперва показать эту женщину Джозефине, его матери, не существовало.

На следующий день Пташка еще обдумывала, как все лучше устроить, когда подвернулась счастливая возможность. Поскольку Доркас по-прежнему отказывалась зайти куда-либо, где поблизости находился Джонатан Аллейн, Пташке был поручен надзор за его комнатами. Начавшийся день выдался облачным, и моросил дождь. С верхнего этажа дома было видно, как весь город и вся долина реки покрыты пеленой тумана. Когда Пташка открыла ставни в комнатах, Джонатан вздрогнул. Он был высокий и тощий, с острым носом, квадратной челюстью и длинными скулами, делавшими его лицо похожим на лисью мордочку. Длинные пальцы и глубокие морщины на лбу довершали картину. У него были темные брови над черными, настороженными глазами, а волосы, жирные и спутанные, падали на плечи неухоженными прядями. Он снова спал в кресле одетым и вот уже несколько дней как не брился. У него в руке было зажато письмо. Пташка сразу догадалась, что это одно из писем Элис. Сердце словно подпрыгнуло у нее в груди. Бумага была старой, измятой, порванной на краях. Он спал, прижав его к груди, как будто оно могло его утешить. «Проси у нее все, что хочешь, – подумала Пташка. – Теперь слишком поздно. Она не сможет тебя простить, и я тоже». Джонатан с минуту смотрел на нее в явном смущении, и она мысленно себя с этим поздравила, но затем его голова снова упала на высокую спинку кресла, взгляд уплыл куда-то в сторону, обратившись к оконному стеклу.

– Уходи. Оставь меня в покое, – пробормотал он.

– Ваш завтрак на столе позади вас, – проговорила Пташка, прекрасно сознавая, что он проигнорирует ее слова.

Он редко ел что-либо до полудня, а порой и до наступления темноты. А иногда вообще не притрагивался к пище целые сутки.

– Оставь меня, я сказал. – Голос его звучал надтреснуто и глухо.

Пташка прошла к камину. Она вымела золу, положила растопку и новый уголь, а потом разожгла огонь. На полу рядом с письменным столом лежало битое стекло, и она подмела осколки. Пташка повернулась, чтобы выйти из комнаты, и только тогда поняла, как тиха и добра она была к нему в это утро. «Все дело в письме», – решила девушка. Когда он доставал письма из одного ему известного тайника, где они хранились, в комнате словно появлялся дух Элис. Он будто проникал в сердце Пташки, касался его нежными пальцами и успокаивал, умиряя в нем обиду и злость. «Нет, я не успокоюсь». Она сжала зубы и заставила себя вспомнить о причине, по которой здесь отсутствовала Элис, умевшая так благотворно воздействовать на всех окружающих. Причина состояла в том, что Элис была мертва. Эта мысль резанула по живому и заставила открыться старую рану. Пташка повернулась и посмотрела на макушку Джонатана, видневшуюся над спинкой кресла. Его рука соскользнула с подлокотника, и письмо закачалось, едва удерживаемое пальцами. «Если он позволит ему упасть, я убью его здесь и сейчас». Но Джонатан письма не выронил.

Пташка медленно пошла к нему. По его дыханию она поняла, что он опять задремал, и в течение какого-то времени слушала его посапывание, этот звук неожиданно показался ей приятным: в нем ощущались простой ритм и какая-то уязвимость. Во сне он забормотал – сперва баском что-то невнятное, потом голос его стал жалостным, испуганным и почти детским. Пташка осторожно подошла ближе и встала сбоку от него. Голова Джонатана наклонилась вперед, подбородок уперся в грудь. Она встала на колени, чтобы заглянуть ему в лицо, и увидела, как его глаза бегают из стороны в сторону под полуприкрытыми веками. Вдруг между его бровей появилась глубокая складка, а дыхание участилось. «Ему что-то снится. И

сон его пугает». Только тут она заметила, что тянется все ближе и ближе к его лицу, словно загнипнотизированная появившимся на нем выражением. Губы Джонатана зашевелились, но оказались бессильны придать какую-либо форму звукам, идущим из его горла. «Что же вы видите, мистер Аллейн? Чем вас так напугал ваш сон?» Словно отвечая ей, он тихо застыл, его руки дернулись и сжались в кулаки. Письмо Элис оказалось скомканным между его пальцами, и Пташка смотрела на него, спрашивая себя, сумеет ли вынуть листок так, чтобы хозяин этого не почувствовал. Она протянула к письму руку, ухватилась за него и осторожно потянула, но Джонатан держал его крепко. Затаив дыхание, Пташка попробовала его выдернуть, но кулак был сжат слишком сильно.

– Нет! – выкрикнул Джонатан. В тот же миг Пташка вскочила на ноги и попятилась. – Нет, – повторил он все тем же громким, жалобным голосом. – Нет, нет, нет... Я этого никогда не хотел. Я... я... – Его веки еще более приоткрылись, обнажив жутковатые белки глаз, казавшиеся теперь длинными, узкими полосками. Рот его находился в постоянном движении. – Там кровь! Кровь... – пробормотал он, а потом опять издал стон, полный тоски.

– Да, – прошептала Пташка, которую вдруг пронизал холод. – Знаю. Там, на твоих руках, кровь.

При звуке ее голоса Джонатан вздрогнул и заерзал в кресле. Глаза его прекратили движение, и он больше ничего не сказал. «Спи спокойно, пока тебе это еще удастся, потому что я найду способ доказать твою вину».

Она не в первый раз слышала, как Джонатан разговаривает таким образом. Иногда, напившись или испытывая очередной приступ головной боли, он как бы впадал в транс и начинал говорить с людьми, которых нет в комнате, так, словно слышал задаваемые ими вопросы. То, что он лепетал, как правило, было лишено смысла. Но иногда он изрекал нечто ужасное, в этих словах сквозила вина и жестокость, и тогда Пташке вспоминался случай, после которого ее подозрения превратились в уверенность. Это было спустя три года после исчезновения Элис, в течение которых никому в их доме в Боксе²⁰ не разрешалось произносить ее имя. Джонатан пролежал в постели с забинтованной ногой, нагноившейся так, что от нее воняло, несколько недель, в течение которых он никого не хотел видеть.

Пташка была в этом доме служанкой, не более, так что ей пришлось сдерживать свои чувства и скорректировать поведение. Она больше не могла запросто поговорить с Джонатаном, как прежде. Когда Пташка вспоминала гладкое, радостное лицо, которое увидела при их первой встрече, ей с трудом верилось, что опустошенное существо с впалыми щеками является тем же самым человеком. Едва нога Джонатана зажила, она имела неосторожность проникнуть к нему в комнату, потому что еще не научилась тогда бояться вспышек его гнева. Ничего не опасаясь, Пташка бросилась прямо к Джонатану, схватила его за руку и стала умолять его сказать ей, нет ли у него весточки от Элис и не собирается ли он отправиться на ее поиски теперь, когда выздоровел. Джонатан отдернул руку и ударил ее по лицу с такой силой, что она упала на спину, потрясенная и ничего не понимающая. А он смотрел на нее спокойными пустыми глазами, с отсутствующим выражением на лице. С той поры Пташка поняла: нужно проявлять больше изобретательности, чтобы выудить из него какие-нибудь сведения. Она теперь отдавала себе отчет, что это не тот человек, которого она знала раньше, и ей становилось страшно при мысли о том, на что он способен.

А однажды, вскоре после случившегося, она принесла кувшин приправленного пряностями теплого молока ему в спальню, где обнаружила Джонатана в поту, задыхающимся от боли, меряющим шагами комнату, обхватив руками голову, и без конца бормочущим какую-то чепуху. Вот тогда она и услышала, как он это сказал. Услышала в первый раз и похолодела, став бесчувственной, словно ледышка. На звук разбившегося о пол кувшина прибежал

²⁰ Бокс – большая деревня в английском графстве Уилтшир приблизительно в 8 км к востоку от Бата.

кто-то из слуг. Джонатан тоже бросился к ней, обнажив зубы в неистовой ярости, вызванной нестерпимой мукой, и все на миг растворилось в хаосе борьбы. Но она слышала. Это было ясно как день. «Она мертва. О боже, она мертва». Пташка в ту ночь не спала. Даже глаз не закрыла. Длинные, наполненные пустотой часы превратили все ее страхи, все ее смятение в холодную, твердую решимость. Она знала, что Джонатан Аллейн враг.

С той ночи Пташка принялась мучить его всеми доступными средствами. Она изыскивала тысячи мелких возможностей усилить его страдания, сводить с ума, не давать покоя. Ибо зачем ему отдыхать, когда Элис похищена и ее больше нет в живых? Пташка делала все, чтобы он себя выдал. Она старалась выжать из него признание, заставить его сбросить личину. А когда Джонатан не поддавался, она не оставляла своих попыток, играя им и провоцируя его. Через несколько лет, когда он предпринял попытку покончить счеты с жизнью, у нее был шанс позволить ему умереть. Пташка могла положить всему конец, но когда момент настал, она его спасла. Остановила его. Прежде всего, смерть стала бы для него облегчением. А она не хотела позволить ему обрести покой.

Поскольку Джонатан по-прежнему спал, зажав в руке письмо Элис, Пташка вышла в вестибюль рядом с его комнатами и обнаружила, что там ее поджидает миссис Аллейн, высокая и невозмутимая. Матери Джонатана было за пятьдесят, но ее лицо хранило следы необыкновенной красоты. По ее словам, в свое время она была одной из самых знаменитых красавиц в Уэст-Кантри²¹. Пташка впервые увидела эту леди, когда той исполнилось сорок, в первые страшные недели после того, как исчезла Элис, и тогда она действительно была еще очень красива. Теперь ее синие васильковые глаза окружала сетка морщинок, и глубокие складки появились по бокам рта, который уже перестал иметь сходство с сердечком. Но ее скулы оставались гладкими и высокими, брови изящно выгнутыми, а подбородок волевым. Ее волосы прежде были темно-каштановыми или даже, скорей, цвета патоки. Теперь они поседели, и она зачесывала их назад – но так, чтобы несколько вьющихся локонов по-прежнему обрамляли лицо. Многие женщины вдвое моложе ее не были и вполтину так хороши собой. Пташка сразу присела перед ней в реверансе.

– Пташка! Почему ты наверху? Только не говори, что мой сын прогнал еще одну горничную!

– Я думаю, она пока что не ушла. Миссис Хаттон надеется уговорить ее остаться.

– Но она не хочет идти в комнаты моего сына?

– Увы, не хочет, мадам.

– Глупое создание, – вздохнула Джозефина Аллейн. – У него больное сердце, и он дурно себя чувствует. Мой сын не представляет ни для кого никакой угрозы. – На это Пташка ничего не ответила, и миссис Аллейн пристально на нее посмотрела. – Что такое, девочка? Ты выглядишь так, словно хочешь что-то сказать?

– Нет, мадам, – ответила Пташка.

– Так, значит, ты не против того, чтобы помогать моему сыну, когда другие от этого отказываются?

– Так и есть, мадам. Только...

– Говори.

– То, что у меня появились обязанности в покоях вашего сына, несколько мешает выполнять порученную работу на кухне.

– Понятно. И что ты предлагаешь? Чтобы я произвела тебя в горничные и наняла поваренка?

²¹ Уэст-Кантри – прежнее название Юго-Западной Англии.

– Если вы не возражаете, мадам, то да. Вы не найдете другой девушки, которая годилась бы лучше меня для того, чтобы прислуживать мистеру Аллейну.

– Именно та причина, по которой он тебя устраивает, и является главным основанием, чтобы держать тебя на кухне, Пташка, – беззлобно улыбнулась миссис Аллейн. – Боюсь, ты лучше подходишь для кухни и пивоварни²².

Пташка едва ли не наяву услышала невысказанные ею вслух мысли: «Ты подвальный крысенок. И тебя слишком много связывает с Элис».

– Однако, если ты иногда будешь выполнять дополнительную работу в верхних комнатах, это отразится на твоём жалованье. Я поговорю с миссис Хаттон.

– Спасибо, мадам.

– Хорошо. А теперь скажи, каков Джонатан сегодня утром.

– Ведет себя тихо. Не ест, и постель в эту ночь осталась нетронутой, – сообщила Пташка.

– Он... он дрожит? Ты думаешь, у него опять начались головные боли?

– Не думаю, мадам. Но сегодня он выглядит усталым.

– Ну, тогда я сейчас к нему войду, – сказала миссис Аллейн и выпрямилась, набираясь решимости. – Займись своим делом, Пташка.

«Она сама его боится», – подумала девушка и повернулась, чтобы уйти, но, сделав несколько шагов, остановилась и оглянулась. «Не уппусти шанс». Рука миссис Аллейн, которую та подняла, чтобы постучать в дверь комнаты сына, замерла в воздухе.

– В чем дело? – спросила хозяйка.

– Я недавно видела мистера Уикса, торговца вином. И он просил, чтобы я вам о нем напомнила. Он недавно сыграл свадьбу и теперь просит разрешения представить вам свою молодую жену. Если, конечно, это доставит вам удовольствие.

– Ричард Уикс наконец женился? – слегка улыбнулась миссис Аллейн.

– Да, мадам.

– И его жена достойна того, чтобы с ней познакомиться?

– Она однозначно отличается самыми изысканными манерами. Возможно... гораздо лучшими, чем ее муж. Миссис Уикс поразила меня тем, что похожа на... благородную леди.

– Вот как? И чем же?

– Пожалуй, в этом вы окажетесь лучшей судьей, чем я, мадам.

– Что ж, в таком случае я хотела бы на нее взглянуть. Забавно, что он не осмелился сам попросить о встрече. Но ты можешь передать ему приглашение прийти в четверг в четыре часа, если это его устроит.

– Как прикажете, миссис Аллейн. – Пташка сделала книксен и повернулась, чтобы уйти. Ее сердце бешено колотилось.

Пташка знала, что миссис Аллейн станет ждать, пока она не отойдет на достаточное расстояние, прежде чем решится войти к сыну. Когда девушка удалилась, до нее донеслись крики и звук падения чего-то тяжелого, явно брошенного через всю комнату. Пташка спустилась на самый нижний этаж, убедилась, что горизонт чист, а затем взяла из кладовой банку с маринованными яйцами²³, засунула в мешок, в котором уже лежало довольно много подобных продуктов, и запихнула его обратно под кровать. «Четверг, в четыре». Требовалось принять меры, чтобы по возможности пронаблюдать за Джозефиной Аллейн, когда та в первый раз увидит Рейчел Уикс.

²² Пивоварни со времен Средневековья устраивали в домах знати; в этом помещении варили пиво и делали домашнее вино, а также варили варенье, готовили желе и т. д.

²³ Яйца, сваренные вкрутую, очищенные от скорлупы и замаринованные в растворе уксуса, соли, специй и других приправ; популярная английская закуска.

При этой мысли ее охватило беспокойство, и она почувствовала, что не в силах усидеть на месте. Внезапно Пташка поняла, что понятия не имеет, как миссис Аллейн станет себя вести, когда столкнется с женщиной, так сильно похожей на Элис, ту самую девушку, которую она винила в болезни сына. Пташка внезапно осознала, что ей необходимо вновь увидеть новоиспеченную миссис Уикс – как бы больно это ни было, как тогда, в «Голове мавра», когда ее сердце сперва чуть не выскочило из груди от радости, а потом замерло, едва стало ясно, что это вовсе не Элис. Тем не менее такое поразительное сходство казалось невероятным. Пташке ужасно хотелось снова посмотреть на эту женщину, чтобы проверить первое впечатление, говорившее, что ее лицо как две капли воды походит на тот заветный образ, память о котором постоянно ее преследовала. «А если Джозефина Аллейн придет в ярость при встрече с ней, прогонит ее из дома и откажется впускать... тогда все будет кончено еще раньше, чем начнется». Она мерила шагами покособившийся пол в своей каморке, разворачиваясь так часто, что это вызывало головокружение. «Делу дан ход, и его теперь не остановить».

1803

День, когда ожидали приезда благодетеля Элис, выдался пасмурным. Дождь лил со свинцового неба прямыми струями, проделывая дырочки в земле, стекая по дымоходу и шипя на поленьях в камине. Возбужденная Элис без конца подбегала к кухонному окну, чтобы не пропустить его приезда, и казалась намного моложе своих семнадцати лет. Пташка заметила, что Бриджит надела свой лучший наряд и совершенно чистый передник, а Элис утром убирала свои светлые волосы с особенной тщательностью. Тусклый дневной свет переливался на ее локонах. Бриджит нашла для Пташки простое серое шерстяное платье с длинными рукавами. Девочке нравилось чувствовать, как его теплый подол касается лодыжек. А еще ей купили у торговца вразнос, который подошел прямо к их двери, подержанные туфли. Они пришлись Пташке впору, но все равно казались невыносимо тесными, и она сбрасывала их всякий раз, когда Элис на что-нибудь отвлекалась.

– Спокойнее, мисс Элис! Не надо так сильно волноваться! – посоветовала Бриджит своей подопечной.

Элис вздохнула, снова села на стул, но, едва слышав, как лязгнули ворота, тут же подбежала к окну. Глаза ее расширились, и она поднесла руку ко рту.

– Он приехал... и... и с ним Джонатан Аллейн! – прошептала она сквозь прижатые к губам пальцы.

Бриджит принялась хлопотать. Она сняла передник, быстро запихала его в комод и засунула выбившиеся пряди волос под чепец.

– Элис, в гостиную. Бери шитье и сиди смиренно, пока я их не проведу в комнату. Пташка, детка, ступай наверх и не спускайся вниз, пока я тебя не позову. Поняла?

– Да, Бриджит, – ответила Пташка голоском тоненьким, как звук свирели, и таким тихим, что он почти терялся среди шума дождя.

Пташка поступила так, как ей было велено, но не до конца. Она остановилась наверху лестницы и, уткнув подбородок в худые колени, присела за перилами, не заметная ни для кого. Чтобы ее увидеть, требовалось задрать голову и посмотреть в нужном направлении. Это было самое лучшее место для того, чтобы подслушать, о чем пойдет речь, или рассмотреть тех, кто войдет в дом. Вскоре она увидела двух джентльменов, одного старого, другого молодого. Они были одеты изящно, как настоящие лорды, хотя их одежда промокла насквозь и с краев на пол текла вода, а туфли покрывала грязь. Старый джентльмен был дороден, румян и обладал не лишенной приятности внешностью. У него были огромные ручки, каждая ладонь размером с тарелку, и на голове красовалась черная шляпа, надетая поверх серого завитого парика. Когда он улыбался, щеки так сильно разъезжались в стороны, что почти заслоняли глаза. Он бодро поприветствовал Бриджит, куда галантней, чем обычно приветствуют слуг, широко улыбнулся и произнес:

– Ну, как дела?

Пташка, однако, сразу заметила, что и ответ Бриджит, и ее книксен были чопорными и сдержанными. Однако пожилой джентльмен, похоже, этого не заметил или просто не обратил внимания на такую мелочь.

– А где моя юная подопечная? – спросил он удивительно громким и низким голосом.

Токая ногами, он пошел вверх по лестнице, туда, где притаилась Пташка. Она вздрогнула от испуга, хотя и не могла вспомнить, где и когда научилась бояться громких мужских голосов.

– Я сейчас вас к ней отведу, сэр, – сказала Бриджит и пригласила обоих джентльменов пройти в гостиную.

Молодой человек, которого Пташке еще предстояло как следует разглядеть, похоже, только что вышел из подросткового возраста и был, наверное, даже моложе, чем Элис. Проходя мимо подножия лестницы, он взглянул вверх, посмотрел прямо на Пташку, словно знал, что она должна там находиться, и, когда их глаза встретились, моргнул, но ничем другим не выказал удивления. Пташка затаила дыхание, но юноша не остановился и не выдал ее, а прошел вслед за своим старшим спутником и исчез из вида. Она осталась сидеть на лестнице, вспоминая этого высокого юношу со стройной фигурой, угловатого и все равно элегантного, с живыми карими глазами на длинном, лисьем лице с выступающими скулами и копной темных волос. Ей показалось, что, когда молодой джентльмен оглянулся, на его лице мелькнула едва заметная улыбка.

Дверь гостиной раскрылась, и Пташка услышала, как Элис сказала:

– Лорд Фокс! До чего я рада вас видеть! Как любезно с вашей стороны, что вы решили меня навестить. И с вашей тоже, мистер Аллейн... – Она замолчала, видимо, оттого, что не сумела скрыть симпатию, прозвучавшую в ее голосе. – Как поживаете? Прошу, проходите и садитесь. Бриджит, не принесешь ли нам чаю? А может, после изнурительной поездки в такую погоду вы предпочтете горячий пунш?

– Это бы подошло больше всего, мисс Беквит, – проговорил молодой человек, Джонатан.

Затем дверь в гостиную закрылась, Бриджит вернулась на кухню, и Пташка больше ничего не слышала. Она закрыла глаза и стала ждать своей участи. *Беквит*. Так Пташка в первый раз услышала фамилию Элис, звук которой сразу наполнил ее сердце волнением и ревностью. Два дня назад, когда Бриджит и Элис посчитали ее заснувшей, ей удалось кое-что подслушать. Бриджит высказала предположение, что этот человек, а вернее, эти люди могут ее забрать и отдать в рабочий дом²⁴, и хотя Элис объявила, что не позволит им этого сделать, дрожь в ее голосе подсказала, что они на это способны и что Элис не сможет им помешать. «Нет, нет, нет», – взмолилась про себя Пташка.

Казалось, ожидание наверху лестницы продлится вечность. Живот у нее сводило от холодного, липкого страха. От долгого сидения на корточках затекли ноги. Наконец пришла Бриджит, протянула ей руку и, не говоря ни слова, повела вниз по ступеням. Пташка вся трепетала. У двери гостиной у нее появилось желание убежать. К ней частично вернулась память, и она вспомнила о крепко схвативших ее мужских руках, о боли и страхе, о том, как она кусалась и царапалась, чтобы освободиться. Пташка вспомнила, что нужно делать, если эти люди попытаются ее схватить. Когда она вошла, трое сидящих в гостиной обернулись и посмотрели на нее, но улыбнулась одна Элис.

– Пташка, – позвала Элис и поманила рукой. Пташка послушно подошла к ней, взяла за руку и крепко стиснула пальцы. – Это лорд Фокс, – продолжила девушка. – Он мой опекун и благодетель. А это его внук, Джонатан Аллейн. Что ты им скажешь?

– Здравствуйте, господа, – прошептала Пташка и присела, делая реверанс.

Джонатан Аллейн улыбнулся. Его лицо, которое только что было очень серьезным, словно озарил свет. Глаза у него были темные, но в них сверкали огоньки. Джонатан изучал ее со спокойной уверенностью, отчего Пташка заерзала, ей захотелось спрятаться за юбку Элис, но она не сделала этого, а встала лицом к сидящим господам, хоть это и потребовало от нее усилия воли.

– Пожалуйста, не забирайте меня отсюда, – добавила она.

Элис поспешила еще раз улыбнуться и сделала знак хранить молчание.

²⁴ Рабочие дома впервые появились в Англии в XVII в. Согласно законам, несостоятельные бедняки помещались в такие дома, где были обязаны трудиться. Внутренний распорядок мало чем отличался от тюремного. Мужчины, женщины и дети находились отдельно друг от друга.

Наступила пауза, а потом лорд Фокс внезапно хохотнул, что заставило Пташку вздрогнуть.

– Сколько тебе лет, девочка? – спросил он.

– Мы думаем, что мне около семи, сэр, – ответила Пташка, отчего пожилой мужчина хохотнул снова.

– Бедное безродное существо. Неудивительно, что тебе здесь понравилось и ты хочешь остаться. Ведь раньше ты жила на улице и тебя били. Вопрос заключается в том, имеешь ли ты *право* остаться? – Толстяк хмыкнул и наклонился вперед, сидя на самом краешке кресла. Пташку одновременно и привело в восторг, и напугало то, как при этом под рубашкой и под жилетом у него выпятился живот, свесившись ниже верхнего края брюк.

– Лорд Фокс, Пташка... – начала было Элис, но старик ее перебил:

– погоди, погоди, Элис. Ты свое уже сказала.

– Я учусь готовить и убираться, а еще читать и писать, – тоненьким голоском произнесла отчаявшаяся Пташка.

– Это так?

– Девочка явно не глупа, несмотря на ее низкое происхождение. Она достаточно смысленная, чтобы приобрести навыки, которые ей могут понадобиться... – начал Джонатан, но дед сделал ему знак помолчать.

Молодой человек бросил извиняющийся взгляд на Элис, которая посмотрела на него широко распахнутыми глазами. Настала еще одна пауза. Похоже, старик думал. При этом он не отрываясь глядел на Пташку. Она тоже смотрела на него, не мигая и не отводя глаз. Через какое-то время лорд Фокс хмыкнул:

– Она смелая, этого у нее не отнять. Но это не один из твоих осиротевших птенцов или кроликов с перебитой лапкой, Элис. Она ребенок и, когда вырастет, станет женщиной. А что тогда? Согласна ли ты взять за нее ответственность на все те годы, которые понадобятся, чтобы она повзрослела? Подумай, прежде чем отвечать.

– Да, сэр, – сразу выпалила Элис, кладя ладони на плечи Пташки.

Старик раздраженно мотнул головой:

– А ты, Бриджит? На тебя обычно можно положиться, потому что ты больше склонна думать головой, чем сердцем. Что скажешь ты?

Бриджит все еще стояла у двери со сцепленными на переднике руками. Все глаза устремились на нее, пока она неловко переминалась с ноги на ногу.

– Бриджит? – произнесла Элис тихим умоляющим голосом.

– Я думаю... Я думаю, девочка могла бы принести пользу. Если бы вы разрешили ей остаться. Она быстро учится и по большей части делает все так, как ей говорят...

– Что не облегчает мне проблему выбора. Но я уже понял, что ты собираешься посоветовать. – Лорд Фокс откинулся на спинку кресла и побарабанил пальцами по его резным подлокотникам. – Ну что ж, хорошо, – проговорил он и кивнул.

Элис затаила дыхание.

– Так можно ей остаться?

– Да, можно. Но...

Он не успел закончить, потому что Элис подбежала к нему и порывисто его обняла.

– О, спасибо! Благодарю, вы самый добрый и самый лучший из людей! Спасибо, сэр! – вскричала она, покрывая лицо опекуна поцелуями, пока тот не почувствовал, что у него есть один выход: рассмеяться и хлопнуть ее по плечам.

– Полно, полно. Нужно соблюдать приличия, Элис! Она может остаться, но станет в этом доме служанкой, а не сестрой. – Он предупреждающе поднял палец. – Рожденная дикаркой так дикаркой и останется, ей никогда нельзя полностью доверять. Она может помогать Бриджит, пока не будет готова отправиться в другой дом и найти там себе место. Ты

станешь получать немного больше денег, которые и составят ее жалованье. И ты никогда не будешь пытаться сделать из нее леди, потому что она никогда ею не станет. Я достаточно ясно выразился?

– Да, сэр, – ответила Элис.

Она опустила на пол рядом с опекуном и прижалась головой к его ногам, обвив их руками. Последовала пауза, в течение которой лорд Фокс смотрел на нее с выражением нежности и любви, которым не мог противиться. Щеки его зарделись, а когда Пташка взглянула на Бриджит, она увидела на лице у пожилой женщины упрямое и настороженное выражение. Та даже приподнялась на цыпочки, словно боролась с желанием подойти и оттащить Элис от старика.

За то время, которое потребовалось, чтобы обсудить дальнейшую судьбу Пташки, дождь прекратился.

– Не выйти ли нам прогуляться перед обедом? Мы смогли бы дойти до Батгемптона²⁵ или хотя бы до моста, – проговорила Элис, когда гости встали.

– К сожалению, мы сегодня не можем остаться, чтобы с вами пообедать. У нас есть другие дела. А кроме того, дорогая, если мы пойдем на прогулку, твоё платье и туфли окажутся безнадежно испорчены! Земля на аллее, ведущей отсюда к дороге, сейчас похожа на непропеченный пудинг, – сказал лорд Фокс.

Джонатан перевел взгляд с деда на Элис. На его лице отобразилось подобие отчаяния.

– Может, прокатимся? Почему бы нам не проехаться по дороге, идущей вдоль реки? Что вы на это скажете? – спросил он.

– О да! Прекрасно, – сразу же согласилась Элис. – Вы так редко сюда навещаетесь. Неужели этот ваш приезд окажется столь коротким?

– У нас попросту нет времени, детка, – возразил лорд Фокс. Элис и Джонатан были, по-видимому, опечалены этим заявлением. – Отправимся в путь, Джонатан, нам обязательно нужно вернуться в Бокс к обеду.

– Но, может, я все-таки покажу вам нашу новую свинью? Вы просто обязаны ее посмотреть. И я не стану портить туфли, я могу надеть деревянные башмаки Бриджит. Идемте, вы должны ее оценить. Это самое толстое существо из всех, которых вам доводилось видеть! – настаивала Элис.

– Пойти посмотреть свинью? С какой стати...

– А мне бы хотелось на нее взглянуть, – перебил деда Джонатан. Его глаза были устремлены на Элис, и они сияли. – Очень бы хотелось... То есть я хочу сказать, если она действительно такая толстая, как было сказано, – запнувшись, добавил он.

– Ну ладно, – согласился лорд Фокс. – Элис, пожалуйста, отведи моего внука к этой свинье. Надеюсь, эта дородная дама не задержит вас обоих надолго. А я останусь вас ждать здесь, в тепле, и лучше поем еще замечательного печенья, которое испекла Бриджит.

Старик покачал головой и снова уселся в кресло, сложив руки на животе.

Бриджит попыталась вручить Пташке тарелку с печеньем, чтобы та передала его лорду Фоксу, но девочка не обратила на это внимания. Она смотрела, как Джонатан подает Элис плащ и как Элис замирает, легонько положив руку ему на плечо, когда сует ноги в деревянные башмаки, хотя Пташке прежде доводилось десятки раз видеть, как она делает это, ни на кого не опираясь. Джонатан и Элис даже не поглядели на нее и не пригласили отправиться с ними в свинарник. Потом они покинули дом и пошли бок о бок, погруженные в разговор, – так близко друг к другу, что порой их рукава соприкасались. Казалось, вокруг них выросла некая невидимая стена, за которую ничто не могло проникнуть. Пташка вдруг почувствовала, как по ее сторону от этой преграды мир стал холоднее.

²⁵ Батгемптон – деревня в 3 км к востоку от Бата, на южном берегу реки Эйвон.

– Как парочка неразумных телят, – пробормотала Бриджит с кислым видом, когда дверь за ними закрылась. – Давай, беги вперед с этой тарелкой, детка. Не надо заставлять лорда Фокса ждать. Теперь он твой хозяин.

Пташка сделала, как ей было велено, а затем побежала на второй этаж и прильнула к окну, из которого открывался вид на свинарник, находившийся позади дома. Там стояли Джонатан и Элис, не обращая никакого внимания на свинью сэдлбекской породы²⁶, которая подошла к загородке узнать, не дадут ли ей что поесть. Они были поглощены друг другом. Пташка смотрела на них пристальным немигающим взглядом, пытаясь понять, станет она любить или ненавидеть этого Джонатана Аллейна за то, что он так заморозил Элис.

²⁶ *Сэдлбекская порода* (уэссекс сэдлбек) – порода свиней мясо-сального типа, масть черная с белым поясом в области лопаток и с белыми передними ногами.

1821

После спора с Ричардом из-за его отца Рейчел стала испытывать к мужу странное чувство настороженности. Она начала понимать, насколько далеко зашла вражда между Ричардом и этим стариком. Но если Дункан Уикс был виновен в смерти жены, то почему не понес наказания, положенного по закону? Рейчел представляла себе этого человека, вспоминала его неловкие попытки завязать с ней знакомство, его граничащую с отчаянием любезность и необъяснимую грусть в глазах. Могло ли выдвинутое против него обвинение оказаться правдой? Ей ужасно хотелось это узнать. А еще она думала о том, что хотя бы одно у них с мужем оказалось общим: утрата любимой матери. Рейчел хорошо знала, как долго может не отпускать подобная боль. Ей хотелось, чтобы Ричард понял: она понимает его муки и хочет с ним их разделить, чтобы ему стало легче. То, что он вместе с матерью лишился и отца, могло показаться слишком несправедливым, но имела ли она право навязывать примирение, если на старике действительно лежала вина?

Рейчел, казалось, почти понимала, отчего Ричард так на нее рассердился, когда она заговорила о Дункане Уиксе. Почти, но все-таки не вполне, поскольку не знала, насколько сильно муж на нее обиделся. «Отец сказал, что Ричард унаследовал нрав матери. Не окажется ли, что подобные вспышки гнева не проходят так быстро, как возникают?» Она едва узнала мужа, когда его глаза вспыхнули злобой, а лицо исказилось от гнева. Именно это заставило ее прикусить язык, хотя ей казалось, что следует спокойно, как полагается мужу и жене, обсудить поднятый ею вопрос. Ричард словно разгадал ее мысли, он выглядел подозрительным и настороженным, был напряжен, как будто готовился выбрать ее снова. И это тоже заставляло ее хранить молчание. Но когда во вторник Ричард пришел домой и, сияя от радости, сообщил, что их обоих пригласили в гости, воспоминания об их размолвке тут же развеялись. Рейчел почувствовала, как у нее перестало замирать сердце от мысли о недовольстве мужа. «У тебя впереди вся жизнь, чтобы понять его горе. Не надо торопить события».

В четверг, едва пообедав, они начали собираться.

– Поспеши, Рейчел! Нас ждут в четыре, и нам не следует опаздывать.

Ричард был взволнован и постарался завязать шейный платок особенно пышным узлом, а потом вооружился платяной щеткой и принялся энергичными движениями очищать рукава сюртука от опилок, стараясь, чтобы от них не осталось ни малейшего следа.

– Дорогой, сейчас всего лишь десять минут четвертого, а идти нам не больше двадцати минут...

– Ты что, хочешь, чтобы мы неслись галопом? Рейчел, туда нельзя явиться раскрасневшейся и запыхавшейся после быстрой ходьбы, да еще с прической, растрепанной, словно у какой-нибудь уличной девки!

– Уверю тебя, я вовсе не собираюсь нестись галопом, – возразила Рейчел холодно.

Почувствовав ее тон, Ричард прекратил приводить в порядок свой наряд и подошел к жене. Он положил руки ей на плечи и легонько их стиснул. Он выглядел возбужденным, но выражение его лица было мягким, почти мальчишеским. На нем играл румянец.

– Конечно нет. Я только хочу, чтоб ты лучше поняла... всю значимость этого знакомства. Миссис Аллейн очень важная персона, которая в Бате пользуется уважением в самых высших кругах общества. Для меня эта дама стала кем-то вроде патронессы. Она постоянный клиент с утонченным вкусом, начиная с первых дней моей винной торговли...

– Да, все это ты мне уже говорил, и я польщена приглашением, которое позволит с ней познакомиться.

– И я тоже польщен. На какое-то время она потеряла со мной связь... я имею в виду связь личную, потому что ее домоправительница продолжает покупать портвейн и прочие вина только у меня. Все дело в тебе, Рейчел. – Он тихонько встряхнул жену и улыбнулся. – Это благодаря тебе мы получили такое приглашение. Подумать только, нас позвали в гости в самый блестящий дом из всех, которые ты когда-либо видела... Я хочу сказать, – поправился он, по-видимому вспомнив о ее воспитании и о работе в Хартфорд-Холле, – из тех, которые ты видела в Бате. Очень надеюсь, что она отнесется к тебе одобрительно.

– Ко мне?

– Да, – сказал Ричард, вернулся к зеркалу и продолжил совершенствовать узел на галстуке.

– Надеюсь, и я ее одобрю, – пробормотала Рейчел, внезапно ощутив еще большую нервозность.

«А вдруг я ней не понравлюсь, что тогда?» – звучало у нее в голове. Но она постаралась прогнать эту назойливую мысль.

Несмотря на обеспокоенное состояние мужа, Рейчел, которая немного лучше его знала высшее общество и существующие в нем порядки, понимала, что их приглашение, вне всяких сомнений, является свидетельством того, что хозяйка дома по-прежнему желает оставаться патронессой Ричарда. Их, скорее всего, пригласили как вассалов, а не как дорогих гостей, но она все равно решила вести себя так, чтобы понравиться. «Он надеется, что я произведу на эту миссис Аллейн сильное впечатление. Что ж, я сделаю для этого все, что смогу». Рейчел надела свое желтовато-коричневое хлопчатобумажное платье, хотя оно и было слишком легким для осени, и завернулась в наброшенную на плечи шаль, украшенную кистями, – серую, с узором из веточек с цветущими на них розочками. Затем вынула из музыкальной шкатулки жемчужные сережки матери и вдела в уши, тщательно закрутив удерживающие их винтики.

– Так ты думаешь, она может меня не одобрить? – задала Рейчел вопрос, от которого не смогла удержаться, когда они наконец вышли из дома.

К ее досаде, Ричард, похоже, воспринял слова жены всерьез и принялся раздумывать над ответом. Заметив выражение лица Рейчел, он тем не менее улыбнулся:

– Пожалуйста, не беспокойся, моя дорогая. Дело в том, что... несмотря на высокое положение в обществе, эта леди в свое время столкнулась с большими неприятностями. И она может оказаться несколько... нерешительной в проявлении своего расположения к людям. Но я уверен, что миссис Аллейн отнесется к тебе душевно, моя дорогая миссис Уикс.

– А с какими неприятностями она столкнулась? – спросила Рейчел.

На лице Ричарда промелькнуло раздраженное выражение, но затем он глубоко вздохнул и сказал:

– Вокруг этого дела ходит множество слухов, поэтому будет лучше, если я тебе расскажу все как есть. Примерно десять или двенадцать лет назад... забыл, сколько именно... вдруг выяснилось, что ее сын, единственный ребенок, тайно обручился с весьма неподходящей девицей, хотя с детства был предназначен для другой...

– О, бедные дети... – проговорила Рейчел.

– Не такие уж и дети, к тому времени Джонатан Аллейн стал вполне взрослым мужчиной, и ему следовало хорошенько подумать, прежде чем навлекать на свою семью этот позор.

– Но что делало его избранницу настолько неподходящей? Разве его состояния не хватило бы на двоих, если она была бедна?

– Насколько я понимаю, проблема заключалась не столько в отсутствии приданого, сколько в воспитании и манерах. Но я точно не знаю, потому что никогда ее не видел. Мне лишь известны пересуды слуг. В общем, семья возражала против этого брака самым решительным образом.

– Так он все-таки взял ее в жены? Ну, эту неподходящую девушку?

– Вовсе нет. Красавица проявила свою истинную сущность раньше, чем до этого дошло, бросила его и удрала с другим человеком, тем самым показав, что она за штучка. Просто коровье дерьмо, украшенное примулами. Она выставила молодого человека полным дураком и разбила ему сердце.

– Какая безответственная девица! – вырвалось у Рейчел, немного смущенной теми словечками, которые Ричард употребил для героев своего повествования.

– Именно так. О ней ничего не слышали с тех пор, как она сбежала, и тут этой истории следовало бы закончиться.

– Но она не закончилась?

– Увы, нет. Ее предательство привело мистера Аллейна к своего рода... упадку сил. К чему-то наподобие сумасшествия, от которого он так и не оправился. Его необузданное поведение стало причиной того, что многие из старых знакомых миссис Аллейн перестали с ней общаться. Теперь он проводит почти все время в своих комнатах, и об этом, пожалуй, едва ли следует сожалеть. Но катастрофа уже произошла. Болезнь сына сильно удручает его мать.

– Ты хочешь сказать, что за все это время в состоянии мистера Аллейна не наступило никакого улучшения?

– Трудно сказать, – пожал плечами Ричард. – Его никто не видел уже много лет. Так что не знаю. Но вся эта история глубоко уязвила миссис Аллейн. Она стала теперь... ранимой, что ли. Ей трудно заставить себя доверять людям.

– Да уж, бедная леди, – отозвалась Рейчел.

Какое-то время они шли молча. Рейчел заботливо приподнимала юбки, перешагивая через лужи, наполненные не только чистой водой. «Бедный сын», – отозвался голос у нее в голове, тихий и грустный.

– Сердце этого молодого человека, наверное, было разбито вдребезги, если предательство девушки привело к таким необратимым последствиям, – проговорила она вслух.

– Возможно. Однако, мне думается, он с самого начала не был крепок умом. Пусть свою жизнь под откос! Тебе не кажется? – Рейчел обдумала слова мужа, но ничего не ответила. Минуту спустя Ричард добавил: – Смотри не проболтайся миссис Аллейн о том, что я тебе рассказал.

– Конечно. Можешь не беспокоиться, – заверила его Рейчел.

Они медленно шли по Лэнсдаун-роуд, поднимаясь по крутому склону холма, на котором находился дом, куда они направлялись, причем таким тихим шагом, который граничил с топтанием на месте, – так сильно Ричард боялся, что они придут в гости растрепанными. Когда молодожены добрались до самого верха, Рейчел посмотрела на красивое лицо мужа, удовлетворенно улыбнулась и крепче сжала его локоть, на который опиралась. Ричард ответил рассеянной улыбкой и разжал ее пальцы.

– Ты помнешь мне рукав, дорогая, – сказал он.

Первый дом Лэнсдаунского Полумесяца стоял в восточном конце этой изогнутой улицы. Он был четырехэтажным и смотрел на юго-восток. Прошедший утром дождь оставил на его каменных стенах темные подтеки, и казалось, будто его окна плачут. Перед самым зданием высилась железная ограда, выкрашенная прусской лазурью, фасад украшал эркер, такой же, как на его двойнике в другом конце симметричного полукружия. Изящный фонарный столб на углу освещал главный вход, который располагался в боковой стороне дома, в переулке, ведущем к задней части полумесяца. Дверь находилась в глубине портика с колоннами, и к ней поднимались каменные ступени. Слева крутая, узкая лестница вела вниз, за ограду, в лежащий ниже уровня мостовой дворик перед зданием, откуда был черный ход в помещения, отведенные для слуг. Перед Полумесяцем находился склон, такой крутой, что

даже деревья, растущие у его подножия, не закрывали от жителей домов великолепного вида, открывавшегося в южном направлении. Позади Полумесяца и над ним простирался еще более высокий участок земли, оставленной для общего пользования. Там находился выгон, на котором виднелись пасущиеся овцы. Здесь, на самом краю города, высоко над рекой, воздух казался более чистым и не таким сырým. Ветер тут слегка пах печным дымом, но также и свежестью, чистотой, в отличие от нижних кварталов города, укрытых плотной пеленой собственного зловония.

Пока Рейчел и ее муж стояли, восхищаясь великолепным местоположением дома, на улицу завернул двухколесный экипаж, запряженный двумя породистыми лошадьми серой масти, и Ричард поспешно зашагал вперед.

– Пойдем, дорогая. Не нужно, чтобы нас видели глазеющими на здешнее великолепие, словно парочка обыкновенных зевак. Мы же не из деревни, – добавил он и начал привычно спускаться по узкой лесенке, которой привык пользоваться как продавец вин. Рейчел потянула его за локоть и остановила. С долей сочувствия она поняла, что он ощущает себя не в своей тарелке здесь, в большом и богатом доме, как и она сначала на Эббигейт-стрит.

– Мистер Уикс, если мы приглашены сюда как гости, то, разумеется, должны войти через главный вход. Разве не так? – спросила она спокойно.

Ричард моргнул, и его щеки слегка порозовели.

– Да, конечно, – пробормотал Ричард застенчиво.

Когда они поднялись по ступенькам крыльца и как можно тщательнее очистили о скобу обувь от грязи, он откашлялся, одернул жилет и позвонил в колокольчик.

Дверь открыл ливрейный лакей, высокий и словно высеченный из камня, который, наморщив нос, все-таки позволил им войти – несмотря на плохо скрываемое чувство презрения, которое они, по всей видимости, внушали. От вестибюля поднималась широкая каменная лестница, пролеты которой вели до самого верхнего этажа. Ее покрывал богатый кроваво-красный ковер, а не скрытые им края ступенек были надраены до невероятного блеска. Воздух благоухал пчелиным воском, лепестками цветов и апельсинами, входящими в ароматическую смесь, которой была наполнена чаша, стоявшая сбоку на маленьком столике. Высокий потолок над их головами, украшенный замысловатой лепниной, освещала люстра, сверкающая хрусталем. Стены покрывали бумажные обои, разрисованные длиннохвостыми птицами и восточными цветочными узорами – золотыми, зеленовато-голубыми и малиновыми. Два огромных зеркала висели друг против друга в разных концах зала, отражая длинный ряд стоявших плечом к плечу мистеров и миссис Уикс, уходящий вдаль, в бесконечность. «Теперь нас тут целая армия, явившихся завоевывать миссис Аллейн», – сказала про себя Рейчел и слегка улыбнулась.

Дворецкий провел их к огромным дверям с левой стороны зала. Каблучки Рейчел тихо постукивали по каменному полу, и у нее появилось чувство, что на нее смотрят. В затылке у нее стало покалывать, и она обернулась через плечо, но никого позади себя не увидела. И все-таки в этом доме ощущалось что-то необычное, что-то тревожное. Возможно, здесь слишком тихо, решила она. Действительно, не было слышно ни музыки, ни голосов. Никаких шагов на лестнице или в коридорах для слуг за стенными панелями. Никаких приглушенных звуков стряпни, доносящихся из расположенной на нижнем этаже кухни. Никакого потрескивания поленьев, горящих в каминах. Даже уличные звуки стихли, когда дверь за ними закрылась. Рейчел глубоко вздохнула и с трудом поборолла внезапное необъяснимое желание убежать из этого места. Казалось, время остановилось, а дом заснул – или, что более вероятно, затаился. В груди у нее жгло, и она чувствовала, что с ней происходят странные вещи. Лицо Ричарда застыло от нервного напряжения. Его пальцы дергались, глаза беспокойно бегали.

– Мистер и миссис Уикс, мадам, – возвестил дворецкий, кланяясь хозяйке, пока Ричард и Рейчел проходили мимо него.

– Спасибо, Фалмут.

Произнесшая эти слова леди была одета в старомодное платье из зеленой шелковой парчи, с рюшами, чрезмерно украшенное бантами и лентами. Она стояла в дальнем конце комнаты, у окна, кормя семечками канарейку через тонкие прутья позолоченной клетки. Если она простояла на этом месте уже минуты две или больше, то, скорее всего, заметила, как Ричард начал спускаться по лестнице для слуг. Рейчел это поняла сразу, но понадеялась, что такая мысль не пришла в голову ее мужу. Комната была переполнена мебелью и драпировками, стены казались темными от огромных картин, которыми они были увешаны, и лишь золотые рамы тускло поблескивали. Канарейка пискнула, и ее голос, прорезавший неподвижный воздух, показался неожиданно громким. Поскольку хозяйка дома стояла спиной к свету, различить ее черты не представлялось возможным.

– Как поживаете, мистер Уикс? Я не видела вас уже несколько месяцев, – проговорила она, счищая с пальцев шелуху, оставшуюся от зерен.

– Миссис Аллейн, – произнес Ричард и поклонился, причем так низко, что Рейчел посмотрела на него с удивлением. Он закрыл глаза и, казалось, старался вернуть себе самообладание. «Чего мой муж боится?» – Прошу позволить мне представить вам мою жену, миссис Рейчел Уикс, – закончил он, когда наконец выпрямился.

Миссис Аллейн подошла на несколько шагов ближе, милостиво улыбаясь. Рейчел сразу заметила волшебную красоту хозяйки и уже готовилась сделать книксен, когда леди остановилась и ее улыбка померкла.

– Боже милостивый! – пробормотала она едва слышно, поднося руку ко рту. Ее глаза расширились.

– Мадам, вы плохо себя чувствуете? – спросил Ричард, делая шаг вперед, чтобы предложить руку, на которую леди могла бы опереться.

– Я чувствую себя хорошо.

Хозяйка молча смотрела на Рейчел еще некоторое время, пока та в растерянности не сделала запоздалый книксен и не сказала:

– Для меня честь познакомиться с вами, миссис Аллейн.

«Не шокировала ли я ее чем-нибудь? Может, она думает, что знает меня?»

– Ну, хорошо, – произнесла миссис Аллейн. – И я рада, миссис Уикс. Прошу принять мои поздравления по случаю недавней свадьбы.

– Вы очень добры, миссис Аллейн.

– Проходите и садитесь, – пригласила их хозяйка, которая с каждой секундой все больше приходила в себя, так что в конце концов Рейчел отбросила внезапную мысль, что леди неожиданно замолчала из-за каких-то особенностей ее внешности. Разговор вежливо перетек с перемены в погоде на торговлю Ричарда и на обсуждение того, кто приехал в Бат в нынешний сезон. Миссис Аллейн сообщила Ричарду все имена и адреса, которые могла вспомнить, снабдив его, таким образом, списком потенциальных клиентов.

– Я упомяну о вас, когда стану писать им письма, – пообещала она.

– Буду очень благодарен, как и всегда, миссис Аллейн. Недавно по моему заказу в Бристоль прибыл груз прекрасного бордоского вина, самого лучшего из всех, которые мне когда-либо доводилось пробовать.

– Ах как чудесно! Джонатан, наверно, будет недоволен, но я не могу переменить своих вкусов. Для меня это самое изысканное вино из всех, и его нужно запasti побольше.

– Джонатану следует помнить о том, что он ваш сын, разве не так, миссис Аллейн? Неужели он совсем равнодушен к бордоскому вину? – спросила Рейчел.

Наступила крошечная пауза, и Ричард послал взгляд, полный немой мольбы, который говорил о том, что она допустила какую-то ошибку.

– Мой сын сражался с французами в Испании и Португалии, миссис Уикс. И хотя он готов согласиться, что война окончена, он не может примириться со старым врагом. Он бы предпочел, чтобы я покупала испанские или немецкие вина.

– И наш король, по-видимому, согласился бы с ним, – вступил в разговор Ричард. – Поскольку таможенные пошлины на французские вина сильно ограничивают их импорт.

– Не знаю, чего можно добиться, лелея в себе такую ненависть, – продолжила миссис Аллейн со вздохом. – Но я хорошо понимаю, что осталась в меньшинстве. Недавно один знакомый в присланном мне письме жестоко раскритиковал мою нетактичность, но я все-таки не могу взять в толк, почему мы должны пить отвратительное пойло, привезенное из Испании, и позволить французам оставлять бордоское исключительно для себя! На мой взгляд, это поразительно неудачный способ их наказать.

– Вы совершенно правы, миссис Аллейн, – с готовностью согласился Ричард. – Это огорчает и меня тоже.

– Но зато цены на французские вина держатся высокими, – заметила леди, лукаво улыбаясь. Ричард смущенно заерзал на кресле. – О, мне известны тайны вашей торговли, так что не нужно излишней стыдливости. Я уверена, вы не заломите неоправданной цены. Во всяком случае, мне, хотя я и вынуждена покупать ваш товар в небольших количествах, а потом прятать его от Джонатана.

Она снова улыбнулась, но уже более холодно.

– Простите, но я не поняла, живет ли ваш сын с вами, миссис Аллейн? – спросила Рейчел. Снова повисла пауза, и опять последовал многозначительный взгляд Ричарда. – Должно быть, вам очень приятно, что... он всегда рядом с вами, – запнувшись, закончила она.

– Конечно, – кратко ответила миссис Аллейн. – Я уехала из нашего дома в Боксе после того, как умер мой отец. Здание было слишком велико для одинокой женщины, и я подумала, что в городе у меня будет больше возможностей развеяться и найти себе общество. Когда мой сын восстановил здоровье после войны, он присоединился ко мне.

Все это было произнесено таким холодным тоном, что Рейчел не нашлась что ответить. Миссис Аллейн молча и не мигая продолжала смотреть на гостью. Когда Рейчел попыталась подыскать какую-нибудь легкую и безобидную тему для дальнейшего разговора, она поняла, что у нее в голове нет на этот счет никаких идей.

Наконец миссис Аллейн перевела взгляд на Ричарда и продолжила с ним разговор с того места, на котором ее прервала Рейчел. Та вздохнула с облегчением и решила больше не раскрывать рта, хотя Ричард много раз оборачивался в ее сторону, улыбался и явно ждал, что она вставит хотя бы словечко. Но Рейчел держала язык за зубами, вежливо улыбалась и старалась не обращать внимания на то, как миссис Аллейн время от времени продолжала поглядывать на нее, почти нехотя, словно ничего не могла с собой поделать. Рейчел видела в ее глазах необъяснимое любопытство, та явно что-то обдумывала, и это лишь усилило сложившееся у Рейчел с самого начала впечатление, будто в этом доме любят наблюдать за гостями. Поэтому она была рада, когда по прошествии примерно сорока минут миссис Аллейн их отпустила, продемонстрировав при этом самые лучшие манеры. Когда они вновь пересекали вестибюль, взгляд Рейчел неожиданно привлекло какое-то движение, словно вспышка света. Через узкую дверь, спрятанную в стенных панелях, там, где начиналась черная лестница, ведущая в подвальный этаж, она увидела наблюдавшую за ними служанку – рыжеволосую девушку с миндалевидными глазами и пристальным взглядом. К своему удивлению, Рейчел узнала в ней подавальщицу, которая им прислуживала, хотя и совсем недолго, во время свадебного ужина. Девушку, которая тогда тоже замерла и странно на нее посмотрела, точно так же, как миссис Аллейн.

– Я же просил не спрашивать у нее о сыне, неужели трудно было от этого удержаться? – проворчал Ричард, когда они шли домой по Лэнсдаун-роуд.

– Нет, не просил, – возразила Рейчел. – Ты лишь сказал, чтобы я не упоминала о той злополучной истории с девушкой, на которой он хотел жениться... Мне подумалось, что миссис Аллейн с удовольствием о нем поговорит, поскольку, как я поняла, ей такая возможность редко представляется.

– Она воспринимает очень болезненно все, что касается сына. Пожалуй, даже слишком болезненно, чтобы разговаривать о нем с малознакомой гостьей.

– Откуда я могла об этом знать, если ты меня не предупредил? – смущенно сказала Рейчел.

У нее было тяжелое чувство, причину которого она не могла объяснить. «Эта леди думала, что ей знакомо мое лицо». Поняв это, Рейчел испытала странное волнение, словно должно было произойти что-то непредвиденное.

– Мистер Уикс, я только что видела подавальщицу из «Головы мавра», она теперь работает у миссис Аллейн служанкой.

– Сейди? Уверен, это была не она.

– Нет, другая. Та, которая принесла один раз вина и пролила его мне на руку. Ты должен ее знать, такая рыжеволосая девушка. Вспомнил?

– Нет. В таверне работает одна только Сейди, и к чему бы ей оказаться в доме у Аллейнов в Лэнсдаунском Полумесяце?

– Я не сказала, что это Сейди, я сказала, что видела другую девушку... И я в том уверена, – продолжала настаивать Рейчел.

– Наверняка ты ошиблась. Я никого не видел. Однако ты справилась со своей ролью хорошо, дорогая. Не сомневаюсь, миссис Аллейн тебя одобрила.

– А я в этом как раз не уверена. Она очень странно на меня смотрела, и ты, наверное, не мог не заметить, когда меня ей представлял, какой у нее был удивленный вид. Тебе не кажется, что ей почудилось, будто она прежде где-то со мной встречалась?

– Как она могла с тобой встречаться, моя дорогая? Я же тебе говорил, что с ней не всегда просто иметь дело. Уверен, она разглядывала тебя из обыкновенного любопытства, как смотрят на любого человека, с которым только что познакомились...

– Я была поражена, когда поняла, что ее сын все это время находился где-то над нами, скрытый от посторонних глаз.

– О да, прости меня. Я думал, ты догадаешься. Его болезнь заключается не только в помрачении рассудка. На войне он был ранен. Одна нога почти не действует, и он страдает от сильнейших головных болей. Так мне сказали. Боли длятся по нескольку дней и лишают его рассудка.

– Бедняга, – пробормотала Рейчел.

– Как я уже говорил, мне довелось видеть его лишь раз или два за все годы, которые прошли с того времени, как с ним случилось несчастье. Он странный и трудный в общении человек, с которым невозможно поддерживать отношения.

– Такие страдания могут любого из нас сделать странным и трудным в общении.

– У тебя доброе сердце, моя дорогая, – проговорил Ричард, пожимая руку жены, которой та держалась за его локоть.

За то небольшое расстояние, которое они прошли от дома Аллейнов, он, казалось, успел расслабиться, и нервическое состояние уступило место бодрому, жизнерадостному, почти ликующему настроению.

– Ах, какая она любезная леди, согласись, – проговорил он, улыбаясь. – И такая красавица... хотя, конечно, не столь привлекательная, как ты.

Рейчел улыбнулась комплименту, но ее все-таки не отпускала мысль о странном взгляде миссис Аллейн и о взглядах, которые та на нее бросала. А кроме того, ее заинтриговала рыжеволосая подавальщица, которую она заметила у черной лестницы. И хотя ей было

трудно понять, что все это значит и представляет ли важность, однако странное чувство, будто ее пригласили, чтобы рассмотреть, и что многое в их разговоре с миссис Аллейн осталось недосказанным, лишь возросло.

С холма, на котором одиноко расположился Лэнсдаунский Полумесяц, город казался клубком спутанных грязных улочек. Когда они спустились по Лэнсдаун-роуд и вошли в него, даже небо стало менее светлым, а воздух казался густым от царившей кругом вони. Рейчел старательно обходила кучки конского навоза и маслянистые лужи, но так и не смогла уберечь туфли от грязи. «Деревянные башмаки, – сделала она мысленную зарубку на память. – Обязательно нужно завести пару деревянных башмаков». Рядом с аббатством Ричард ее оставил и пошел встретиться с каким-то человеком, с которым его связывали деловые отношения, а Рейчел отправилась дальше, к их дому с лавкой на первом этаже. Ей уже начинали нравиться шум и суэта этих извилистых мощеных улочек, которые местами становились такими узкими, что прохожие, идущие навстречу друг другу, не могли разойтись, не соприкоснувшись плечами. То, что раньше казалось для нее просто толпой, теперь все более походило на сообщество людей, живущих по соседству.

После бегства с Милсом-стрит Рейчел принялась исследовать менее именитые улицы неподалеку, где тыльные, непарадные фасады зданий теснились один над другим, избегая вверх по крутым склонам городских холмов и снова спускаясь вниз. Повсюду виднелись сточные каналы, глухие торцевые стены и сложенные из булыжников неровные ограды, на которых были выставлены кухонные горшки, похожие на щербатые ряды зубов. Все это казалось пародией на строгие и ласкающие взгляд очертания домов, выходивших на главную улицу города. Рейчел бродила по закоулкам Бата, изучая его потайные места и проходы. Здесь она была незаметной, не привлекала ничьих взглядов. Она подмечала вырубленные в скале замшелые ступени лестницы, которая, словно раздвинув выстроившиеся в одну шеренгу дома, неожиданно ныряла куда-то вниз. Разглядывала устроенную под арками виадука лавку мясника, у которой кухарки и экономки стояли в очереди за лучшей вырезкой в Бате. В этих кварталах не было ни кондитерских, в которых продавались бы сливочные помадки и засахаренные фрукты, ни лавок перчаточников с их изделиями из шелка и лайки. Здесь жили бондари, продающие ушаты и бочки, и трудились сапожники, приколачивающие новые подошвы к мужским рабочим башмакам. Тут размещались лавки старьевщиков и мелких торговцев галантереей, а также общественные пекарни для тех, кто был слишком беден, чтобы иметь собственную печь. Рейчел начала понимать, что теперь она знакома с Батом лучше, чем когда-либо прежде.

Купив бумажный кулек с жареными каштанами у мальчишки-разносчика, она пару раз оглянулась, желая убедиться, что Ричарда нет поблизости, и повернула на улицу, ведущую к дому, где жил Дункан Уикс. Она до последнего момента не была уверена в том, что решится посетить старика, но любопытство все-таки взяло верх. Прошло уже несколько дней со времени ее встречи со свекром у «Головы мавра», и теперь она убедилась, что Ричард никогда не даст согласия на посещение отца. «Как тот и предвидел. Он предупредил меня, что я не должна отпрашиваться у мужа, но скрыл, что между ними лежит кровь, и не сказал, кто ее пролил, – тревожно подумала она. – Как мог он отнести смерть жены к делам давно минувших дней?» Ричард рассказал об отце такие ужасающие вещи, что Рейчел было нелегко связать нарисованный им портрет с образом грустного старика, которого она знала и который так тепло отозвался о ее доброте и утонченности. «Где-то глубоко, под обидой и злобой, обязательно должна скрываться любовь. Разве не она всегда связывает родителей и их детей?» Она подумала о миссис Аллейн, чья жизнь так сильно омрачена несчастьями и страданиями сына. «Но она не отказалась от него, и я тоже не должна вот так, запросто, отказаться от

Дункана Уикса. Нет, этого я не сделаю. Во всяком случае, пока не выслушаю его версию минувших событий».

Рейчел не покидало беспокойное чувство, что она может пожалеть о своем решении, но ей требовалось узнать правду, потому что, если вещи, о которых рассказал Ричард, соответствовали действительности, это означало, что всякая любовь, некогда существовавшая между ним и отцом, действительно умерла и примирение, о котором мечтала Рейчел, невозможно. А еще ее терзала мысль, что она слишком побаивается мужа, чтобы напрямую спросить, отчего именно умерла его мать. «Держи свое любопытство в тайне», – нашептывал тихий голос. И все-таки она никак не могла прогнать из памяти грусть, которую видела в глазах Дункана. А кроме того, старик хвалил Ричарда с нескрываемой гордостью. «Он любит сына, это совершенно ясно. И это чувство, пожалуй, главное из того немногого, что у него осталось». Обычно отец мужа становится отцом и для жены, и Дункан таким образом был для Рейчел единственным, кого та могла назвать этим словом, однако по дороге к нему она решила, что без колебаний порвет всякую связь со свекром, если обвинения Ричарда окажутся правдой.

Дом, к которому она подошла, был высоким и узким. Его словно не слишком удачно воткнули посреди складов и мастерских, теснившихся у берега реки в юго-западном предместье Бата с его смрадом и нечистотами. Стены были закоптелыми, стекла окон покрывал толстый слой грязи. Вдоль верхних этажей были натянуты бельевые веревки, и на них сушилась потрепанная одежда. На верхней ступеньке крыльца сидела девочка не старше трех лет от роду, одетая в холщовый передник и изорванную шапочку. От нее исходил странный нездоровый запах, словно от несвежей рыбы или скисшего молока. Рейчел, улыбнувшись, нагнулась к ней.

– Здравствуй, малышка. Ты здесь живешь? Как твое имя? – проговорила она.

Влажные дорожки соплей, обходя рот, шли у бедняжки от каждой ноздри до самого подбородка. Она посмотрела на Рейчел внимательным взглядом широко открытых глаз и ничего не ответила. Рейчел вынула носовой платок и попыталась вытереть лицо девочки, но та застенчиво увернулась, встала на ноги и побежала вниз по ступенькам. Как раз в этот момент дверь отворилась, и из дома вышла краснолицая женщина с корзиной, которую держала у бедра. Она лишь подозрительно покосилась на Рейчел, когда та прошмыгнула в открытую дверь.

Внутри оказалось промозгло и сыро. В полутемном коридоре с некрашеными половицами раздавались проникающие сквозь тонкие перегородки звуки шагов, голоса и детский плач. Пахло свечным салом и нашатырем. Жилье Дункана Уикса находилось внизу, поэтому Рейчел направилась в самый дальний конец коридора и спустилась по лесенке в густую тьму. И хотя помещение цокольного этажа было очень маленьким, его разделили на две комнатки, и Рейчел повернула к той из них, что находилась справа, как ей было сказано. Когда она подняла руку, чтобы постучаться, та легонько дрожала. Рейчел подумала о комнатах на Эббигейт-стрит и о том, какими убогими они ей сперва показались. Теперь же нищета дома, где жил ее свекор, заставила ее сердце болезненно сжаться от стыда и отвращения, и ей пришлось немало потрудиться, чтобы выдать улыбку, когда раздался звук отодвигающегося засова. Когда Дункан Уикс выглянул в коридор, он выглядел почти напуганным. Его налитые кровью глаза слезились. Парик был снят, и Рейчел увидела на голове старика редкие седые пряди его собственных волос. Без парика тот казался маленьким и каким-то голым. Он улыбнулся и приветствовал ее небольшим поклоном, распространяя при этом вокруг себя тревожную атмосферу стыда.

– Дорогая миссис Уикс, как мило с вашей стороны зайти ко мне, вы так добры... Не думал, что придете. Боюсь, условия, в которых я живу, должны вызывать у вас отвращение...

– Ерунда, мистер Уикс, – пробормотала Рейчел, но ее слова прозвучали не слишком убедительно. Она улыбнулась, стремясь обмануть саму себя, и, входя внутрь, протянула хозяину кулек с каштанами. – Вот, возьмите, они еще теплые.

– Спасибо. Вы так добры. Давайте-ка, проходите и садитесь вот здесь у огня.

Дункан Уикс неуклюже засуетился, убирая рюмку и полупустую бутылку вина с каминной полки, а разрозненные газетные страницы с единственного кресла, стоявшего перед очагом. «Одна комната, да и та тесная и темная». У дальней стены находилась узкая кровать с засунутым под нее дорожным чемоданом. Под окном, расположенным у самого потолка и пропускавшим мало света, стояли простой стол и стул с гнутой спинкой. Рядом с дверью стоял комод. Очаг был самый примитивный – просто небольшая решетка, на которой горели дрова, и закопченная подставка для чайника, ничего больше. От огня разливалось небольшое пятно света и тепла. Дункан Уикс перенес к нему стул и сел напротив Рейчел, смущенно положив руки на колени.

– Ну, как поживаете, моя дорогая? Как мой сын? – с жаром спросил он.

От него пахло вином, и Рейчел заметила, что хозяин не в силах оторвать взгляд от початой бутылки, которую убрал с каминной полки минуту назад. Поняв, о чем она думает, старик виновато отвел глаза, и на его лице появилось такое выражение, словно он хотел извиниться. «Мой свекор стыдится. И самого себя, и своей бедности. И очень хочет со мной сблизиться». Рейчел вновь ощутила решимость, даже если она и поступила неправильно, послушавшись мужа, то все-таки совершила добрый поступок, придя в этот бедный дом и сделав тем самым первый шаг.

– Благодарю вас, сэр. Я живу хорошо, и у моего мужа тоже все благополучно. Я... все-таки говорила с ним о вас, но...

– Он не захотел и слушать? – грустно спросил старик.

– Да. Его боль... боль, связанная с разладом между вами, все еще сильна, и тому есть причина. Возможно, со временем...

– Прошло уже много времени, моя дорогая, и это ничуть не уменьшило его обиды. Он, верно, был резок с вами, когда вы заговорили обо мне? – Слезающиеся глаза Дункана Уикса остановились на ней, и в них светилось сочувствие.

– Я... немного... да, сэр. Но я уверена, он не хотел...

– Бедная девочка... слишком добрая и хорошая, чтобы получать нагоняй из-за такого, как я. Во мне теперь ничто не напоминает человека, каким я когда-то был. Я стал совершенной развалиной. Неудивительно, что мой мальчик не хочет иметь со мной никакого дела.

Сердце у Рейчел сжалось, и она сделала вдох, прежде чем продолжить беседу, а когда смогла наконец заговорить, то почувствовала, что у нее во рту пересохло.

– Простите, сэр, но я должна услышать это от вас. Муж... сказал мне, что вы убили его мать. Он говорил правду? – спросила она дрожащим голосом.

После ее слов наступила оглушительная тишина, которая длилась долго. Дункан Уикс изумленно смотрел на нее широко раскрытыми пустыми глазами. Рейчел вдруг поняла, что до сих пор понятия не имела, как он должен отреагировать на ее страшный вопрос. «Дура! Прийти сюда, остаться с ним наедине и бросить такое обвинение!» Рейчел вскочила на ноги и двинулась к двери.

– Подождите! Не нужно уходить, умоляю! – крикнул ей Дункан.

Рейчел помедлила и оглянулась. Глаза старика больше не казались пустыми, и в них не было угрозы. Дункан страдальчески съезжился, будто она его пнула.

– Простите, что не сразу ответил, но... вопрос слишком меня потряс. Да, знаете, он стал для меня настоящим ударом, – проговорил старик.

– Так это... неправда? – прошептала Рейчел.

– Я... я не могу утверждать, что это совершенная неправда. Увы, я не могу этого сказать, – пробормотал он и вытер глаза трясущейся рукой. – Но клянусь, что никогда не имел намерения причинить вред моей Сюзанне, и вы должны мне поверить. Я любил ее больше всего на свете и даже в гневе ни разу не тронул ее пальцем... Хотя она часто устраивала мне головомойку, коря за мои недостатки. – При этих словах безжизненная улыбка тронула его губы. – Я искренне любил жену и не хотел ей зла.

Рейчел еще секунду оставалась там, где стояла, а затем сдалась и сделала шаг по направлению к креслу. Скорбь Дункана Уикса была такой явственной, что казалось, будто ее можно потрогать.

– Вы... вы *клянетесь* мне в этом, сэр?

– Клянусь собственной душой, миссис Уикс.

Рейчел неуверенно присела на кресло. Ей пришло в голову, что она способна с легкостью ему поверить: ее интуиция подсказывала, что этот человек не склонен к насилию.

– Не можете ли вы... не можете ли вы сказать, что с ней случилось? – спросила она.

Старик покачал головой. Слеза скатилась по его щеке и с легким шипением упала на каминную решетку.

– Если вам это нужно, я расскажу. Но заклинаю, не подгоняйте меня. Стыд за случившееся постоянно меня преследует. Он как незатягивающаяся рана, и говорить о той давней беде для меня все равно что бередить ее. Это невыносимо, дорогая моя девочка. Это невыносимо.

– Ну так не говорите, сэр, – решительно сказала Рейчел. – Важно лишь то, что ее смерть была... случайной. И что вы раскаиваетесь.

– Более раскаявшегося человека вы не найдете во всей вселенной, – очень тихо произнес Дункан.

Рейчел на мгновение задумалась.

– А... потом вы растили Ричарда сами? Ну, с восьмилетнего возраста? И... разрыв между вами был все это время?

– Нет, не всё. Я... понимаете, я скрывал свой грех, лгал ему. Я не говорил неправду, просто кое о чем умалчивал, но это то же самое, что и ложь. Он уже стал взрослым молодым человеком к тому времени, когда ему в подробностях стало известно о ее участии, не знаю, от кого именно. И его обида на меня лишь усилилась, когда он понял, что я утаил от него правду.

– Вы ведь тогда, кажется, были конюхом?

– Именно так, миссис Уикс. И кучером тоже. Я всю жизнь посвятил этим занятиям. У меня, знаете ли, дар насчет лошадей. Их же ведь только и нужно, что немного приласкать и ободрить. После того как я потерял Сюзанну, я... пил все больше и больше, чтобы утопить в вине горе. Так что я сам виноват в собственном падении и не заслуживаю жалости.

– А разве наша вера не учит нас прощать грешника, если тот покается в содеянном? Я считаю, это следует сделать и в том случае, когда нужно... простить самого себя.

– Как может человек простить себя за такой ужасный проступок? Как я могу простить себя за то, что разрушил жизнь моего мальчика? Теперь, на склоне лет, у меня есть много времени, чтобы думать об этом, и мысли, которые ко мне приходят, все горькие. Я сожалею о своих неправильных решениях и неудачах, которые терпел во всем, за что ни брался.

– Вы слишком строги к себе, мистер Уикс. Вы кажетесь мне... добрым человеком. Уверена, вы всегда старались поступать правильно. А потерпеть неудачу может каждый. Бог не требует от нас большего, чем стремление осознать свои ошибки, оплакать их, а затем исправиться...

Рейчел подумала о собственном отце, о стыде, который, как червь, подтачивал его, пока не свел беднягу в могилу. Она взяла заскорузлую ладонь Дункана в свою. Рука старика была

темной от какой-то неизвестной грязи, которая глубоко въелась в складки кожи и залегла под ногтями.

– Такие мысли погубят вас, сэр, – сказала она мягко. – Разве в жизни нет места для радости? Вы должны позволить себе немного счастья, иначе вы пропадете. Я прожила в печали многие годы с тех пор, как потеряла родителей. А теперь у меня есть Ричард, вместе с ним я начала новую жизнь и чувствую, что настало время для новой мечты.

– Да, счастье должно быть у тех, кто его заслуживает, – согласился мистер Уикс. – Оно для людей чистых сердцем и добродетельных, как вы. А что касается такого старого дурня, как я, то мне счастья уже не видать. – Дункан закашлялся, и его взгляд вновь предательски скользнул по бутылке раньше, чем он спохватился и отвел от нее глаза. – Но то, что вы пришли меня навестить и задержались, чтобы выслушать... для меня это большое счастье.

– Боюсь, сегодня я не принесла вам радости, – сказала Рейчел. – И теперь мне лучше уйти. Время близится к вечеру, а я должна прийти домой раньше мужа.

Она встала и принялась разглаживать руками юбку.

– Но вы еще навестите меня, дорогая? – произнес Дункан Уикс, и на его лице отобразилось столько надежды, что у Рейчел защемило сердце.

– Я... не уверена, сэр. Мне пришлось бы скрывать от мужа каждый визит к вам, и это... сильно меня беспокоит. Ложь – ужасная вещь.

– Но в вашей власти сделать то, о чем я мечтал многие годы, моя дорогая. – Он встал и сжал ее руку в своих ладонях, выдавливая из себя робкую улыбку. – Вы сможете устроить так, что мой мальчик снова станет по-доброму ко мне относиться. Или, по крайней мере, приходите рассказать, как у него идут дела.

– Я... – Рейчел покачала головой.

– Прошу! Прошу, дорогая девочка. Пожалуйста, придите еще раз. Вы сами не знаете, какую доставите мне радость.

Рейчел посмотрела в его полные отчаяния глаза, словно затаившиеся среди старческих морщин. «Неужели ты его вынудишь тебя умолять?»

– Возможно, еще худшим грехом было бы заставить одного из членов семьи томиться в неведении и... – Она вовремя оборвала себя, чуть не сказав «в нищете». – А также позволить, чтобы смерть вашей жены и неверные представления о случившемся продолжали омрачать ваши отношения, когда я могла бы все исправить...

– Благослови вас Бог, миссис Уикс. И спасибо.

Дункан отпустил ее руку и нетвердой походкой подошел к двери, чтобы проводить гостью.

– Может, мне следует в следующий раз что-нибудь принести? К примеру, немного еды? – спросила она.

Дункан покачал головой:

– Нет, мне будет достаточно и вас одной, моя милая, и весточки о моем мальчике. Но... надо быть *осторожной*, дорогая девочка. Надо быть осторожной, чтобы... чтобы не навлечь на себя неприятности из-за меня, – повторил он взволнованно.

Рейчел сперва попыталась отмахнуться от сделанного ей предостережения, но тяжелые воспоминания о недавней размолвке с Ричардом были еще слишком свежи, и потому, выходя из дома, где жил Дункан Уикс, она почувствовала, будто ее загнали в ловушку. Похоже, супруг начинал вызывать у нее чувство страха. «Нет, я не должна бояться мужа, который меня любит».

Солнце теперь садилось все раньше и раньше, и когда наступали сумерки, в окнах и над входными дверями зажигались лампы и фонари. Они заливали улицы желтым светом, то более, то менее ярким, и отражались в грязной воде сточных канав, делая их почти красивыми. Рейчел набрала полную грудь холодного воздуха, пытаясь изгнать из легких запахи,

царившие в комнате Дункана Уикса, и двинулась вперед быстрым шагом. Дойдя до улицы поприличней, она задержалась, чтобы купить пирог к ужину, а придя домой, затопила плиту, чтобы согреть главную комнату в доме. Затем, оглянувшись по сторонам, Рейчел поняла, что теперь воспринимает свое жилье совершенно иначе. Она взбила подушки, чтобы те стали пышнее, стряхнула с портьер пауков, отдраила чайник и заварила чай. Ей вдруг захотелось заняться делами, чтобы не оставалось времени вспоминать о Дункане Уиксе. Потому что, если бы Рейчел стала думать о его грустных глазах и о грязи, в которой живет этот старик, она снова начала бы с мужем столь болезненный для него разговор. Но как ни хотелось ей оставаться спокойной и храброй, мысль о еще одном столкновении с Ричардом наполнила ее ужасом. Рейчел так хорошо помнила о необходимости держать язык за зубами, что, когда муж наконец вернулся домой, оказалась очень немногословной. Она только улыбалась и стремилась во всем ему угодить. Ричард выглядел уставшим, от него пахло таверной, и, похоже, он совсем не возражал против ее молчания.

На следующий день в дом на Эббигейт-стрит доставили визитную карточку, и хотя Рейчел показалось, что ей следовало бы удивиться, она вдруг обнаружила, что не удивлена ни капли. К карточке прилагалось приглашение в дом номер один в Лэнсдаунском Полумесяце. Оно было адресовано ей лично. Рейчел провела пальцами по твердому краю карточки и задумалась о том, что это могло бы означать. Ее кухня-гостиная вдруг показалась такой же тихой и чужой, как и дом в Лэнсдаунском Полумесяце. У нее даже холодок пробежал по коже. Она ждала возвращения мужа и прикидывала, что ему скажет. Ей казалось, что Ричард, скорее всего, обрадуется, однако, с другой стороны, то, что его самого не пригласили, могло вывести мужа из себя. В конце концов Рейчел заснула прежде, чем тот пришел домой. Муж разбудил ее, когда, неуверенно ступая в темноте по полу спальни, подошел к кровати. Рейчел притворялась спящей, пока руки Ричарда, обнимавшие ее тело, не обмякли и он не захрапел. Рейчел осторожно высвободилась из объятий и отодвинулась к краю кровати, чтобы их тела не соприкасались.

* * *

– Вы звали меня, мадам? – спросила Пташка.

Миссис Аллейн, сидевшая на шелковом диване, взглянула на нее и подняла брови. Ее глаза сверкали.

– И причина тебе хорошо известна.

– Мадам?

– Хватит! – взорвалась миссис Аллейн, резко вскочив на ноги и принявшись мерить шагами ковер. У Пташки екнуло сердце, но она сделала невинное лицо и стала ждать. – Ты сама расписывала, какая она необыкновенная женщина, эта новоиспеченная миссис Уикс. И ты *заставила* меня встретиться с ней, не предупредив, насколько она похожа на ту мерзкую девчонку. Ты не могла не знать, какое я испытаю потрясение, – заявила миссис Аллейн, поедая взглядом служанку. Хотя Пташку и возмутили слова «та мерзкая девчонка» и крайнее презрение, с которым они были произнесены, она понимала, что спорить сейчас не время. – Ну? Что ты на это скажешь?

– Я только подумала, мадам, что вы захотите с ней познакомиться.

– Ну и ну. Поосторожней, Пташка. Конечно, я понимаю, ты в свое время была *ее* служанкой, прежде чем стать моей, но ты служишь мне вот уже двенадцать лет. Думаю, нечего даже спрашивать, кому ты должна быть предана больше.

– Я всегда была верна только вам, мадам, – солгала Пташка.

– Надеюсь, что так. И не забывай, она бросила тебя так же безжалостно, как и моего сына. И еще не забывай, что твое место в этом доме есть знак покровительства, которого

ты можешь лишиться. Немногие дали бы тебе работу, если принять во внимание все обстоятельства.

– Я благодарна, мадам.

– Хорошо, – проговорила Джозефина Аллейн, немного успокоившись, и опять села на диван. – Сходство действительно невероятное. Во всяком случае, на первый взгляд, – добавила она.

Пташка мысленно согласилась. Она наблюдала с лестницы, как уходит миссис Уикс, и на сей раз подметила несколько тонких особенностей, которые отличали эту женщину от Элис. Увидеть ее во второй раз было совсем не то, что встретить впервые, когда действительно могло показаться, что мертвые восстали из гроба.

– Воистину странен мир, в котором могут родиться два человека, наделенные таким сходством и в то же время совершенно никак не связанные между собой.

– Нельзя сказать, мадам, что они совершенно не связаны друг с другом. Потому что теперь у них есть вы, человек, которого они обе знают, – осторожно вставила Пташка.

Это был самый важный момент, потому что, если бы не удалось убедить госпожу, что миссис Уикс может оказаться полезной, Пташка лишилась бы всякой надежды разоблачить Джонатана. Увидев двойника Элис, он мог бы выдать себя. Пташка почувствовала затылком взгляд лорда Фокса, отца Джозефины Аллейн, который глядел на нее с большого полотна, висящего за спиной, над камином, и ощутила, как ее кожа покрылась мурашками. Пташка не любила смотреть на этот портрет. Ей не нравилось тяжелое пузо этого человека, его большие грубые руки и то, как он улыбается. Его улыбка казалась фальшивой, а морщинки вокруг глаз делали их обманчиво добрыми. Миссис Аллейн внимательно изучала Пташку, и взгляд ее был странным. Наконец внутреннее возбуждение заставило девушку заговорить снова, на этот раз не подумав:

– Вот я и решила, мадам, что вашему сыну могло бы пойти на пользу познакомиться с этой женщиной, так похожей на Элис...

– Я не желаю слышать этого имени!

Эти слова прозвучали как удар бича, и Пташка мысленно прокляла свою забывчивость.

– Прошу прощения, мадам, – пробормотала она поспешно.

Пташка ждала в тишине. Миссис Аллейн отвернулась и, ничего не говоря, стала смотреть в окно. День клонился к вечеру, в его болезненном свете хозяйка дома казалась бледной и прекрасной. Глаза на ее красивом лице были полны печали.

– И каким образом, по твоему мнению, пошло бы моему сыну на пользу знакомство с этой женщиной, которая, хоть и не по своей воле, выглядит в точности как некая особа, послужившая причиной его страданий? Как та особа, которую ему давно следовало бы забыть? – проговорила она, не глядя на Пташку.

«Он ее никогда не забудет. Я ему не позволю».

– Знаете, мадам... – произнесла Пташка, стараясь, чтобы ее голос звучал безразлично. – Мне кажется, мистеру Аллейну не хватает общества. Вы сами часто говорили, что ему не мешало бы почаще выходить в свет и принимать посетителей...

– Он и слышать об этом не желает, сама знаешь. Я перебрала все свои доводы. – Миссис Аллейн наклонила голову, и ее поза вдруг совершенно ясно передала глубину ее отчаяния. Потом она тяжело вздохнула, и когда снова подняла голову, на ее лице отразилась боль. – Временами он не хочет видеть даже меня. Собственную мать.

– Да, мадам. Вот я и подумала, что... пожалуй, ее столь знакомое мистеру Аллейну лицо может помочь ему терпеть ее общество, – сказала Пташка. Миссис Аллейн нахмурилась, поэтому девушка поспешно продолжила: – Эл... та девушка, которую он когда-то знал, была дорога ему больше всех на свете. Когда-то. И я знаю, что он до сих пор о ней думает...

– Откуда ты знаешь?

– Он... – Пташка заколебалась. Если бы миссис Аллейн узнала о письмах Элис, то перевернула бы комнаты Джонатана вверх дном, чтобы найти их и уничтожить. – Он иногда произносит ее имя, когда я нахожусь поблизости.

– Продолжай.

– Она была ему дорога, и есть вероятность, что он разрешит миссис Уикс его посещать. Почему бы не попробовать? Как вы думаете? Эта женщина кажется доброй и порядочной. Не случится ли так, что она поможет ему прийти в себя? Вы... вы, наверно, заметили, что в последнее время состояние мистера Аллейна ухудшилось? Я имею в виду, что он пал духом. – *Осторожно, только не ошибись.* – Пал духом, как во время того... несчастного случая.

Конечно, тот случай, когда Джонатан Аллейн вскрыл себе вену отбитым горлышком бутылки, не был случайностью. И они обе знали, что он намеревался сделать. Джозефина побледнела.

– Ты хочешь сказать, его здоровье ухудшилось *настолько*? Ты думаешь, что он может... что он способен... снова причинить себе вред?

В ее словах послышался страх.

– В последнее время, мадам, он опускается все ниже и ниже.

– Но... я хочу, чтобы он ее *забыл*! Это единственный путь... Она *опоила* его! Я изгнала из дома все, что о ней напоминало, и тем не менее, тем не менее... ты говоришь, он *до сих пор* произносит ее имя? После того, как она его предала? После всех лет, которые прошли с той поры?

Непролитые слезы стояли в глазах миссис Аллейн, которые сверкали, полные яростного неверия.

– Да, мадам.

– Нет, я не могу этого вынести. Я не могу вынести *ее*. У меня нет никакого желания снова увидеть лицо миссис Уикс. Это не ее вина, но факт остается фактом: она ходячее напоминание о той катастрофе, которая случилось в нашей жизни, и я не желаю, чтобы она еще раз попала мне на глаза.

Голос миссис Аллейн слегка дрогнул. Пташка почувствовала, как у нее от отчаяния пересохло во рту.

– Но вы только подумайте, что он может сделать с собой, если его здоровье и дальше будет ухудшаться, мадам... А вдруг, увидев ее, он воспрянет духом, хотя бы чуть-чуть...

– Не дави на меня, девочка! Ты забываешься! Может, ты и знакома с моим сыном еще с тех пор, как была ребенком, но в этом доме ты всего лишь служанка, и я не нуждаюсь в твоих советах! Думаешь, ты незаменима оттого, что не боишься за ним ухаживать?

– Нет, мадам.

Пташка знала, когда нужно изобразить кротость.

Какое-то время они обе молчали. Пташка стояла перед хозяйкой, потупив глаза, и рассматривала носки своих потертых туфель, которые выглядели так неуместно на богатом ковре с изящными узорами, пурпурными, зелеными и золотыми.

– Это что, очередная твоя проказа? – спросила в конце концов миссис Аллейн. Гнев прошел, и голос прозвучал тихо, испуганно. Слезы все еще сверкали в ее глазах.

– Нет, мадам. Я просто хочу сделать, как лучше.

– И... ты действительно думаешь, что, если их познакомить, если напомнить ему, это поможет?

– Мадам, если время и... уничтожение всего, связанного с памятью о прошлом, не помогло, то, возможно, миссис Уикс... благодаря ей он ощутит вкус того, что потеряно, и это принесет ему облегчение?

Слезы по-прежнему стояли в глазах миссис Аллейн. Она поморгала, чтобы избавиться от них, и взяла себя в руки.

– Если ты ошибаешься... если из-за нее ему станет хуже...

– Уверена, с ним не случится ничего плохого, мадам, – снова солгала Пташка, не колеблясь ни мгновения, и посмотрела на хозяйку совершенно спокойным взглядом.

Миссис Аллейн подумала еще секунду.

– Ну, тогда ладно. Пожалуй, можно попытаться. Хуже все равно не будет. Я ее приглашу, – сказала она.

У Пташки отлегло от сердца. «Нет, может. Да еще как хуже».

Пташка тихо прикрыла дверь гостиной, причем ей едва удалось справиться с дверной ручкой. Руки у нее тряслись. Все тело дрожало. Кровь с силой билась в висках. Она сглотнула и почувствовала, как пересохшее горло болезненно сжалось. «Она опоила его!» Эти слова продолжали звенеть у нее в ушах. Да разве хоть кто-нибудь, по-настоящему знавший Элис, поверил бы в такую небылицу? То, что такая леди, как миссис Аллейн, могла так обманываться, ставило ее в тупик. В тишине вестибюля Пташка посмотрела на свою руку, на кончики пальцев с обломанными ногтями, и их очертания показались ей расплывчатыми, такой быстрой и частой была овладевшая ими дрожь. Затем Элис взяла ее руку в свою и крепко сжала. Пташка закрыла глаза и увидела очень светлые золотые волосы, светящиеся в лучах солнца, и улыбающиеся голубые глаза с ресницами, похожими на перышки. «Эй, сестрица, сорви мне маков, и я сделаю тебе из них алую корону».

Там, где они гуляли, никаких красных лепестков в зеленой траве, растущей на заливленом лугу в широкой пойме реки, не было видно. Тогда они побежали вперед рука об руку, потом шли шагом, чтобы перевести дух, затем бежали снова. Почва была заболоченной, и казалось, будто она колышется под ногами. Тут и там попадались коровьи лепешки, усеянные, словно драгоценными камнями, янтарными навозными мухами. Пташка и Элис визжали, перепрыгивая через них, или резко меняли направление бега. «Эй! Вот здесь растут маки!» Пташка услышала собственный голос и смех Элис, когда они резко присели, вдыхая теплый запах сырой земли и примятой травы. Стебли маков были волосатыми, скрученными. Она рвала цветы и передавала Элис, которая плела из них венки. «Во время нашей с Джонатаном свадьбы на мне будет точно такой венок, – сказала Элис. – И на тебе тоже. Ты получишь для него любые цветы, какие только пожелаешь, и будешь нести шлейф моего платья всю дорогу до церкви».

– Пташка! – раздался злой шепот, и она вздрогнула. Девушка открыла глаза и увидела полутемный вестибюль. Золотые волосы и искрящиеся солнечным светом глаза исчезли, словно видение. – Чего ты здесь ждешь? И чем забита твоя голова? – прошипела миссис Аллейн.

Пташка ничего не ответила. Миссис Аллейн, несомненно, скоро опять пригласит миссис Уикс. У нее оставалось совсем мало времени, чтобы к этому подготовиться. А вернее, подготовить Джонатана. Ей хотелось, чтобы он оказался в самом мрачном расположении духа, когда перед ним впервые предстанет эта женщина, не Элис. Ей хотелось, чтобы Джонатана был готов к тому, чтобы проговориться, и она желала присутствовать, когда это произойдет.

* * *

То, о чем недоговаривала миссис Аллейн, казалось почти осязаемым, и Рейчел не знала, как долго сможет не обращать на это внимания. На улице в тот день шел дождь, и к тому времени, когда Рейчел дошла до Лэнсдаунского Полумесяца, одежда на плечах успела промокнуть. Во время порывов ветра пламя в камине начинало трепетать, сквозняк дул из-

под дверей, и ногам становилось холодно. Прихлебывая чай, Рейчел старалась унять дрожь. Паузы между натянутыми фразами, которыми они обменивались, с каждым разом становились все длиннее и длиннее. Миссис Аллейн деликатно кашлянула и спросила:

– А скажите, какие выходы в общество у вас запланированы, миссис Уикс?

– По правде говоря, у меня не намечено... ничего особенного, – ответила Рейчел.

– Но вы ведь, конечно, будете посещать Залы собраний?

– Я... не знаю, миссис Аллейн. Мистер Уикс ничего не упоминал об этом...

– Это естественно, дорогая миссис Уикс. Ведь он мужчина, а мужчина, который только что женился, мало интересуется танцами. Однако женщине не следует забывать о подобных вещах и заказывать соответствующие наряды. Разве не так? Он должен вас вывозить, скажите ему, что я велела, – объявила хозяйка.

Рейчел вежливо улыбнулась:

– Я ему, конечно, передам, миссис Аллейн. А вы сами любите танцевать?

– Да, я... когда-то любила, много лет тому назад, – ответила миссис Аллейн, и ее красивое лицо омрачилось. – Прошло очень много времени с тех пор, как я в последний раз танцевала. Моему мужу нравилось это занятие, даже после свадьбы. Он был такой счастливый, так любил веселиться. – Она отвела взгляд, посмотрела куда-то в дальний угол и тихонько вздохнула. – В последний раз я танцевала с Джонатаном, незадолго до того как он ушел на войну.

– И с тех пор больше ни разу? – сказала Рейчел, подсчитав, что с ее последнего танца прошло, наверное, лет десять.

– Да, ни разу, – ровным голосом проговорила ее собеседница.

Вновь наступила неловкая тишина. Миссис Аллейн так и сляк складывала руки на коленях, а потом наклонилась к столику, взяла чайник и налила две чашки чая.

– А этот приятный джентльмен на картине... – Рейчел указала на висевший над камином большой, написанный маслом портрет. – Прошу вас, скажите, кто он?

– Это мой отец, лорд Бенджамин Фокс. Он был великий человек... воистину великий. Сделал выдающуюся карьеру на флоте. Я вернулась в его дом и стала у него жить, когда муж умер. Тогда Джонатан был еще мальчиком. Он... он был очень добрый и любящий отец. – Миссис Аллейн помолчала. – Наверное, я надеялась когда-нибудь снова выйти замуж и опять стать счастливой, но этому не суждено было сбыться.

Рейчел принялась внимательно изучать полотно, на котором был изображен тучный, но осанистый и румяный человек с веселыми глазами.

– Он производит впечатление очень симпатичного человека, – пробормотала она. – У меня тоже было счастье иметь доброго и нежного отца. Он был джентльменом... владельцем небольшого поместья к северу от Бата. Я в нем выросла, и мой младший брат также жил там. Какое-то время.

– Вы потеряли и брата? – спросила миссис Аллейн, слегка подавшись вперед и бросив на собеседницу быстрый взгляд.

– Да, когда он был еще мальчиком. Его все любили. Это было... нелегкое время для моего отца и матери.

– И, осмелюсь добавить, для вас, по-видимому, тоже?

– Да, и для меня, – тихо проговорила Рейчел.

Миссис Аллейн сочувственно кивнула:

– Мир устроен жестоко, раз в нем случаются такие утраты, вы со мною согласны?

– Уверена, Богу видней, что для нас лучше, миссис Аллейн.

– Вот как? Хорошо сказано, миссис Уикс, – прошептала миссис Аллейн, причем так тихо, что ее слова трудно было разобрать.

Опять наступило молчание. За окнами шумел ветер, словно напевая заунывную песню.

– Вы, наверное, удивились, когда я попросила вас прийти снова, – сказала наконец миссис Аллейн. – Я имею в виду, так скоро после нашей предыдущей встречи, – добавила она поспешно.

Рейчел улыбнулась этому нечаянному знаку пренебрежения.

– Я думала лишь о том, как меня обрадует предстоящая встреча, – возразила она, и миссис Аллейн наградила ее понимающим взглядом, в котором сквозило желание извиниться за допущенную оплошность.

– Простите меня. По правде сказать... – Она в нерешительности замолчала, поворачивая на блюде свою фарфоровую чашку. – По правде сказать, я хочу представить вас моему сыну.

– Понимаю, – тревожно произнесла Рейчел, почувствовав, что миссис Аллейн пытается перейти к такой деликатной теме, как состояние здоровья сына. – Муж рассказывал, что ваш сын страдает от... болезни, полученной на войне, – проговорила она, чтобы облегчить собеседнице эту задачу.

– Миссис Уикс, я должна быть с вами честна. Моего сына многие считают человеком... которому не место в приличном обществе. Головные боли и кошмары... приводят его в мрачное настроение. У него случаются... странные навязчивые идеи, связанные с его участием в боях. Он слишком свободно говорит о том, что думает. И вещи, которые он может сказать, бывают... То есть он не всегда...

Она замолчала, ее глаза блеснули.

– Миссис Аллейн, – мягко сказала Рейчел, – простите меня, но я озадачена тем, что вы хотите представить вашему сыну именно меня.

– Я понимаю ваши сомнения, – вздохнула миссис Аллейн, повернулась к окну и пару секунд рассматривала небо. – У него осталось мало друзей. К нему никто не приходит. И я знаю, что... виной тому отчасти он сам. Но разве истинные друзья не могут... делать скидки на обстоятельства? – Она покачала головой. – Однако один за другим они перестали наносить визиты и даже писать. Я вижу, что вы вышли замуж за человека ниже себя по положению. Простите мою прямооту и поверьте, я не испытываю к нему какого-либо неуважения. Я знакома с Ричардом Уиксом уже много лет и знаю, что он на многое пойдет ради вас. Но ваши манеры лучше, чем у него, и у вас христианское сердце. Это ясно.

Рейчел покраснела. Может, она это и знала, но услышать подобное от посторонней была не готова. Поэтому она ничего не ответила, хотя и чувствовала, как ее щеки заливают румянец.

– Что ж, – сказала Рейчел холодно и не смогла придумать, что бы добавить еще. – Что ж, – произнесла она снова.

– Я вас обидела. И очень сожалею об этом. Возможно, я тоже становлюсь негодной для приличного общества. У меня просто нутро не выносит ханжества и лицемерия британских манер.

Миссис Аллейн поджала губы и стала ждать. Рейчел подумала, что ее проверяют, и почувствовала, что ей хочется сделать приятное этой странной и красивой женщине, причем не только потому, что муж ценит ее так высоко.

– Вы удивили меня, миссис Аллейн, – призналась она.

– Хорошо. Вы не из слабых, миссис Уикс. Не могу точно понять, в чем тут дело, но... это как раз та сила, которой не хватает моему сыну.

«Или та, которая мне понадобится, когда я с ним встречусь?» – подумала Рейчел.

– Он к нам сегодня присоединится?

– Да. То есть... Я надеялась... – Она замолчала, потому что в этот момент негромкий стук возвестил, что у двери стоит служанка.

Рейчел быстро подняла взгляд и увидела, что это не та рыжая девушка, которая уже два раза попадалась ей на глаза. У этой были маленькие глазки и вытянутое, как у хорька, лицо.

– Прошу прощения, мадам. Хозяин сказал, что сегодня к вам не спустится. Он... нездоров, – проговорила девушка, делая книксен.

– Спасибо, Доркас, – отозвалась миссис Аллейн. Голос ее прозвучал устало и разочарованно.

Снова наступила тишина, и Рейчел стало интересно, что именно скрывается под удобным выражением *нездоров*. Атмосфера в гостиной становилась невыносимой. Рейчел поерзала в своем кресле.

– Что ж, может быть, в другой раз... – пробормотала она.

– А не пройдет ли вы к нему наверх? – внезапно предложила миссис Аллейн.

Рейчел была шокирована и с минуту сидела, не в силах пошевелиться, но настоятельная просьба, написанная на лице хозяйки, подсказала, что лучше взять себя в руки.

– Как вы пожелаете, – сказала она.

Комнаты Джонатана находились на третьем этаже дома. Миссис Аллейн и Рейчел поднимались по широкой лестнице в молчании. Хозяйка шла впереди. Выражение лица у нее было страдающим и напряженным. У дверей они остановились, и миссис Аллейн провела руками сверху вниз по своему корсажу. Рейчел вдруг испугалась того, что ждет ее за дверью, – того, что могло вызвать такое беспокойство даже у родной матери несчастного безумца.

– Пожалуйста... – проговорила миссис Аллейн. – Пожалуйста, попытайтесь не... – Она не договорила. На ее лице мелькнула грусть, она постучала в дверь и открыла ее, не дожидаясь ответа. – Джонатан, – сказала миссис Аллейн довольно резко и быстро вошла в комнату. Рейчел следовала за ней по пятам, словно испуганный ребенок. – Вот кое-кто, кого я хотела бы...

– Мать, – оборвал ее мужской голос, – я тебе уже говорил, что не желаю видеть твоих никчемных врачей-шарлатанов. – Миссис Аллейн остановилась так резко, что Рейчел на нее едва не натолкнулась. – И я говорил, что не хочу видеть *тебя*. Во всяком случае, сегодня, – добавил он.

– Это миссис Уикс. Я думала...

– Не сомневаюсь, ты думала о себе. Как обычно с тобой бывает. Оставь меня в покое. Я тебя предупреждаю.

Миссис Аллейн заметно напряглась. Рейчел прищурила глаза, пытаясь разглядеть, откуда идет мужской голос. Ставни были закрыты, лампы не зажжены. При тусклом свете углей, едва тлеющих в камине, она увидела очертания фигуры, глубоко ушедшей в кресло, стоящее у широкого и заваленного всякой всячиной письменного стола. Внезапно у Рейчел появилось странное предчувствие, ощущение, что ловушка захлопнулась. У нее перехватило дыхание.

– Возможно, в другой раз, – снова проговорила она слабым голосом и повернулась, чтобы уйти. Но миссис Аллейн поймала ее за руку.

– Я сказал, *убирайтесь!* – внезапно взревел Джонатан Аллейн, и только рука его матери, схватившая Рейчел, помешала невольной гостье повиноваться. Она только что слышала крик душевнобольного. Миссис Аллейн повернулась к ней и наклонила голову к самому ее уху.

– Пожалуйста, – прошептала она. – Попробуйте.

Затем миссис Аллейн вышла, закрыв за собой дверь.

Некоторое время Рейчел не решалась шевельнуться. Она боялась произвести какой-либо звук, из-за которого сидящий в кресле мужчина догадался бы, что она еще не ушла.

«В чем дело? Почему я здесь?» Рейчел обвела взглядом комнату и, когда глаза немного привыкли к темноте, смогла рассмотреть ее получше, но от того, что она увидела, чувство тревоги лишь возросло. Помещение было обставлено как кабинет, с огромным количеством полок и шкафов, заваленных книгами и какими-то странными непонятными предметами. Некоторые походили на научные приборы с эбонитовыми коробочками, содержащими неизвестно что, со стеклянными линзами, регулировочными винтами и зубчатыми колесами. Другие выглядели как игрушки. Как детские игрушки. К стенам были приколоты карты звездного неба, а в углу стоял раскрашенный глобус, модель земного шара. От полки, что находилась рядом с ее плечом, она отпрянула, увидев мертвые глаза и оскаленную пасть чучела лисицы, готовой к нападению. По столу были разбросаны писчие перья, карандаши и какие-то странные механизмы. На нем также стояли три стеклянных сосуда, наполненные жидкостью и какими-то сероватыми луковичеобразными предметами, которые она не стала разглядывать. В нос бил странный запах гнилого мяса, не слишком сильный, но совершенно отчетливый. От этого у нее на лбу выступил пот. На стене над камином висела картина, изображающая ад. На ней ликующие демоны с вызывающими невыразимый ужас мордами разрывали на куски и пожирали человеческие тела.

– Вам нравится это полотно? – спросил мужчина в кресле. Теперь его голос стал хриплым и тихим. Удивленная Рейчел посмотрела на него снова.

– Нет, – честно призналась она, и ответом ей послужил глухой смешок.

– Его написал художник по имени Босх²⁷. Его посещали те же видения, что являются и мне. Думаете, я не заметил, что вы стоите там тихо, как мышь? Мои глаза при этом освещении видят куда лучше ваших. Я к нему привык.

– Мы оба видели бы гораздо лучше, если бы ставни были открыты, – проговорила Рейчел таким же оживленным тоном, которым разговаривала бы с Элизой. Она слегка повернулась, словно для того, чтобы пройти к окну, но остановилась, когда сидящий снова заговорил.

– Не трогайте ставней. – Это было сказано жестким холодным тоном. Чувствовалось, что в умении показывать норы хозяин был настоящий мастер. – Кто вы? Почему мать хочет, чтобы я с вами познакомился?

– Я... по правде сказать, и сама не знаю почему, – ответила Рейчел. Перед лицом такого странного человека, такой комнаты, самой ситуации, в которой она оказалась, ее сознание отвергло строгие правила этикета и настроилось только на правду. – Ваша мать считает, что мое общество может принести вам пользу.

– Почему? Вы знахарка?

– Нет.

– Вы... монахиня? Возможно, святая? Или шлюха? – спросил он. Язык Рейчел от потрясения прилип к гортани, так что она не могла ответить. – Значит, одно из трех. Интересно, что именно? – Его тон стал насмешливым. – Монахиня, святая или шлюха?

– Ни одно, ни другое, ни третье, – выдавила наконец Рейчел.

– Жаль. Я смог бы привыкнуть к обществу шлюхи. Однако она не пускает их в дом. Я имею в виду, моя мать. Ирония в том, что все женщины шлюхи. Они продаются за звонкую монету, положение в обществе или безопасность. Подойдите ближе к огню. Я хочу получше разглядеть ваше лицо.

Рейчел тупо двинулась к камину. У нее появилось чувство, будто она случайно попала в странный и тревожный сон. Никогда прежде Рейчел не оказывалась в такой неприятной ситуации. Даже когда стояла рядом с отцом и смотрела, как на улицу выносят все, что у них есть. Она обошла стол, встала перед самым креслом, в котором сидел Джонатан Аллейн,

²⁷ *Иероним Босх* (наст. имя Ерун Антонисон ван Акен; ок. 1450–1516) – нидерландский художник, один из крупнейших мастеров Северного Возрождения.

почувствовала на лице слабый жар от горящих углей и чуть не потеряла сознание, взглянув в лицо хозяина комнаты. Худой, бледный как смерть, с впалыми щеками. Морщины на лбу и в уголках глаз, в неухоженных волосах седые пряди. Высокий, но чересчур тощий. Его плечи выступали под рубашкой, ноги казались длинными и тонкими. Рука, сжатая в кулак и поднесенная ко рту, была жилистой, а глаза неестественно блестящие. Он перевел дыхание, прежде чем заговорить снова, но, едва издав первый звук, остановился, хотя губы еще продолжали шевелиться. Потом его рука упала, и рот приоткрылся. «Вот оно что, – поняла Рейчел. – Вот для чего меня к нему послали».

– Элис? – прошептал он, и Рейчел сразу же догадалась, что сердце этого человека разбито.

В этом голосе было море надежды, боли и горечи утраты. «Так, значит, когда все смотрят на меня, они видят Элис. И этот человек, и его мать. Элис, ту девушку, которая его бросила. Неужели так и есть?» В уголках глаз Джонатана показались две капли, сверкающие в свете огня. Потом на его лице отобразилась такая скорбь, такая мука, что на секунду Рейчел захотелось вытереть ему слезы. Ее руки, словно сами собой, поднялись и потянулись к нему. Он грубо схватил их и рванул вниз, заставив Рейчел встать перед ним на колени. Она попыталась вырваться, но Джонатан держал ее железной хваткой.

– Почему? – прошептал он, и из его рта пахнуло вином. – О, почему ты это сделала? Почему ты меня оставила?

Рейчел не отрываясь смотрела в его пустые глаза. Мысли ее смешались. Сердце бешено билось и было готово выскочить наружу.

– Мистер Аллейн, – выдавила она наконец из себя, ловя ртом воздух. – Я...

При звуке ее голоса он моргнул, и выражение на его лице стало жестоким. Боль и надежда в глазах исчезли, на смену им пришел гнев. Он взял ее рукой за подбородок и повернул лицо так, чтобы оно осветилось идущим от углей оранжевым светом.

– В чем дело? Ты не она. Отвечай! – произнес Джонатан голосом, в котором ей послышался злой скрежет.

– Я Рейчел Уикс, и...

– Кто? Кто? – Он встряхнул ее, и она попробовала еще раз вырваться из его хватки. В тот же миг Джонатан отпустил подбородок и освободившейся рукой сжал горло Рейчел. – Отвечай, а не то, ей-богу, я тебя задущу! Клянусь!

Отпустив запястье, он схватил ее горло еще и второй рукой. Рейчел вцепилась в его ладони и попыталась просунуть под них пальцы, но это ей не удалось. Ее охватила паника, лишающая последних сил.

– Я Рейчел Уикс! Я не знаю никакой Элис! Меня... меня пригласила ваша мать! – прохрипела она. – Отпустите!

– Моя мать? Так это она затеяла эту игру? Мне следовало бы догадаться. Но как вы, мадам, на это *осмелились*? Как вы *осмелились* прийти ко мне и притвориться той, кем вы не являетесь?

– Ничего подобного я не делала... – попыталась она возразить, но ей не хватило воздуха.

Руки, сжимающие горло, были стальными, и у нее перед глазами начали плясать яркие пятна. Сквозь них она могла видеть только страшное, беспощадное лицо, придвинувшееся совсем близко, и зубы, стиснутые в бешеной ярости. Комната позади него кружилась и уплывала в темноту. Рейчел колотила руками по плечам и лицу своего противника, будто столь слабые удары могли заставить его ослабить хватку, но боль в том месте, где он пережал ей горло, не ослабевала. Она ощущала свою беспомощность и хрупкость, и все ее усилия были тщетными. «Он меня убьет», – прозвучало где-то на задворках ее сознания. Эта мысль ее

никак не встревожила, несмотря на то что ее сердце колотилось от страха, а легкие жгло от нехватки воздуха.

– Отпусти ее! – раздался девичий голос, и Рейчел почувствовала, как чьи-то руки отрываю от ее горла пальцы Джонатана. – Пусти, говорю!

Послышался шум борьбы, и Рейчел, подняв глаза, увидела, как щетка для выметания золы с резким звуком опускается на голову ее обидчика. Облако сажи окружило его, и он, отпрянув, закашлялся. Освободившись, Рейчел упала на пол, жадно ловя ртом воздух. Она попыталась разглядеть, кто ее спас, но женская фигурка отступила в дальний темный угол, спасаясь от гнева Джонатана Аллейна. Тот стоял, протирая глаза, и злобно рычал.

– Пташка, ты вероломная дрянь! – ревел он.

Рейчел с усилием встала на ноги и выскочила из комнаты. Она вихрем сбежала по лестнице и пронеслась мимо миссис Аллейн, которая поджидала ее внизу.

– Миссис Уикс, что случилось? – крикнула она испуганно, когда Рейчел пролетала мимо.

Рейчел не только ничего не ответила, но даже не остановилась, чтобы забрать плащ. Она выскочила на кристально чистый воздух Лэнсдаунского Полумесяца, не думая ни о чем, кроме собственного спасения.

* * *

Пташка воскрешала в своей памяти встречу Джонатана Аллейна с Рейчел Уикс снова и снова. Эта сцена постоянно представляла перед ее мысленным взором – и когда она варила ветчину, и когда чистила камбалу, и когда доводила до кипения содержимое стеклянного перегонного куба, и когда чистила яблоки для пирога. Короче, пока вокруг нее продолжалась суэта, связанная с приготовлением ужина, а потом с постепенной подачей горячих блюд наверх, к столу миссис Аллейн; вскоре они, впрочем, возвращались холодными и практически нетронутыми. По вечерам хозяйка дома ужинала одна. Рядом с ней накрывали еще одно место для сына, но оно всегда пустовало. Пташке казалось, будто она находится в стороне от всего происходящего в доме и ее окружила невидимая стена, которая заглушает все проникающие извне звуки. Она размышляла о случившемся и не могла понять, почему не испытывает чувство удовлетворения. Ну, не то чтобы она его не испытывала *совсем*. Разве Пташка не хотела, чтобы он себя выдал? Показал, что он убийца? И разве он не сделал ей одолжения, едва не придушив жену Дика? Но она и так знала о его склонности к насилию, в этом не было ничего нового. *Может, он показал, как ее убил? Задушив голыми руками, стиснув шею?*

Она представила себе стройную шею Элис, хрупкую, как у птицы, с нежной кожей под пушистыми волосами, словно напитавшимися светом. Потом перед ее глазами встали сильные руки Джонатана с длинными, изящными пальцами. Однажды он посадил Пташку себе на колени перед старым пианино на ферме в Батгемптоне, расстроенным от сырости, и стал, невзирая на это, учить ее играть какую-то песенку. Тогда она и рассмотрела его руки вблизи. Ногти очень чистые и прекрасной формы. Безупречные суставы и костяшки. Когда Джонатан заиграл, она оказалась так зачарована движением его пальцев, что даже не обращала внимания на мелодию, которую он наигрывал. Когда он сказал: «Твоя очередь», а она не знала, с чего начать, разочарованное выражение, появившееся на его лице, уязвило ее. И чтобы отвлечь внимание непрошеного учителя, она схватила обеими руками ладонь Джонатана и укусила его за один из пальцев, засмеявшись, когда юноша охнул и побежал разыскивать Элис. «Твоя маленькая фурия меня укусила», – пожаловался Джонатан, когда нашел девушку во дворе, но, говоря эти слова, он улыбался.

И все же. И все же. Почему ты меня оставила? Именно это он у нее спросил. Пташка остановилась на верхней ступеньке лестницы для слуг и прислонилась к стене, повернув голову в сторону маленького окна, чтобы взглянуть на ночное небо. Небо было чистым, на нем ярко светила луна и сурово мигали звезды. Пташка словно ощущала их ледяное дыхание, касающееся ее лица. Осень стояла холодная, и все предвещало морозную зиму. Пташка закрыла глаза, злясь на саму себя. «А чего ты ожидала? Что он закричит: этого не может быть! Я же тебя убил! Ну не дура ли я...» За то короткое время, которое имелось в ее распоряжении, она подготовила его как можно лучше. Снова принесла ему крепленое вина и, прибираясь у него в комнатах, производила столько резких звуков, сколько могла. Прячала в мешок предназначенную для него еду, чтобы потом от нее избавиться, так что в последнее время он питался практически одним спиртным. Мертвая крыса, которую она положила под его письменный стол тремя днями раньше, уже начала пованивать, наполняя воздух запахом разложившейся плоти. Она надеялась, это заставит его почувствовать, будто к нему подкрадывается сама смерть.

«Почему ты меня оставила?» Именно эти слова встревожили ее больше всего. Разве об этом должен спрашивать у своей жертвы убийца? Они прозвучали так, словно он вправду верил распускавшимся ложным слухам, будто Элис завела другого любовника и убежала с ним, бросив их всех. Однако, что, если... что, если Джонатан убил ее именно по этой причине? Его мотив давно ставил Пташку в тупик. Теперь она лучше знала мужчин, чем тогда, гораздо лучше, но у нее до сих пор не возникало сомнений в том, что он любил Элис. Любил многие годы. Он и Элис росли практически бок о бок, хотя большую часть времени проводили порознь, а не вместе. Но если Джонатан по какой-то причине решил, что Элис *намеревается* его бросить... этого могло оказаться вполне достаточно, чтобы он решился на самое худшее. Не тот Джонатан, которого она знала до войны, а Джонатан, с войны вернувшийся. Увы, Джонатан, побывавший в Испании, разительно отличался от мальчика, который отправился туда, наполненный радужными мечтами о чести и славе. Но Элис ни за что бы его не бросила. Элис его любила больше жизни. Пташка откинула голову назад с такой силой, что та с глухим звуком ударилась о стену.

Нет, времени для отдыха у нее не было. Она закончила свою работу, набросила шаль на плечи и потихоньку вышла на улицу. Ее башмаки гулко стучали по камням мостовой. Позади линии мерцающих уличных фонарей перед Полумесяцем простирался выгон, широкий и крутой, а за ним, на востоке и юге, лежал остальной город, утопающий в ночи лабиринт темных улиц. Далекое огоньки в окнах домов походило на тусклые отражения звезд, сияющих над головой. Элис непременно повздыхала бы над красотой этой картины, но при мысли об этом Пташка лишь почувствовала у себя во рту кислый привкус и отвела глаза, желая отвлечься от этих глупостей. Она направилась к «Голове мавра» таким быстрым шагом, что, когда пришла туда, совсем взмокла и жадно ловила ртом воздух. В таверне было душно, воняло мужским потом и пивом. Дик Уикс сидел здесь, бражничая в компании прежних дружков; увидев его, Пташка обрадовалась, как никогда раньше. Она взяла у Сейди кружку с пивом и небрежной походкой подошла к его столу.

Он в это время смеялся какой-то шутке, но сразу стал серьезным, как только ее увидел. Дик на удивление хорошо выглядел в своем коричневом сюртуке из простой шерстяной ткани, его губы изящно изогнулись, выражая недовольство. Пташка ненавидела чувство, которое у нее возникало при взгляде на него. Она ощущала мучительное вожеление и еще что-то, ей не понятное. Пташке хотелось, чтобы он к ней прикоснулся или, может быть, захотел ее. Она вспомнила, как Дик позволял ей щебетать без умолку, когда она, опершись на локоть, лежала рядом после их любовных игр.

– Тебе не понадобилось много времени, чтобы снова вспомнить дорожку сюда, – произнесла она громко, чтобы ее было слышно, невзирая на окружающий шум. – Удивлена, что твоя женушка тебя сюда отпустила, да еще в такой вечер.

– А чего такого особенного в сегодняшнем вечере? – спросил Дик, нахмурившись.

– О, ничего такого, только, думается, она должна быть не в духе после визита к Аллейнам.

– А ну-тка, деваха, пришвартай к нам свою задницу, – проговорил Питер Хокс, который, как всегда, не мог оторвать глаз от ее рыжих волос и тугого корсажа.

Пташка пожалала плечами и, пододвинув Дика толчком бедра, присела рядом с ним на скамью. Другие мужчины, сидящие за столом, отвернулись, а Дик посмотрел на нее озадаченно.

– Ты что, правда не знал? – спросила Пташка. – Она никогда не говорит тебе, куда ходит и где бывает? – Девушка медленно покачала головой, приподняв брови. – Такие тайны, а ведь времени после свадьбы прошло всего ничего.

Ноздри Дика затрепетали. Ах как он не любил, когда его дразнят!

– Этим вечером я с женой еще не встречался. Уверен, она мне сама все расскажет, когда я приду домой, – ответил он резко.

– Может, и так. А может, лучше не выпытывать у нее подобных секретов. Но вообще-то, я скорее на твоей стороне. – С этими словами Пташка положила руку Ричарду на колено и наклонилась к самому его уху. – Мне нужно еще крепкого вина, – прошептала она. – Самого крепкого, какое только сможешь изготовить.

– Ты его не получишь. Во всяком случае, от меня. – Дик сделал долгий глоток, а затем уставился в свою кружку, словно желая отгородиться от своей соседки. – Прекрати, Пташка. Оставь бедного засранца в покое, слышишь? И потом, что он тебе такого сделал? Разве все твои затеи что-нибудь тебе дали? Совсем ничего, вот в чем вся штука.

– Он убийца. Он убил свою невесту, мою сестру...

– И кто об этом знает, кроме тебя? Кто во всей Англии может это подтвердить, кроме *тебя*? – проговорил он сурово, и его слова словно ужалили ее. – Да кому, кроме тебя, вообще приходит в голову, что Элис Беквит мертва? Она, верно, живет сейчас в каком-нибудь северном графстве с муженьком и детишками, а ты тут все варишь свое ведьмино варево и замышляешь навести порчу, чтобы отомстить за убийство, которого никто не совершал! – Он в гневе ткнул в девушку пальцем, и где-то внутри ее шевельнулся маленький червячок сомнения.

– Элис бы *никогда* не уехала вот так... Я хорошо это знаю, – заявила она.

– Это твои слова, но, если они не верны, ты не станешь первой женщиной, которая ошиблась. Разве нет? Ты думаешь, что ты ее сестра, но ведь это не так. Ты отродье какой-то бродяжки, тебя подобрали, как подбирают занятого щенка. Конечно, она тебя бросила, когда пришло время. Ты сама не знаешь, как смешна, когда продолжаешь нести про нее подобную чушь. Покончи с этим, и сделай услугу самой себе. Знаешь, ты причиняешь зло не только ему. Я сам недавно был у миссис Аллейн. Она... чахнет вместе со своим сыном. А все из-за тебя.

– Он чахнет из-за своей вины. Я сама слышала его признание, да, слышала! Я только хочу, чтобы правда стала известна всем.

– Нет, это не так. Ты не хочешь знать правду, в этом твоя беда. Элис Беквит пожелала другого мужчину и сбежала с ним, вместо того чтобы предстать перед лицом своего благодетеля. Неужто ты готова провести всю свою жизнь, пытаясь доказать, что дело обстояло иначе?

Несколько мгновений потрясенная Пташка сердито хранила молчание.

– Ты не прав, – сказала она наконец, но Ричард пропустил ее слова мимо ушей. – Полюби Элис кого-то другого, я бы знала. – Пташка залпом допила кружку, хотя живот у нее свело и глотать было трудно.

Ричард по-прежнему смотрел прямо перед собой, и Пташка могла видеть только половину его лица. Внезапно она почувствовала испуг, сама не зная отчего. Прядь каштановых волос висела у его виска, и прежде чем Пташка осознала, что делает, она протянула руку и заправила ее ему за ухо. Дик изогнулся и ударил девушку по руке.

– Я тогда с тобой не шутил, Пташка, – холодно произнес он. – Между тобой и мной все кончено. – (Она уставилась на него, приоткрыв рот.) – А если у тебя течка, то уважь мистера Хокса, он уже давно подбивает к тебе клинья. Разве я не прав, старина?

Питер Хокс устремил на девушку хищный взгляд и утвердительно кивнул сидящим подбородком.

– Ты просто дьявольски лакомый кусочек. И мне хотелось бы посмотреть, такие ли у тебя внизу рыжие перышки, как сверху? – сказал он.

– Спасибо за предложение, сэр, – ответила Пташка, поднимаясь со скамьи. – Но я лучше стану спариваться со старым жеребцом на здешней конюшне, чем позволю вам до меня дотронуться.

И она пошла прочь с высоко поднятой головой, чтобы Дик не догадался, что он вонзил в нее острый нож, застрявший где-то между ребрами. Пташка почувствовала, как ей тяжело дышать из-за того, что рана оказалась такой глубокой.

– Слушай, подружка, ты только взгляни, и увидишь, что у меня хозяйство не хуже, чем у того жеребца, который привлек твое внимание! – крикнул ей вдогонку Питер Хокс, и сидевшие за столом мужчины дружно расхохотались.

Она выбрала молодого солдата, почти мальчика, уже пьяного и наполовину сползшего со скамьи, на которой тот сидел со своими товарищами. Хотя медные пуговицы на его мундире ярко блестели, на бриджах уже появились пятна от пролитого вина. Волосы у него были мягкие и светлые, как у младенца, но нежные карие глаза от обилия выпитого подернулись пеленой. Его голос звучал то мальчишеским фальцетом, то мужским тенором. Пташка выпила с ним и его друзьями и прильнула к нему, придвигаясь все ближе и ближе, пока в конце концов не оказалась у него на коленях. Она позволила его неуверенным, робким рукам пропутешествовать по ее бедрам до тонкой талии, а потом подняться еще выше. Когда Пташка рассудила, что он зашел достаточно далеко, она что-то прошептала ему на ухо и помогла парню встать. Направляясь с ним к задней двери, девушка оглянулась на Дика и подметила, что тот на нее смотрит, нахмутив брови, а его глаза потемнели от гнева. Как раз так, как Пташка и рассчитывала. Она послала ему язвительную улыбку, подняла руку солдата и положила себе на плечи.

На дворе она принялась покрывать лицо юноши быстрыми поцелуями, поворачивая его из стороны в сторону, пока тот внезапно не начал оседать, а его глаза не затуманились. Пташка опасливо сделала шаг в сторону, потому что в этот миг солдата стошнило в сточную канаву водянистой струей, в основном состоящей из кислого вина. Пока он стоял, согнувшись пополам, кашляя и отплевываясь, она по очереди запустила пальцы во все его карманы и освободила их от последних оставшихся там монет. Потом вонь рвоты заставила Пташку отшатнуться, и она покачнулась, внезапно почувствовав слабость во всем теле.

– Пусть это будет тебе уроком, мой сладкий, – беззлобно сказала она солдату. – Завтра ты поймешь, что потерял деньги, достоинство и хорошее самочувствие, но зато ты сохранил девственность, с которой был так не прочь расстаться. Этот вечер выдался для тебя неудачным. Никогда не пей больше, чем можешь в себе удержать. – Юноша жалобно застонал, но Пташка похлопала его по плечу, вполне уверенная, что солдат не имеет ни малейшего пред-

ставления ни о том, кто она такая, ни о том, где и почему он находится. – Побудь здесь, – продолжила она. – Твои друзья скоро выйдут и найдут тебя.

С этими словами Пташка его покинула и выскользнула со двора на темные улицы Бата. Ветер охлаждал ее щеки, мокрые от слез, в которые она сама едва могла поверить.

* * *

После того как Рейчел убежала из дома в Лэнсдаунском Полумесяце, она долго еще не могла успокоиться. Ее руки тряслись, ноги подкашивались, и все время хотелось глупо расплакаться, несмотря на то что опасность давно миновала. Она подогрела приправленное специями вино, которое не смогла выпить, и приготовила себе холодный ужин, который не смогла съесть. Ей хотелось, чтобы Ричард поскорее вернулся и утешил ее, но тьма на их узкой улочке продолжала сгущаться, и наконец Рейчел поняла, что выглядывать в окно больше нет смысла: мужа она все равно не разглядит. Когда стало уже совсем поздно, а его все еще не было дома, она взяла свечу, поднялась по узкой лесенке в спальню и достала из своей шкатулки локон матери. Рейчел прижимала холодные скользкие волосы к губам и втягивала ноздрями воздух, пытаясь ощутить запах Анны Крофтон, который еще мог на них оставаться. Запаха, увы, не было, но тем не менее даже сама попытка его ощутить успокоила Рейчел, и внутренняя дрожь, которая угрожала в любой момент обернуться рыданиями, несколько унялась. «Мягкие волосы, мягкие руки. Да и вся она казалась мягкой и нежной, даже делая мне выговор», – прошептал голос у нее в голове. Рейчел прилегла на кровать и стала дожидаться мужа. Шея болела, мускулы все еще сводило от напряжения, испытанного, когда она пыталась вырваться из рук Джонатана Аллейна. Когда Рейчел закрыла глаза, то увидела его лицо и вспомнила появившееся на нем выражение надежды и боли, которые в свою очередь сменил всплеск чудовищной ярости, такой страшной, что ничего подобного она не видела за всю свою жизнь.

Рейчел погрузилась в состояние полудремы, хотя ее глаза все еще оставались открытыми, когда нижняя дверь наконец хлопнула и раздались шаги Ричарда, поднимающегося по ступеням. Она села и, несмотря на головную боль, постаралась пригладить волосы, чтобы придать прическе красивую форму. Свеча догорела, и от нее остался лишь небольшой огарок. Когда Ричард вошел, вид у него был хмурый, а его шаги показались Рейчел тяжелыми и неуклюжими. Он шаркал подошвами и задевал башмаками углы мебели.

– Ричард! Как я рада, что ты пришел. Сегодня со мной... приключилась ужасная вещь...

– Ты снова ходила в гости к миссис Аллейн, – оборвал ее Ричард, вставая рядом с кроватью так, что освещена была лишь одна половина его лица, тогда как другая оставалась погруженной в темноту.

– Да... как ты узнал?

– Понятное дело, не от тебя. Не от жены, которая обязана докладывать обо всем! – Голос его стал громким, и Рейчел моргнула. На верхней губе и на лбу мужа блестели капельки пота, и она почувствовала, что от него пахнет кабаком.

– Я... собиралась рассказать. Но вчера ты пришел так поздно и казался таким расстроенным, что не хотелось тебя... беспокоить.

– Ну а утром, когда я уходил? – спросил он.

Рейчел растерялась.

– Я подумала, что дело не слишком важное, – проговорила она тихо.

На самом деле она и сама не знала причину, по которой утаила от него приглашение. Возможно, оттого, что не знала, как он откликнется на эту новость.

– Ты подумала, что дело не слишком важное, – саркастически произнес вслед за ней Ричард.

– Я собиралась тебе рассказать, конечно же, собиралась. И пытаюсь сделать это сейчас. Ох, Ричард, это было ужасно! Миссис Аллейн настаивала, чтобы я познакомилась с ее сыном, она заставила меня подняться в его комнаты, потому что сам он сойти к нам отказался. А потом... а потом... он на меня набросился! Не знаю точно, по какой причине. Похоже, он принял меня за другую женщину... Он накинулся на меня и чуть не задушил, Ричард! Я так испугалась... Думаю, он совсем сошел с ума!

Рейчел остановилась, чтобы перевести дыхание и успокоиться. Она ждала, что муж протянет к ней руки, начнет успокаивать, но вместо этого он тяжело опустился на край кровати, повернувшись к ней спиной.

– Ричард? Ты разве меня не слышишь? – спросила Рейчел, кладя ему на плечо руку.

Тот подскочил, словно ее присутствие стало для него неожиданностью.

– Что за глупости? – пробормотал он. – Конечно же, ее сын не сошел с ума, а только... был слегка взволнован. Разумеется, он на тебя не напал.

– Но... он это сделал! Клянусь! – воскликнула Рейчел. – Посмотри вот сюда, на шею, если не веришь. Гляди, какие на ней остались отметины от пальцев! – Она откинула шаль и повернула шею ближе к свету, показывая красные пятна, еще видневшиеся на коже. – Смотри! – (Ричард неохотно бросил беглый взгляд на шею жены, нахмурился еще сильнее и ничего не сказал.) – Но... неужели у тебя не найдется слов утешения? Неужели тебя не касается то, что на меня напали? – спросила Рейчел в растерянности.

– Конечно касается. Разумеется... Уверен, он не хотел причинить тебе вреда. Он ведь джентльмен. И его мать...

– Его мать оставила меня одну в его комнатах! Она оставила меня, и он мог делать все, что ему заблагорассудится! И какой джентльмен станет применять силу к... ни в чем не повинной даме, которая пришла в гости? Говорю тебе, в этих людях нет ни капельки благородства!

Рейчел разрыдалась как от нервного истощения, так и от пережитого страха.

– Я не позволю дурно отзываться об Аллейнах. Если бы не доброта миссис Аллейн и ее покровительство, я остался бы никем. Влачил бы подлое существование, прислуживая другим, чтобы заработать на пропитание, а не вел жизнь уважаемого торговца, поднимающегося все выше и выше...

– Я тебя не понимаю, Ричард. Неужели... Неужели мы так благодарны ей за твой успех, что ее сыну можно меня душить, а ты не скажешь и слова против?

– Я только говорю, что... надо иметь снисхождение. Джонатан не очень здоров... и ты имела некоторое несчастье... ему не понравится. Но тебе не следовало входить в его комнаты.

– Имела несчастье? Да если бы эта подавальщица не появилась там, чтобы его остановить, он бы действительно меня убил! Ты и это назвал бы некоторым несчастьем? Или просто сказал бы, что мне не повезло?

– Какая подавальщица?

– Ну та, рыжеволосая. О которой я говорила тебе прежде, что видела...

– Хватит об этом. Теперь ты дома, живая и здоровая. Тебе не причинили никакого вреда... – Ричард наконец повернулся к ней лицом и взял ее руку в свои. Рейчел смотрела на него в изумлении. – Это прекрасно, что миссис Аллейн попросила тебя снова прийти к ней в гости. Может, в следующий раз ты попадешь на игру в карты или на чай? Будем на это надеяться, потому что она, верно, по-настоящему к тебе расположена, ты не находишь?

Он сжал ее руку и улыбнулся, но его глаза оставались полными тревоги.

– В следующий раз? Ричард... я не смогу пойти туда еще раз. Я не хочу! Ты не понимаешь, каково было...

– А ну хватит. Ты напугалась, вот и несешь всякую ерунду. Конечно, ты снова пойдешь, если тебя пригласят. Будем надеяться, что так и случится.

Говоря это, Ричард все сильнее сжимал ее руку, пока ей не стало больно.

– Ричард, я...

– Ты пойдешь.

Он произнес это медленно, четко выговаривая каждое слово, и ее рука, зажатая в его ладонях, казалась маленькой, слабой рыбкой, не способной вырваться на волю.

Рейчел ничего не сказала. Она не понимала нерушимой преданности Ричарда семейству Аллейн, такой сильной, что ради нее он с легкостью мог пожертвовать благополучием жены. Рейчел не понимала, почему он так настаивает, чтобы она снова к ним пошла – даже против своей воли. Она не понимала, почему Ричард не захотел ее нежно обнять, а вместо этого, уложив обратно в постель, принялся расстегивать бриджи. Рейчел не понимала, почему Ричард, после того как она его предупредила, что слишком устала и огорчена, чтобы заниматься любовью, все-таки настоял на своем.

1805

Джонатан и Элис постоянно переписывались, принимаясь за следующее письмо, как только было получено и залпом проглочено предыдущее, так что послания путешествовали между ними, словно дуновения воздуха, вдох и выдох, без устали. Когда на ферму приходил почтальон, Элис бросалась к нему со всех ног, чтобы первой коснуться пальцами конверта, словно на нем оставалась какая-то частичка Джонатана, которая переходила к ней через кожу. После этого она крадучись уходила, чтобы найти укромный уголок, где без помех можно было прочитать письмо, – в свою комнату, или в гостиную для приема почетных гостей, или в сарай. При этом ее лицо выражало полную собранность, а уголки рта подрагивали в улыбке, то угасающей, то усиливающейся в зависимости от содержания письма. Каждое письмо перечитывалось дважды, трижды и даже четырежды. Затем Элис осторожно клала листок в шкатулку из полированного розового дерева, брала перо, бумагу и принималась сочинять ответ.

Пташка не раз открывала шкатулку и пыталась прочесть одно из писем. Она понимала, что этого не следовало делать, но не могла устоять против искушения. Элис давала ей уроки чтения, но все равно Пташке удавалось прочитать не больше одного-двух слов, написанных невообразимым почерком Джонатана с росчерками и завитушками. Могло показаться, что юноша нарочно зашифровывает свои послания, чтобы никто, кроме Элис, не мог прочитать его писем. И разумеется, ей ни разу не удалось подсмотреть, что пишет в ответ Элис. Когда Пташка спрашивала, Элис обычно отвечала что-нибудь вроде следующего: «Я рассказываю ему о том, как ты стараешься во время наших уроков и как хорошо помогаешь Бриджит. А еще пишу о совах, свивших гнездо на старом дереве, и спрашиваю, когда к нам еще раз придет его дедушка». Затем девушка кивала ей и улыбалась, словно говоря: вот тебе, и будь этим довольна. Пташка горела желанием узнать, о чем еще упоминала Элис. То небольшое, что девочке удавалось выуживать из абракадабры Джонатана, обычно представляло собой такие скучные слова, как, например, «милосердный», «мать», «город» и «время года». И лишь иногда ей удавалось найти что-то более захватывающее, типа «лелею», «в плену» и «обожаю».

Пташка всегда знала, когда у Элис заводился какой-нибудь секрет. Догадаться о нем не стоило труда, потому что Элис не слишком хорошо умела хранить тайны. Не то чтобы она могла о них обмолвиться, за исключением случаев, когда они были пустячными, вроде пирога к чаю или купленного для Пташки маленького подарка, который следовало припрятать до даты, выбранной в качестве ее дня рождения. Эти вещицы Элис не могла хранить долго и обычно вручала раньше времени. Когда же появлялся секрет, который принадлежал еще кому-либо или казался ей важным, она хранила упорно, однако связанное с этим напряжение было написано у нее на лице. Между ее бровями прочерчивалась крошечная морщинка, а глаза становились такими смущенными, словно перед ними постоянно стояло то, о чем нельзя рассказать. Губы оставались приоткрытыми, словно она всегда была готова заговорить. В таком состоянии Элис однажды пребывала целых пять дней после того, как получила одно из писем Джонатана, и Пташке до смерти хотелось оказаться в курсе того, что она из него узнала. Но однажды в холодный и ветреный день Элис пришла на кухню с выражением деланого спокойствия на лице, держа в руках шаль и книгу стихов в тканевом переплете. Она встала у окна, и Пташка, которая помогала Бриджит натирать солью свиную грудинку, заметила, насколько высоко подняты и напряжены ее плечи. Наконец Элис повернулась к ним с видом крайнего безразличия.

– Думаю, мы с Пташкой сегодня могли бы прогуляться до Батгемптона. Похоже, погода установится хорошая, – сказала она.

Бриджит выглянула в окно, посмотрела на несущиеся по небу тучи, на качающиеся от ветра ветки деревьев и с сомнением скривила губы.

– Если тебе хочется подышать свежим воздухом, лучше сходи посмотреть, не пора ли собирать крыжовник, – проворчала она.

– Нет, не пора. Я вчера уже посмотрела, – поспешно отозвалась Элис. – Скажи, Пташка, тебе ведь вправду хотелось бы пройти до деревни? – произнесла она голосом, несколько более высоким, чем обычно, и с легким придыханием.

– Ой, да, конечно. Можно, Бриджит?

– А как тогда быть с этой грудинкой?

– Мы ведь почти закончили... Пусть полежит, а я обещаю довести дело до конца, когда вернусь. Ну пожалуйста...

– Ну и парочка. Ладно уж, отправляйтесь. И ничего, что всю работу вы вечно взваливаете на меня, – вздохнула Бриджит.

Пташка спрыгнула с табурета, на котором стояла, и сняла передник.

– А теперь, моя маленькая сестричка, беги за своей шляпкой, – велела Элис с невольной улыбкой радости на лице.

Ферма стояла на широкой полосе земли, протянувшейся между рекой и недавно вырытым каналом²⁸, соединяющим Эйвон с Кеннетом²⁹. Эйвон, быстрый и многоводный, протекал к северу от их дома. На юге от него шла дорога к горбтому мосту через канал, а затем напрямик к главной улице деревни. Однако в тот день Элис изменила обычный путь и пошла по гравийному бечевнику³⁰, тянувшемуся вдоль канала.

– Давай погуляем сегодня здесь, – сказала она с напускной веселостью.

Если бы они направились по бечевнику на запад, то через две мили оказались бы в Бате, а если бы повернули на восток, то вышли бы на южную окраину Батгемптона. Сильный ветер морщил воду в канале, тербил подола их платьев и ленты на шляпках. Они шли, лавируя между кучками навоза, оставленного тащившими баржи лошадьми, однако Пташку это не тревожило; она зачарованно смотрела на канал, теперь полностью заполненный водой. В течение долгого времени он представлял собой всего-навсего грязную канаву, в которой множество землекопов махало кирками и лопатами, вынимая из нее землю, чтобы еще больше углубить этот шрам на теле земли, которому уже никогда не суждено было затянуться. А теперь по каналу могли свободно плавать лодки и баржи, перевозя грузы с куда большим удобством и с куда большей выгодой, чем по дороге. Примерно месяц после того, как по каналу пустили воду, ее поверхность была чистой и светлой, как зеркало. Теперь же она стала зеленой и мутной, словно суп из водяного кресса³¹, и от нее шел влажный и терпкий запах, как от мокнущих под дождем опавших листьев.

²⁸ Имеется в виду канал Кеннет-Эйвон, вырытый в 1794–1810 гг. между городами Бат и Ньюбери; соединяет Эйвон, впадающий в Бристольский залив, и Кеннет, приток Темзы. Длина 140 км, имеет 105 шлюзов, используется до сих пор.

²⁹ *Кеннет* – река на юге Англии.

³⁰ *Бечевник* – дорожка вдоль берега канала, предназначенная для буксирования лошадьми судов на канате, называемом бечевой.

³¹ *Водяной кресс* – быстрорастущее многолетнее водное или полуводное растение семейства капустных; используется как листовая овощ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.